

**Елизавета
Огнелис**

Мусин Ринат

КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

Том 3

2017

A glowing furnace pouring molten metal. The furnace is a large, dark, cylindrical structure with a bright yellow and orange interior. A thick stream of molten metal is being poured from the bottom of the furnace. The background is dark with some sparks or light trails.

Итак, начинается третья, самая большая часть, которая в черновом варианте называлась "Революция в идеальных условиях". Фэнтезийные и гаремные приключения заканчиваются. Условия и впрямь идеальные — в планетарном масштабе ребята не ограничены. У них бесконечное количество денег, оборудования, оружия. Неуязвимость, две сверхспособности по сравнению с которыми всякие там Халки с Таносами выглядят жалко — и это еще мягко сказано...

Как закалялась сталь — 2057. Том 3

Елизавета Огнелис, Ринат Мусин

Глава 1

Ночь с 25 на 26 августа 2056 года.

Марат подождал пока Юта уснёт, и вылез из кровати. Сейчас они почти все время, которое проводили дома — находились в «палатке». Сабрина так и вообще оттуда бы не вылезала — шутка ли, целый дворец в двухкомнатной квартире. Но сейчас Марат выбрался в их прежнее жилище, прошел на маленькую кухню, поставил чайник. Здесь можно шуметь сколько угодно, в палатке не слышно ничего. Он вышел на балкон, закурил. Курить — это едва ли не единственное человеческое, что у него осталось. Нет, снаружи выглядел он как обычно, вот только что у него теперь внутри? Спать больше не хотелось, совершенно и никогда.

Как будто его тело и мозг вообще перестали уставать. Еда теперь шла не впрок. То есть вместо того, чтобы питать его, все проглоченное стало оставаться внутри, как будто растворялось в теле. Нет, он не разбух, не потолстел нигде и сантиметра, продолжал оставаться все в той же форме, к которой пришел в семнадцать лет, и с тех пор ни мог ни набрать, ни скинуть и пары килограмм. Несколько месяцев отчаянных тренировок в качалке, с трудом набранные четыре килограмма мышц... и неделя болезни, после которой он встал на весы, и стрелка снова показала неизменный годами и десятилетиями "бараний вес". Проклятие или благословение?

Зато теперь каждый проглоченный грамм утяжелял его. Марату даже пришлось сходить к литейщикам в цех, чтобы взвесится на электронной платформе. Полностью расслабленный он потянул на пятьсот пятьдесят килограмм. Напружинив тело — весил опять шестьдесят. И это — до четвертого Теста. Сколько, интересно, сейчас? Хотя нет, не очень интересно... Зато воды можно пить сколько угодно, вода не задерживалась. И курить сколько влезет.

Марат стоял на балконе, вглядывался в яркие и толстые августовские звёзды. Ницше как то сказал, что если долго вглядываться в бездну, то бездна начинает вглядываться в тебя. Для большинства это просто быдло-фраза, никчемная и односмысленная, но тому, кто идёт по трудному и опасному пути — известны все её оттенки.

У него в сейчас большой перерыв, можно сказать — отпуск. Семьсот двадцать часов, а не семьдесят два как обычно выдали неизвестные устроители Теста для "отдыха и восстановления". Целый месяц для пересмотрения жизни и жизненной позиции, скорее всего, усмехнулся Марат.

Ему и пересматривать то особо нечего. Путь, который он выбрал — не преодолён ещё и на долю процента, как ему казалось. Да он даже не ступил на него твердо, не сделал ещё первого шага, все только тренировки да мечтания.

...интересно, а почему ему повышают уровень не во время испытаний, а после? Да и что это вообще за бред — повышение уровней? Нет, с человеческой точки все понятно. Человек всегда стремился к повышению своего уровня. Сегодня майор — завтра целый подполковник. Сегодня просто менеджер — через месяц аж главный менеджер. Даже в обычной, обыденной жизни, и то... И каждый уровень давал что-то новое, недоступное ранее.

«Загрузка завершена».

Что? Какая загрузка?

Марат закрыл глаза, прислушиваясь к новым ощущениям. Потом открыл.

Мир изменился.

Вселенная перестала быть недоступной.

Это были не уровни. Это были... — уровни загрузки. Один уровень равнялся одному проценту. Ну надо же, мог бы и сам догадаться...

Несколько лет в него огромными потоками загружали, впихивали, раскладывали по полочкам информацию, образы, схемы. Это давалось легко, потому что Марат изначально представлял себя некой машиной, изоцированной программой. Машиной Революции с огромным количеством самых невероятных программ для самых безумных действий. Именно поэтому он так значительно опережал в Тесте всех своих вольных и невольных «сокурсников».

Теперь он и стал таким... организмом. Потому что действительно, это было грандиозно, и крайне революционно. Человек подспудно, даже подсознательно сопротивляется такому. Любой человек. Но только не Марат. Он даже тюрьму и боль воспринимает как некий новый порог, который надо обязательно пройти и преодолеть на пути. Не просто не избегает, а даже стремится к этому. Любой опыт, любая информация, любой навык — это обязательно нужно, и обязательно полезно.

Ему захотелось взлететь. Ступни оторвались от бетона, и повисли в воздухе. Куда полетим в первую очередь? Может быть — на Луну? А облететь за ночь всю Солнечную Систему — слабо? Нет, не слабо. Темная энергия, энергия гравитации, изменения массы, объема и плотности — это давало возможности, превышающие даже общечеловеческие фантастические понятия. Вы в курсе, что ускорение свободного падения Черной дыры превышает скорость света?

За десять секунд свободного падения в Черную дыру вы наберете как минимум десять световых скоростей. Три миллиона километров в секунду. В десять раз быстрее скорости света, и это только за десять секунд! Долететь от Земли до Солнца можно за пятьдесят секунд. Меньше чем за минуту. Прямо вот отсюда, с балкона, до самого Солнца!

Ему не нужен для этого космический корабль.

Он сам теперь космический корабль. Причем не только для самого себя. Да он при желании может создать... межпланетный лайнер, как минимум. Кстати, да, действительно! Сколько человек он зараз может взять на борт и переправить на тот же Марс? Хотя бы примерно?

Черный шар немедленно возник в руке. Марат теперь знал о нем всё. Ну..., почти всё, примерно столько, сколько капитан самолета знает о своем самолете. Примерно вот так...

Например, Марат пока не понимает, почему его Шар весит так мало. Ведь если он состоит из нейтронной материи, как нейтронная звезда, то должен был иметь массу двадцать восемь триллионов тонн.

А на самом деле масса куска тьмы в его руке — один триллион четыреста миллиардов тонн при земной гравитации. Один триллион. Плюс четыреста миллиардов. Тонн. В руке. Где остальные двадцать шесть триллионов шестьсот миллиардов? Почему? Командир самолета точно знает сколько ему потребуется топлива для полета в атмосфере Юпитера, и сколько — в открытом космосе? Или только догадывается?

Или все это можно рассчитать — да только эти знания вряд ли потребуются капитану воздушного судна Земли...

Черный Шар в его руке стал размытой кляксой, втянулся в плоть, проник в каждый уголок бывшего человека. Так, все так. Они теперь единое целое — корабль, и капитан корабля. И что теперь?

Марат совсем по человечески вздохнул (хотя воздух ему сейчас был уже совершенно не нужен) вышел в Сеть, нашел нужный раздел. «28 августа. 15–00. Общий сбор на базе 2. 15–00. Вопрос распределения вознаграждений».

Последняя фраза была условной, и на самом деле означала «Присутствие строго обязательно».

Марат еще раз вздохнул, и разослал сообщение всем участникам беседы. Даже тем, кто отозваться никак не мог. Но как сказал один человек: «смерть для коммуниста не является достаточным основанием для невыполнения боевой задачи»....

26 августа 2056 года

До встречи на Базе-2 оставалось еще два дня. Прохладным августовским вечером Марат вместе с Ютой прорабатывали сценарии «первоначального накопления капитала». Оба прекрасно знали, что любое оппозиционное, а уж тем более революционное движение

мгновенно заканчивается, как только упирается в первый же барьер — финансовый. Грубо говоря, оба понимали, что если бы у Ленина не было денег на билет на поезд — то октябрьская Революция могла и не состояться. Денег должно быть достаточно. Это неременное, железобетонное условие и фундамент для любого движения. Именно движения — то есть свободного передвижения участников в пределах необходимости. То есть — не ездят танки без горючего. Без него же не летают самолеты. И не ходят поезда. Вот такая простая истина. Хочешь движения — ищи средства.

Марат рассказывал части плана, Юта критиковала — такое у них обычно разделение труда.

Идею с банкоматами оба отбросили сразу. Во-первых — муторно, во-вторых — неизвестно сколько там будет храниться, ну и в-третьих — они неплохо защищены. И десятки камер, записи с которых будут обследовать крайне придирчиво. Не дай бог органы или даже вообще единичный сумасшедший оперуполномоченный вдруг почувют, что против них играют крайне непонятные силы. Все должно произойти как будто «естественным путем».

В каждом областном городе есть отделение Центробанка.

Все банки хранят средства именно в этом отделении, свозят туда выручку за день, оставляя у себя только часть, для текущих операций, и то — в расчетах не сильно большого размаха. Почему так делается — ни Марат, ни Юта логического и разумного объяснения не находили. Просто знали, и этого знания им было достаточно.

Таким образом, задача становилась крайне простой. Необходимо проникнуть в здание, и при этом не попасть ни на одну камеру. Забрать денежные средства. Уничтожить следы.

Подойдет банальный пожар. Как он случился — это уже забота специалистов, пусть лучше органы разбираются с этой проблемой, чем ищут куда же пропали, и где всплывут разноцветные билеты банка России.

И лучше бы это произошло в другом городе...

Ровно через двадцать четыре часа, в такой же вечер, но следующего дня, Марат сидел в кафешке, почти в центре города В., и смотрел затемненное стекло окна. Напротив кафе располагалось желтое двухэтажное здание, окруженное по периметру высоченным забором с колючей проволокой поверху. И куча прожекторов. Камеры слежения длиной в полметра, некоторые защищены огромными стеклянными колпаками. Чтобы штурмовать такое убежище в обычном состоянии требуется танк, и взвод профессиональных штурмовиков с автоматическим оружием, и еще столько же в засадах, и на подхватах, и то — времени будет немного... Совсем рядом, в четырехстах метрах по прямой — военная часть, и на проходной у них стоят два солдатики, в бронежилетах, и тоже с автоматами.

Марат вышел из кафе, которому, кстати, уже пора было закрываться, и спокойно, неторопливым шагом побрел по улице прочь от центра города. Дома становились все выше, уже не кирпичные, а кое-где панельные. Появились большие магазины, а не крохотные закутки в полуподвалах. А вот и пустыри, заросшие подлеском и бурьяном, в рост очень высокого человека. В один из таких пустырей Марат и зашел, пользуясь полумраком и отсутствием людей. Ну вот захотелось человеку по нужде. По малой, а то и по большой. Скрывшись в траве, Марат глубоко вдохнул. Он до сих пор не мог привыкнуть к мысли, что активизация «гравитационного преобразования» может негативно отозваться на структуре и функциях «преобразованного» объекта. И то что объектом является его собственное тело — спокойствия отнюдь не добавляло.

Через несколько секунд на месте сидящего в траве человека осталась лишь маленькая точка. Размерами куда меньше обычной комнатной мухи. В сто раз меньше, примерно как микроскопическая оса. Однако эта точка передвигалась куда быстрее пешехода, а при желании могла обогнать и велосипедиста.

В таком виде Марат добрался до отделения Центробанка гораздо быстрее, уже через десять минут после преобразования, ведь сейчас он вовсе не прогуливался, и летел целенаправленно по прямой. Миновав увитый «коллочкой» забор, он пробил железобетонную стену насквозь. Конечно, можно было воспользоваться и вентиляцией. Но черт его знает, может именно в вентиляции установлены лазерные сетки против проникновения вот таких вот «жучков»....

Где у нас тут инкассаторское помещение и хранилища? Ну конечно же — в цокольном этаже, не на чердаке же... А где бойлерная и генераторная? Совсем в другом конце здания. Это плохо. Через десять минут блуждания-летания по пустому зданию Марат изучил его полностью. Заодно заклинил кран подачи воды в пожарную систему.

Бронированная дверь хранилища сопротивлялась ровно столько же, сколько и бетон. То есть Марат пробил сталь, даже не заметив преграды, бесшумно оставив за собой чуть ли идеально круглое отверстие ровно миллиметр в диаметре. За дверью была еще и решетка с толстыми прутьями, но это вообще смешно. Само помещение состояло из двух комнат. Всядальняя комната представляла из себя помещение с сейфовыми ячейками, причем некоторое из них были очень большие, бомбу на двести килограмм запросто можно спрятать.

А вот в первой, на стеллажах, в открытую лежали деньги. На одной полке купюрами побольше, на других — поменьше. Валюты нигде не было видно. Видимо, валюту как раз и прячут в таких вот больших ячейках. Сейчас посмотрим.

Марат пробил дверцу одной из больших ячеек. Прошел через высоколегированную сталь как сквозь масло. Ячейка оказалась пустой. Просто замечательно. Следующая. Да, здесь есть валюта. Доллары, огромные пачки, в совокупности похожие на небоскребы. На первый взгляд здесь тысяч сорок, не больше...

До сих пор ни одна из систем сигнализации не сработала. Видимо, на мошек она реагировать не привыкла. Внутри ячейки Марат начал распаковываться. Так, в один угол — стандартный еврокуб с тонной бензина, сейчас в состоянии размера... примерно амебы. В другой угол — осколочно-фугасный снаряд, стандартный «Передагчик», с радиовзрывателем. Этого хватить, не собирается же он здесь «армагеддоны» разводиться. Тем более что чем проще — тем лучше. Найдут осколки, может быть даже сохранится маркировка, поймут что здесь поучаствовал бензин. И задача следователей и оперативников будет в следующем — понять, как это все сюда попало, и кому это выгодно? А то, что сгорело пять тонн бумажных денег — это никого интересовать не будет. (...кстати, так оно и произошло, взрыв и пожар уничтожили данные на сервере отделения, и компетентные органы решили, что «террористический акт» устроил кто-то из сотрудников, руководства или клиентов — чтобы были уничтожены какие-то важные улики...)

Теперь выкладываем несколько стеклянных гравитационных ловушек — просто бутылки, на дно и горлышки которых Марат инициировал гравитационные аномалии. Они вобрали в себя многие кубометры воздуха, так необходимые для полноценного горения бензина.

Теперь пора покинуть ячейку, и переместится наверх, к потолку. К постоянно горящим лампам освещения. Кстати, камер тут понатыкано — просто ужас, и все замаскированы.

Видимо, чтобы посетителей и клиентов не смущать. А вот внутри плафонов с лампами никто не догадался камеру поставить. Оно и понятно...

Оказавшись внутри плафона Марат одну за другой активировал три первоначально преобразованные РДГ — 2Ч, с черным дымом, которые используют для имитации пожара техники. Помещение быстро заполнялось чернотой, которая совершенно не мешала Марату. Как только дым стал настолько плотным, что его можно было чуть ли не ножом резать — Марат дезактивировался сам, вытащил из рюкзака огромный мешок и начал быстрыми движениями сгребать в него пачки купюр, немного с каждой полки. Остановился он после того, как внутренний калькулятор сказал ему — «двести миллионов рублей». Остальное пусть остается и сгорит...

Внутри здания уже выли сирены. Пожарная сигнализация надрывно заливалась, не в силах пропустить через себя ни капли воды. По коридорам слышались торопливые шаги. Кто то что-то быстро бормотал в трубки телефонов.

Только оказавшись на улице, в темноте, примерно в ста метрах от забора с колючей проволокой — Марат дезактивировал все гравитационные аномалии, которые же сам и установил. И одновременно дал сигнал на «Передатчик». Раздался глухой, почти неслышимый взрыв. Фугас взорвался, пробив стенки разворачивающегося в пространстве «еврокуба» с бензином, а заодно разбил все бутылки с воздухом. Стекла и двери в здании вылетели. Охранников размазало по стенкам кровавыми пятнами. Что же, в таких делах сопутствующие жертвы — это нормальный показатель. Не будь их — всё будет казаться подозрительным... Язык пламени вылетел из одного окна, совсем не в том месте, где ожидал Марат. Потом повалил дым еще из нескольких окон, и скоро все здание уже сверкало сполохами, электричество погасло, и только где-то внутри нарастал и ширился огненный гул.

Все, спектакль закончен, можно двигаться домой. Жаль, конечно, позвонить нельзя, похвастаться, все-таки впервые в жизни такую штуку провернул, причем один... Ну да Юта не будет пока сильно беспокоится. Вот если бы позвонил, тогда да, можно беспокоиться, что-то пошло не так, поэтому пришлось звонить, нарушать конспирацию.

— Ну что? — сказал Марат сам себе, возвращаясь в нормальное состояние. — Вот теперь... Поехали.

* * *

28 августа 20... года. База-2.

База-2 представляла из себя обычный гараж. Там не было машины, только полки, верстаки, кучи ржавых инструментов. Под полом — большой подвал. Еще есть лестница на чердак. В углу — маленькая буржуйка. На полках и во всех углах — красные знамена, плакаты, старые книги. Это была гараж одного из штурмовиков, Володи, которого все знали под позывным «Двадцать четвертый». В честь модели вертолета, на котором он летал в Афганистане и Чечне. «Двадцать четвертый» погиб несколько лет назад. Сбила машина. А ключи от гаража остались у штурмовиков. Дочь «Двадцать четвертого», которая сейчас жила в Германии, скорее всего и не знала, как и кто использует её собственность. Она и на похороны приехала — на три дня, за это время быстро продала квартиру отцу агентству недвижимости... и исчезла.

А они пришли. Практически все. Кроме тех, кто был очень далеко, погиб или умер. В первую очередь, и самым первым пришел Магnum. Он взял такой позывной потому что любил большой калибр. Он и сам был — "большой калибр". Круглолицый, и вообще весь

округлый, что в фас, что в профиль, Магнум, пожалуй, был самым пунктуальным из Штурмгруппы. Приходил не просто секунда в секунду... но всегда на десять минут раньше. Всегда и точно на шестьсот секунд раньше. Если приезжал на машине — то становился точно где оговорено, ни сантиметра ни вправо, ни влево, ни уж тем более вперед-назад. Вот где было начерчено заранее мелом три дня назад — там и вставал, даже если метки уже отсутствовали. У него была жена. Маленькая, вдвое его ниже, наполовину бизнес-вумен, наполовину домохозяйка. И несколько детей. Сколько? Три или четыре. Точно Маузер не знал. Он этим не заморачивался никогда. Личная жизнь штурмовика — это его личная жизнь. Захочет или потребуется — скажет. Не захочет и не потребуется — промолчит. Самого же Маузера интересовало — насколько ценен человек как профессиональный кадр. Все остальное мишура, все эти советы знать о каждом в своей группе все и всегда. Чистой воды бред, бесполезность, имеющая значение только в том случае, если личное начинало мешать общему делу. Вот и Магнум — отличный стрелок, неплохой борец, средней руки оратор, могуч как слон, прошел все проверки и особый талант у него — шоферский. Сколько раз они уходили на его задрипанной «Волге», уазике или микроавтобусе от ментов и прочих полицаев — и не счесть теперь...

— Здорово! — дверь в гараж открылась, и показался высоченный вихрастый парень, с робкой улыбкой протиснулся через низкий для него проем.

— Ну здравствуй, товарищ Кольт, — искренне улыбнулся Марат. Кольт был самый молодой из их компании. И самый высокий. С нежным пушком на щеках, и похоже, до сих пор не брился. Парень пришел сам, сам прошел первые проверки, отчитываясь фотографиями. Помогли только с третьим уровнем — парень все же молодой, горячий, мог наломать дров. Подбивал клинья к Люгеру... А кто не подбивал клинья к ней? Знали что бесполезно, а все равно пытались. Как иначе? Чай не пай-мальчики, а уверенные в себе профессионалы. Кольт бойцом рукопашником был «не очень», зато вот стрелял из винтовки отменно. А бегал просто замечательно, причем что на длинные, что на короткие дистанции. Вихрь, а не парень. В семье он был один, отца не было (почему — это тоже Маузера мало занимало), а мать ездила работать «два на два» в соседний город, где и ночевала, поэтому у Кольта постоянно была свободна квартира. Где они и собирались, пока не заметили слежку. Парню жизнь, конечно, испортили, в военное училище не взяли, в ВУЗ тоже, не смотря на все спортивные достижения. Сейчас он работал, и работа ему очень не нравилась. Маузер думал, что Кольт после такого мог затаить обиду, но опасение прошло, как только он услышал чрезвычайно обрадованный голос юного штурмовика по телефону. Хотя какой он уже юный? Двадцать пять лет, здоровенный мужик. Комиссар, командир своей собственной пятерки.

— А ты здоров стал, — уважительно сказал Маузер.

— Качаюсь, — в унисон похвастался Кольт. — Форму берегу.

И посмотрел на вечно юную Люгер.

«Вот, блин, конь ретивый», — усмехнулся Марат про себя.

— Ого, как в старые добрые времена! — раздался голос, и на пороги Базы-2 показался Манлихер. Еще более погрузневший, маленький и плотный, в вечно-черной кожаной куртке, пропахший дорогим парфюмом.

— Ну что, опять революцию будем делать? — пророкотал он, здороваясь поочередно со всеми. — Товарищ Люгер, давай я тебя обниму, дорогая! Офигенно выглядишь!

— Сейчас вот в зуб дам, обнимальщик, — как и сто лет назад отозвалась Юта, и Манлихер запрокинув голову, басом засмеялся. Отчаянный человек, не отступает никогда, бесстрашие и удаль зашкаливают, и не всегда это хорошо.

— Вы здесь? — снова открывается маленькая дверь, и в нее мягко протискивается один из самых опасных штурмовиков. Хотя, конечно, все опасны. Но этот особенно. «Глок неуловимый». Тень ночи. Скромный и застенчивый мальчик, всего на год старше Кольта, очень худой. Из древней дворянской семьи. Идеальный коммунист. Тоже упакованный в черное, только предпочитает не кожу, а черную джинсу. Целует протянутую руку Люгера. Пожалуй, самая отличительная черта Глока — безжалостность. Хотя когда он пришел в группу, на первой акции задал точно такой же вопрос, как и все новички:

— А если мирные жители пострадают?

Услышав в ответ смех и хохот, покрутил головой, недобро усмехнулся, и сказал:

— Понятно...

Глок не пытался подбивать к Люгеру клинья. Он ее любил. Нежно, отчаянно и без надежды на взаимность. Тоже комиссар, тоже командир своей, тщательно законспирированной пятерки. Маузер даже не знал всю эту пятерку в лицо, а уж по именам и псевдонимам — тем более. Но знал — все они отчаянные ребята, крайне опасные, чистый идейный криминал, недаром после Разгрома пятерка Глока занялась грабежом магазинов и «микрофинансовых» точек...

Последними зашли СВД, Вальтер-2, и Браунинг. И это были все, кто остался от Штурмгруппы, которая на пике насчитывала десять пятерок отчаянных бойцов.

Эти приехали вместе, на роскошном «мерседесе» СВД. СВД — представительный рассудительный, как положено по рангу и статусу. Любил точность. На передовую никогда не лез, но всегда стрелял чисто, и только один раз. Все-таки областной депутат, глава фракции коммунистов в местной думе, за что сами официальные коммунисты исключили его из своей партии. Вальтер — его помощник, боевик, побывал что в депутатах, что в горячих точках, проверенный кадр, идейный. А вот с Вальтером-один не повезло, совсем не повезло...

Браунинг была почти копия Юты-Люгера. Со спины в одинаковой одежде они вообще казались зеркалом и отражением. Но как только поворачивались... Люгер — хищная, едва сдерживаемая ярость, застывшая атака на пике бешенства, уверенность в каждом движении, в каждой складочке одежды, в каждой мелочи. И Браунинг — спокойная, рассудительная отличница с красным дипломом и должностью офисной мышки, немного бестолковая и

рассеянная, постоянно витающая где-то далеко. Когда Люгер и Браунинг жили вместе на съемной квартире, первая забивала морозилку мясом, а все остальное пространство было плотно упаковано травой — луком, базиликом, петрушкой... и прочей гадостью. Именно это обстоятельство не позволило самому Маузеру попытаться подбить клинья к Браунингу.

«Бррр, я ж не козел, траву не ем», — подумал он в тот момент.

А потом, когда Браунинг заняла свое место в обойме, он вообще перестал обращать на ее женские прелести внимания. Ну да, боец в юбке, что такого? Главное — боевая задача. Все остальное — вторично.

— Так, — оглядел Маузер присутствующих. — Во-первых, приветствуем нового товарища. Боец Сенсей, проверку прошел до третьей ступени, за что и получил право выбрать позывной. Социалист, националист. Идеальный. Входит в пятерку Тренера. Сам Тренер присутствовать не может, и вообще кроме Сенсея никто из пятерки полной проверки не прошел. Даже сам Тренер. Пока... — Марат выделил последнее слово.

— Поэтому ставлю вопрос на голосование — принять назначение товарища Сенсея комиссаром пятерки Тренера. Пятерка за это проголосовала единогласно. Теперь дело за нами. Вопросы?

Сказал, а вокруг расцвели улыбки. Даже всегда невозмутимый и сумрачный Глок ухмыльнулся.

...Как ничего и не было. Не было Разгрома, не было предательств, не было поражений, не было преследований, не было долгих лет в тьме, и серого отчаяния, ничего не было. Снова могучая, безжалостная, и чрезвычайно умелая сила собралась, как обычно, вечером, на Базе-2, чтобы завтра вся страна содрогнулась, чтобы забегали майоры и полковники по коридорам, зазвенели телефоны, чтобы заперлись губернаторы и замминистры в ужасе ожидая своей участи. Как будто все было только вчера, а не много лет назад.словно бетонная плита с плеч, и товарищи стоят над котлованом, смотрят туда, куда ты упал, и спрашивают: «...ну ты как, чего застрял...»? Удивительное ощущение.

— Вопрос! — сказал улыбающийся Магнум. — Для социалиста, и, блин, националиста. Сталин?

— Да, — ответил Сенсей, еще не понимая общей веселости. — Сам задаю такой вопрос другим. Ответ «положительно». Очень положительно.

Магнум заржал, как большой ребенок:

— Я за!

— Вопрос, — сразу же сказал Глок. — У тебя на шее шрамы. Несколько. Это значит — рак. Тебе сколько осталось?

— Ну-у, — протянул Сенсей, видно было, что чуть растерян, ну не думал он, что за пару минут, в полумраке, и его так тщательно изучат. — Мы с ним договорились. Лет этак на пять договорились.

Улыбки вокруг стали еще шире. Наш, явно наш человек... все под смертью ходим...

— Вопрос, — теперь уже Вальтер-два. — Кто проводил проверки?

Люгер лениво склонила голову к плечу Марата:

— Я лично проводила первые две. Третью проводил Маузер, он у нас по этим делам спец. Все проверки товарищ Сенсей прошел успешно, с первого раза, выбрал позывной... Я за него ручаюсь...

Штурмовики зашевелились. Ну да, конечно, ...раз уж товарищ Люгер за человека ручается, то, конечно, какие вопросы...

— Я тоже за, — сказал Кольт.

— И я, — в унисон, вместе, СВД и Вальтер-два.

— Без вопросов, — сказал Манлихер. — Я все что надо услышал.

— Ладно, — проворчал Глок, и поднял руку. — Я в деле.

— Так, теперь вопрос номер два. Мы, то есть я, товарищ Люгер и товарищ Сенсей планируем в течении трех лет провести революцию, и по окончании указанного срока — установить социалистическую власть на всей территории страны.

Собравшиеся пару секунд осознавали то, что было произнесено, а потом закаркал-засмеялся Глок. Магнум и Манлихер захохотали. Кольт прыснул в кулак. Улыбнулся вечно мрачный СВД, за ним захихикал Вальтер-2, и наконец открыла рот в непонимании Браунинг.

— Я знаю, что будет тяжеловато, — продолжил Маузер, когда все просмеялись. — Армия понесла тяжелые потери. С нами больше нет Двадцать Четвертого и Стечкина. Группа Буденного ушла в коммуну, и ликвидирована, кажется, полностью. Связи с ними нет вообще. Группа Таланта либо спилась, частью сидит сейчас в горячих точках. Связь с некоторыми есть. Группа Русского распалась, Правый Меч сейчас вообще на стороне противника, но связь есть с обоими. Макаров сейчас в одиночестве, у него кое-кого посадили, кто-то в глубокой лежке, большинство разъехались, штурмовик Максим вообще за границей. Зато есть новая полная пятерка Тренера, и новая База-пять... и деньги. Много денег.

Теперь уже никто не смеялся. Все слушали очень внимательно.

— За последнее время удалось выйти на связь с уже организованными группами во Владимире, в Ярославле и Новосибирске. Очень молодые, зеленые еще, кое-кто вообще из либеров. Есть еще остатки в Ростове, Казани, из Луги, и ижевцы. Эти ребята посерьезней, но тоже не проверенные, без дисциплины, даже без позывных. Большинство без позывных..., — протянул Маузер с сожалением.

Да, революционер без псевдонима — не революционер. Это понимали все, кто когда либо сталкивался лоб в лоб с властью, ее прислужниками и законом. Можешь сколько угодно ходить на митинги, сидеть в КПЗ, подвергаться холодным обработкам или горячо агитировать сам, состоять в партиях и движениях — но пока тебя зовут по паспорту, пока ты по эту сторону черты — ты обычный «обывал». «Один из никого, и имя твое — никто». Это будет продолжаться до тех пор, пока товарищи не назовут тебя совсем не по паспорту, и для вновь прибывающих новичков ты будешь не Димой, Володей, Сашей — а бойцом Революции, ее оружием, с боевым позывным, литературным псевдонимом или подпольной кличкой. Это значит — ты не только переступил черту, но и остался за ней. Ты получил новое имя, ты на своем месте, и теперь тебя зовут именно так. Спартак, Македонский, Чингисхан, Владимир Ленин, Иосиф Сталин — мы знаем этих людей, изменивших реальность — по их кличкам, позывным, псевдонимам, новым именам. Не важно кем они были «до». Важно, кем они стали «после».

— Теперь, — продолжал Марат. — Мне необходимо знать, кто включится в работу немедленно. И теперь у нас, как я и сказал, есть средства.

Марат вытащил из-под скамейки сумку. Огромную «челночную» красно-белую сумку, из плетеного полиэтилена. Расстегнул молнию. Аккуратно сложенные пачки разных номиналов весело глянули на присутствующих. Глок подался вперед. Кольт присвистнул. А Магнум невольно крикнул.

— Деньги настоящие. Не отмытые, но относительно чистые, искать их никто не будет. Считайте, что это один очень крупный миллиардер поделился своим состоянием, на нужды революции. Пропавшее состояние Парвуса, скажем так. Никакая мафия, криминальная или государственная, на эти средства не претендует. Тут — пятьдесят миллионов. Еще столько же есть в загашнике. Средства будут поступать и дальше, и больше. Но в разумных пределах. И как сами понимаете, это наш шанс, глупо отказываться. Напомню всем присутствующим, что в свое время наша Красная Армия на самом пике по общим статьям расходовала два миллиона в год, и контролировала всю область. Тут уже сейчас денег столько, что достаточно на создание отрядов Красной Армии, контролирующей подавляющее большинство центральных регионов страны.

Марат специально говорил медленно, с паузами, чтобы смысл доходил с первого раза.

— Мы с вами знаем, что каждый рубль для социалистической структуры по эффективности равен десяти рублям любой другой структуры. Мы это проходили, и доказывали, все вместе, совсем недавно.

— Я в деле, — повторил еще раз Глок.

Марат повернулся к нему:

— Боец Глок, с сегодняшнего дня ты переходишь на нелегальное положение. Твоя задача — перемещение по регионам, создание ячеек, обеспечение их людьми и средствами. Тебе хватит трех суток? Чтобы здесь разобраться со своими делами, и сколотить команду хотя бы из двух человек? Кольт!

Кольт-Николай уже был весь внимание.

— Да, готов приступить к выполнению задачи немедленно, — весело отрапортовал чемпион области по забегам на длинные и короткие дистанции.

— Боец Кольт, не надо «немедленно». Просто слушай и запоминай, тебя это тоже касается.

Марат перевел дыхание. Процесс, как говорят, пошел...

— Через неделю ты и Глок, в составе двух разных групп — выдвигаетесь по другим регионам. Методички я вам раздам. Следуете точно, варианты допускаются, но без злоупотреблений. Оплата — тысяча в день, каждый дополнительный человек в команде — это еще одна тысяча ему, и одна тысяча тебе, как комиссару. То есть если вы выдвигаетесь полной «пятеркой», то Глок и Кольт получают на месяц сто пятьдесят штук на каждого, плюс сто двадцать штук — четверым штурмовикам. Плюс еще столько же, после создания полноценного отряда в заданном регионе... Это уже не вам, это уже — им, на их развитие. Итого вы расходуете как минимум один миллион сто шестьдесят тысяч в месяц. И выдаете за месяц как минимум два освоенных региона, с крепкой, устойчивой группой доверенных людей в каждом, способных в случае чего взять власть. Это понятно?

Видно было, что ребята пока еще «переваривают» озвученные числа. Миллион рублей. Казалось бы — ужас сколько денег. Попробуй, собери. А на самом деле — что это за сумма? Слезы, некоторые в день на любовниц спускают больше...

Люгер внезапно отделилась от стены и прошла в угол, где сидели последние вошедшие.

— Вальтер, ты чего сегодня хмурый такой? — спросила Юта, а потом мягким движением выхватила у него из-за пазухи коробочку с проводком.

Зазвенела тишина, все замерли, все знали что это за коробочка...

— Да епрст..., вот какого... извиняюсь, хера? — наконец проворчал Маузер.

— Эй, бойцы, руки из-за пазух убрали! — добавил он мрачно, заметив движения

Манлихера и Магнума. — Вот только пальбы нам сейчас не хватает... Слушаем тебя, Вальтер.

— Он не включен, — глухо произнёс парень.

Люгер засмеялась.

— Мальчик, эта штука выдаётся уже включенной. Эти лампочки сбоку..., - она щелкнула переключателем и загорелся огонёк, — .... для дурачков вроде тебя, которые думают что раз у них есть тумблер, так можно им поиграть.

Она щелкнула ещё раз, и огонёк погас.

— Согласно седьмому пункту правил Штурмгруппы, если бойцу предлагают вербовку, боец обязан доложить об обстоятельствах и условиях сотрудничества любому из комиссаров Штурмгруппы, и они принимают последующие решения вдвоём, в рамках своей компетенции и общей целесообразности, — вдруг тяжело сказал СВД. — Комиссар, которому доверена подобная информация не вправе разглашать её любым лицам без согласия доверившегося. Так?

— Да, так. Мы все в курсе, — сказал Маузер. — И...?

— Около двух лет назад боец Вальтер, вот этот именно..., - СВД кивнул на друга, и пристально смотрел на него до тех пор, пока наконец Вальтер не кивнул.

Только после этого СВД продолжил:

— ... боец Вальтер сообщил мне, что его пытаются вербовать. Мы обговорили ситуацию, и пришли к выводу о необходимости внедрения. Лишний человек в органах нам не мешает, пусть и внештатник. Ну и плюсом маленькая денежка идёт. Его типа за мной приставили наблюдать. Я ж депутат, а он — уже нет. Депутатов нельзя вербовать, по закону.

Тишина пропала, зашуршала одежда, послышались облегченные вздохи.

— Ну, — протянул теперь уже Манлихер, — совсем другое дело. И вообще, — продолжил он. — Давайте, товарищи, выворачивайте карманы, чтоб я видел, отключайте телефоны... Расслабились тут.

И он первым вытащил из кармана сначала один телефон, а потом и второй, демонстративно расстегнул куртку, похлопал себя по штанами.

— Повернись и подпрыгни, — скомандовал ему Магнум, что было мгновенно выполнено. Другие тоже завздохали, закричали, отходя от увиденного, и принялись демонстрировать содержимое своих карманов.

— А что мне то делать? — почти фальцетом спросил Вальтер.

— Да не бойсь, — ответила Юта.

Она подошла к тискам, установленным на верстак, зажала «жучка», и медленно начала заворачивать рукоять. Коробочка некоторое время сопротивлялась, но скоро сдалась, и с хрустом превратилась в металлолом. Юта обернулась посмотреть на присутствующих. Все сосредоточенно молчали, и только Глок безмятежно улыбался.

— Вальтер, — поднялся Марат. — Объяснишь куратору, что тебя рассекретили. Найди способ объяснить очень доходчиво. И в конце беседы передашь ему это, — он помахал перед лицом парня букетом денежных билетов.

— Здесь сто тысяч, — продолжал Марат. — Скажи ему, что сам нанимаешь его на работу. Каждый месяц он будет получать "десятку", и твои копейки тоже пусть себе забирает, сам пусть там выкручивается... И если принесет что-то реально стоящее, или поможет в рисковом деле — за каждое такой «подвиг» будет получать вот такой, аналогичный букет. Не тушуйся, делай все спокойно, и пойми, для него это сейчас ЧП,

просто твой отказ от сотрудничества — чрезвычайное происшествие. Пусть подумает. Если скажет "да", то со второго месяца пусть как положено — только теперь он пишет отчёт, не подписываясь, но деньги выдавай под расписку... Если откажется — ты знаешь кому звонить.

Вальтер облегченно вздохнул и сунул деньги в карман.

— Жопа какая-то, — проворчал из своего угла улыбающийся Глок. — Я уж все..., хе-хе, похоронил тебя даже, Вальтер, блин, второй... Ты не шути так больше...

— Ладно, уговорил, — согласился тот, и было видно, что показное спокойствие даётся Вальтеру совсем не легко.

— Двигаем дальше, — говорил уже Марат, как будто ничего и не произошло.

А что, собственно, произошло? Как будто никто не знает, что органы правопорядка борются с революционерами. Это теперь секрет или нонсенс? Нет, конечно. Безумие в том, что современные революционеры вдруг и внезапно поглупели, и не имеют своей тактики противодействия и уж тем более взаимодействия с органами правопорядка, которые являются вроде бы и врагом..., а с другой стороны — мощным союзником. Хотя, казалось бы, именно это должно быть в приоритете у революционера — знать и понимать, как взаимодействовать с союзниками и противодействовать врагам, которые, к слову, после революции, скорее всего, станут просто подчиненными. Именно налаживание связей, взаимные компромиссы и тесное сотрудничество с органами есть залог равновесия. В этом всегда таился успех любой нелегальной организации. Обычные разбойники и бандиты давным-давно поняли, что успех их предприятий зависит от того, насколько близко они взаимодействуют с теми, кто вроде бы является их прямыми противниками. Мафия рулит судами и сенатами. И на самом деле надо просто понять, что эти люди не враги, и не союзники, они никакие не идейные, это обычные служащие, те, кто выполняют приказы. И тогда остается осознать самое важное... — кто отдает эти приказы? Абстрактный Закон? Не смешите мои тапочки...

— Глок и Кольт, вы понимаете, что такое нелегальное положение?

Парни кивнули. Они понимали. Теперь ты не просто комиссар. Теперь ты и командир. А еще и нелегал — это значит, что переезды, жилье, еда, одежда — все на тебе. Ты выдаешь задание, но ты же и обеспечиваешь его выполнение материально. Тебе выдается сумма, четко определенная — а уж дальше крутись как знаешь, никто тебе дополнительные расходы покрывать не будет, никто на любые твои бумажки не посмотрит. Нет тебя: ни в учете, ни в ведомостях.

— Инструкцию я напишу, — говорил Марат дальше, — самым примитивным языком. Прямо по пунктам. Пункт первый. Прибываем, снимаем квартиру, желательно нелегально. Пункт второй. Встречаемся с намеченными лицами, список прилагается. Список составляем вместе, ищем только тех, кто четко определился в политике, желательно прошел хотя бы две ступени доверия — то есть и митинги организовывал, и от органов имеет хотя бы задержание, административку, штраф. Пункт три — самостоятельная дополнительная проверка кандидатов. Привлекать как можно меньше внимания. И как можно меньше людей. Ни на какие сборища не ходить, а если без этого никак — то светиться там как можно меньше. Не выступать. Никаких пикетов и митингов...

— Ну, товарищ Маузер, обижаешь..., - весело сказал Кольт.

— Не обижаю, а обновляю знания. Хрен вас знает, может кто из вас «митинговщиной» заразился.

Глок кашлянул в кулак:

— Не заразился. Не бойсь.

— Обустроиваем ему ячейку, то есть: находим помещение, выдаем средства, подбираем сотрудников. Формируем полноценную пятерку: командир, комиссар, кладовщик, шофер, боец, или бойцы, адвокат... выдаем позывные, налаживаем связь с центром, выдаем месячные задания — раскраска города в определенных местах, проверка конкурентов, налаживание связей с органами, если ни у кого нет разрешения на оружие — кладовщик получает его, покупает всем стволы; шофер подбирает гараж и машину, адвокат знакомится с законниками, и если есть образование — организует свою контору со спецификой... Там все по пунктам будет распределено. Через месяц, если все нормально — от ячейки едут представители в обучающий центр, там проходят первичное обучение. Потом — вторичное, и уж там им выдаем дополнительные инструкции и необходимое оборудование, к тому времени человек уже сам будет формировать пятерки. И естественно, следующим шагом — вклинивание во власть, установление серого или красного «кардинальства».

— У меня какой первый город? — спросил Кольт.

— Владимир, — отозвался Маузер. — А у Алексея...

— Потом скажешь. Мне лично, — быстро оборвал Марата Глок.

— Да, хорошо, — Марат мгновенно переключился, потом еще раз повторим...

— Теперь, СВД, — сказал он. — Нам надо обкатать схему о которой мы давно говорили. Ты будешь здесь, в нашей области, либо главный, то есть губернатор, либо как «главный серый», то есть заместитель губернатора. Здесь действуем легально, через выборы, с небольшими поправками.

СВД кивнул, а потом сказал:

— У нас на губернаторов идут только представители легитимных партий, да еще представленных в Государственной Думе. А Межицкий, который сейчас у нас во главе легальных областных коммунистов сидит... И думать, что он захочет кроме себя в кандидатах на пост еще кого-то видеть... на такое надеяться — себя не уважать. А уж его в попку целовать я вообще больше не собираюсь.

Все улыбнулись, кто весело, но большинство — со злостью. Да, Межицкий в свое время, да и сейчас — большая проблема, и вряд ли этот старый пень согласится пропустить даже главу фракции коммунистов вперед себя. В свое время у местного главы коммунистов Межицкого и штурмовика СВД серьезная борьба была на этой почве. Правда, дальше судов дело не зашло.

— Сергей Петровича Межицкого, — тоже с улыбкой сказал Маузер. — Возьмет на себя товарищ Люгер. У господино-товарища Межицкого в свое время глаз, как у коня педального, на неё косил. И должок за ним остался, и очень, очень неслабый. Такие долги, сами понимаете, чем смываются... Много он нам, если по-честному, палок навставлял, во все места. Пора бы и честь старику знать.

— Да шлепнуть его, честного такого, и дело с концом, — подал голос Глок.

— Вот, идеологически верно мыслишь, — поддержала его Юта.

— Ну, через два года, действительно, если деньги есть, можно и на губернатора замахнуться, — размышлял вслух СВД. — И может даже Межицкого не уломать, а просто купить?

— Идеологически неверное мышление, — в такт жене сказал Марат. — И к тому же выборы губернатора состоятся в нашей области гораздо быстрее, чем через два года. Готовься уже к весне заступать на пост. Ладно, этот вопрос считай — решенный.

Выделяется тебе шесть миллионов, на полгода пока, начинай формировать команду и делать добрые дела, так сказать: благотворительность — младенцам, зебры — старушкам, шампанское и цветы — красивым женщинам. Вальтер-второй тебе в помощь и на зарплату... и следи, если что, чтоб он на тебя правильные доносы писал...

Смех стал еще громче.

— Теперь. Магнум. У тебя все просто. Работаешь вместе с Тренером и Сенсеем. Формируешь, но уже не Штурмгруппу, а Штурмбригаду. На базе частного охранного предприятия, которое начнешь формировать и регистрировать уже завтра. Все в твоих руках. Бывшие менты. Бывшие прокуроры и судьи, особенно с уголовным прошлым. Военные. Спасатели. Просто спортсмены. Находишь, отбираешь лучших, предлагаешь работу, и работаешь с ними дальше, добиваясь идейности. Тренируешь на базе у Тренера. Все официально, все законно. Дружишь со всеми. Помогаешь решать нестандартные задачи всем и каждому, собираешь компромат, запугиваешь разумных, сдаешь и ликвидируешь неразумных конкурентов, берешь под крыло профсоюзников и активистов — все как обычно. Ничего нового. Чтобы через полгода штурмбригада была сформирована так, чтобы за час собраться, и взять штурмом в этом городе любую организацию.

Марат посмотрел на Магнума:

— Повторяю для непонятливых — любую.

— Это я что ли непонятливый? — вскинул голову Магнум.

— А я что буду делать? — едва ли не выкрикнул Манлихер. — Эй, товарищи, что за произвол?

— Спокойно, камрад, спокойно, — теперь уже говорила Юта. — У тебя задача одна, и работать будешь один, уж извини. Ну, если девушкой обзавелся — ее тоже подключай. Поедете в Москву. В столицу. Налаживать связи. Обзаводится недвижимостью. Узнавать нужных людей. И присылать нам их сюда, для обучения и выправления мозга. На твоей совести — создание полноценной ячейки Красной Армии в самом логове врага, чтобы все второстепенные персонажи тебя знали.

— Второстепенные — это кто? — спросил Манлихер.

— Это все кто не первостепенные, кого по телевизору не показывают, — уточнил Маузер. — И ради всемогущего Аллаха, Манлихер, постарайся не выпендриваться. Не подставляй голову: ни под топор, ни под пулю, ни под дубинку. Защиты у тебя, считай, не будет никакой. И ко всем это относится. С сегодняшнего дня входим в режим строгой конспирации. Вот не дай бог узнаю, что кто-то собирает митинг или пикет — задущу собственными руками... И вот еще что...

Марат замолк, раздумывая, говорить дальше или нет.

— Вот еще что... Я могу пропасть, на время, а может быть и навсегда. Это, чтоб вас всех черт задрал, не значит что всё отменяется. Это значит только то, что меня нет. И всё. Ничего более. Цель определена, задачи ясны, средства будут у Люгера, все шагают в ногу — вне зависимости от того, кого из нас вдруг не станет... Это ясно? Дело завариваем очень серьезное, многое может случиться.

— Да не забивай себе голову, Маузер, — хлопнул его по плечу подошедший Манлихер. — Ты что, в нас сомневаться вздумал? Если что, я тебя заменю, целиком и полностью, ты не беспокойся! Правильно, товарищ Люгер?

Юта с мрачным видом сунула Манлихеру кулак под нос, потом оскорбительно оттопырила на кулаке средний палец, быстро обхватила его ладонью левой руки, и сделала

резкое движение, как будто ломала его.

— Да я шучу же, — поперхнулся Манлихер, а Кольт в своем углу гулко и отрывисто захохотал.

— Ну, меня то ты не бросишь, — промурлыкала Юта так, что у многих мурашки по коже побежали. И опять все взгляды, как и раньше, устремились на них. Было что то безумно-страшное даже уже в том, как они любили друг друга.

— Не брошу, не бойся, — сказал Маузер, не отрывая глаз от лица подруги. — А теперь разбираем ресурсы, и расходимся...

* * *

Кадры.

На этот раз Марат и Юта не спешили. После определения главной цели и наличия ресурсов ребром вставал кадровый вопрос. А кадры сейчас на левом крыле политической жизни... Те ещё кадры.

Самое дурацкое, что подавляющее большинство из них вообще не понимали что такое политика. Вроде бы ничего сложного, два слова, "сконцентрированная экономика", но такое ощущение что большинство вообще не представляет что такое ресурсы, временные, материальные, денежные — для чего они нужны, и что с ними делать.

Делать современные левые-красные хотели много, но только не брать власть. Да и властью обычно считалось наличие депутатских мандатов, старшинство по дому-подъезду, или, в лучшем случае — получение зависимых государственных должностей.

Ещё современные левые хотели заниматься конкуренцией с гигантскими профессиональными государственными и международными медиахолдингами, этими громадными машинами по промыванию мозга сотням миллионов людей, с многомиллиардными бюджетами, тысячами и десятками тысяч профессиональных актеров, дикторов, режиссеров, сценаристов, художников. Почему то считалось, что если собрать несколько совершенно непрофессиональных, но увлеченных идеей людей — то начнется настоящая "работа". Которая при определенной доле упорства приведет к победе, и даже пробуждению масс. Как и всё у непрофессионалов, эта работа ограничивалась написанием комментариев, небольших статей разной степени умности, записи совершенно неудобоваримых роликов, и придумыванием всевозможных лозунгов, демотиваторов и карикатур. По сравнению с противостоящими силами всё это смотрелось убого и примитивно, что еще больше отвращало население от любой идейности.

Огромная часть была заражена массовой «митинговщиной-протестовщиной», а еще хуже — индивидуальным пикетированием по любому поводу.

Вся эта масса была пропитана удушающим страхом: попадания под следствие, в суд или тюрьму. Наличие огромного количества провокаторов и настоящих сексотов, вместо того, чтобы выработать эффективную систему безопасности — привело левых лишь к хаосу и недоверию в рядах. Практически никто не имел ни организаторского, ни управленческого опыта работы не то чтоб в подполье, но даже в легальных сферах. И борцы с режимами как то внезапно оказались самыми строгими блюстителями и охранителями закона, который вроде должны были разрушать.

Приоритетной вдруг стала является область, которая к революции имела очень опосредованное отношение. Левые и красные всех направлений и оттенков откуда то решили, что ленинское наставление про учебу относится совершенно не к ним, а к каким то абстрактным «массам», которые надо срочно «просветить и обучить». Вместо того, чтобы

учиться самим, вместо постижения совсем непростой науки, а уж тем более практики революции, вместо тренировок собственного разума, духа и тела — современный левый предпочитал учить других марксизму, экономической теории. Сам не имея, грубо говоря, и лишнего гроша за спиной — и одновременно объяснял фундаментальные и банальные истины зачастую вообще незнакомым людям, с которыми он встречался в жизни всего лишь раз, и с которыми, с огромной долей вероятности, не встретится больше никогда. Это называлось «заниматься пропагандой идеи» и «работать с массами». При этом никого ни капли не смущало, что в современном мире есть интернет, книги, даже фильмы, что нельзя научить, а можно только научиться, что все давно уже обговорено и известно, что слова Маркса признаны наукой настоящими законами, и общество даже живёт по этим законам. Нет, никого это не смущало, каждый считал что именно его понимание, неоцененное нигде и никем, даже по системе "зачет — не зачёт" — самое правильное и близкое к некой абстрактной истине (которая, к слову, у каждого действительно своя).

Немалую роль в этом играла и официальная, большая и якобы «коммунистическая» партия, с установкой "вечно и навсегда вторые", не желавшая не то чтобы брать власть, но даже совершить несколько рискованных поступков, целиком и полностью оплачиваемая из бюджета, и подконтрольная официальной власти. Ее престарелые члены, начиная с руководителей на самом верху, заканчивая рядовыми в глубокой провинции, казались не просто пародиями на революционеров, а иногда делали все (и даже больше), чтобы показать ущербность революции и коммунистической идеологии.

И Маузер, и Люгер, и вообще все в штурмовой группе прекрасно знали о списке лекарств от этой болезни.

Дисциплина. Профессионализм. Организация. Сила. Страх.

Но как и все хорошие лекарства, они были дорогостоящими. Поэтому приходилось взывать к сознанию. А сознание человека постоянно меняется. Сегодня он герой. Завтра трус. В этом нет ничего особенного. Даже взять самое простое: вокруг кричат, что все беды от того, что подонки и подлецы взяли власть. То есть любому вроде бы должно быть ясно — главное тут не подлецы и подонки, и бороться надо не с ними, и вообще бороться с подлецами и подонками — себе дороже, зачастую люди и не увидят разницы.

Нужна просто власть. Которую надо взять. Которую никто не хочет отдавать.

Но начинать с чего то все равно было надо.

Власть. Желательно — неограниченная и полная. Как дон Карлеоне, только еще приступая к созданию своей империи — уже знал, что монополия является самой эффективной формой экономики. Так и штурмовики знали, что абсолютная власть, та самая диктатура — и является залогом успешных действий любой политической силы. Начальников может быть много, но все они четко подчиняются вышестоящему. Железная дисциплина, четко поставленные задачи и беспрекословное требование их выполнения — вот основа успеха в «концентрированной экономике».

Деньги, это топливо для любого движения и строительства — это только один из факторов. При этом, требуя работы ты должен понимать, что исполнитель ожидает от тебя и вознаграждение. Это главный постулат социализма. От каждого требуется труд — и каждого награждают его по способностям, по результатам труда. Жадные капиталисты это понимают, и очень отчетливо. Но многие якобы просвещенные социалисты — нет. Не понимают, хоть кол на голове теши. Ну совершенно невозможно выиграть даже маленький танковый бой, если ты пытаешься катить танк вручную, и у тебя нет снарядов.

Но власть подразумевает не только то, что исполнителям её воли платят. Иначе бы любого можно было продать, перепродать и заново купить. Нет, власть способна быть прочной только там, где есть страх. Человек боится сделать что-то, что не одобряется властью. Боится из-за наказания. Хотя и не признается. Но всегда боится — до ужаса, до блевоты, до ступора с остекленевшими глазами, и струйкой слюны из уголка рта. Власть ничего не запрещает — она лишь показывает каждому, в законах и кодексах, что ему будет за то или иное деяние.

Любой революционер — прекрасно знает и понимает, что его может ожидать в конце пути. Его... а также его оппонентов... Страх и власть — это неразделимые понятия. Но для революционера страх, и свой и чужой — это всего лишь оружие. Это как винтовка, которая конечно же, может убить тебя самого, но которую ты бережешь на войне пуще собственного глаза.

Чтобы бороться с властью — надо самому стать властью... Пусть маленькой, хотя бы над самим собой. Уметь приказывать себе, и выполнять свои же приказы — не такая уж и простая работа. Никто тебе за нее не заплатит, и никто не оценит, скорее — наоборот. Раз в месяц ты приказываешь себе выйти ночью, и уничтожить один из объектов противника. Ты выходишь, и уничтожаешь. Отдаешь приказ, и сам же его выполняешь.

Легко?

А у большинства не получается.

Так что же там, на многочисленном и разнообразном «левом фланге»? Что с ними делать? Из всего этого "великолепия", из сотен тысяч активных, и миллионов пассивных левых, социалистов и коммунистов сейчас требовалось отсеять и выбрать несколько тысяч по настоящему полезных и нужных делу революции, обучить их, объяснить хотя бы первично, что здесь к чему, поставить на баланс, организовать планомерную и непрерывную работу по захвату власти. Взять под контроль ключевые позиции в каждом городе, области, во всей стране. В каждой организации и ее отделении, начиная с армии и заканчивая здравоохранением — должны быть свои люди: и внизу, и на руководящих должностях. Люди, способные выполнить любой приказ, для которых даже смерть не является достаточным основанием для невыполнения боевой задачи.

Конечно, были штурмовики, эти боевые, многофункциональные машины революции, но их было так мало, что даже все вместе они с трудом могли держать под контролем небольшой, в общем-то, город. А уж что говорить о большем? Это всё равно что пытаться выиграть войну, имея роту пехоты. И ещё — в целом не было руководства, каждый действовал чуть ли не в одиночку, призывая команду только в том случае, если это необходимо.

Одиночку трудно предать. Но одновременно одиночка мало на что способен, разве что устроить одноразовый хаос. И то, строго говоря, штурмовик действовал в одиночку разве что на первом этапе акции. Как только становилось понятно, что акция имеет успех — подмога шла со всех сторон, появлялись непонятные депутаты, юристы, журналисты, блогеры и просто зеваки, которые, на самом деле будучи теми же самыми штурмовиками, буквально из пустякового, но толково исполненного дела представляли чуть ли не народное восстание. Особенно хорошо в свое время у них получалось "запускать волны", причем по всей стране.

Например, кто-то разбил окно в штабе оппонентов. Оппоненты начинают кричать, раздувая едва тлеющий огонек, про жестокость и несправедливость жизни; о коварстве, хитрости и бесстрашии противника. Или ещё лучше — вызывают полицию, а то и другие спецслужбы. Полиция по ложной наводке хватается человека с железным алиби. Теперь уже все вокруг, и правые и виноватые — кричат о несправедливости бытия. А ночью вылетают три окна уже в отделении полиции, где содержат задержанного-подозреваемого. И понеслось...

Стекла летят где только можно, по всей стране. Как это: этим ребятам можно стекла выбивать, терроризировать и саботировать врагов и полицаев, а я чем хуже? Нехватка камней или мужества, или ночь недостаточно темная? А почему именно камни? Коктейль Молотова тоже неплохо. Если ещё накидать через окна в помещение автомобильных шин — так и вообще красота. И так начинали думать и делать по всей стране, от Калининграда, и до Владивостока.

Так они убивали страх перед властью, этот фундамент, на котором все и базируется. Они выставляли ее слабой, смешной и беспомощной. Одновременно так они приобретали свою власть.

Это сегодня ты себя чувствуешь в безопасности, почти всемогущим, при погонах и со скрытой кобурой. Завтра же на улице тебя вдруг "случайно" встречают несколько крепких ребят, которые знают не только твое имя отчество, марку и номер машины, состав твоей семьи и твою зарплату, но и то, что ты прямо сейчас идёшь к любовнице. Знай своего врага лучше самого себя... Что собираются делать эти крепыши-всезнайки — ты не понимаешь. И в тебе самом, от неизвестности — зарождается страх. Даже оружие тебе не поможет — эти ребята вполне возможно получили задание спровоцировать тебя, чтобы ты вытащил пушку, а ещё лучше — выстрелил. Тогда — всё. Тогда лучше следующим выстрелом самому застрелится... Потому что ты будешь уже в их власти...

Как работать со всей этой массой — Марат хорошо представлял. Даже одна переписка с сотней единомышленников будет занимать все свободное время. Хотя и сотня — это уже много. В нормальном варианте — пятьдесят человек, именно столько сил и возможностей выделила природа всем, даже самым энергичным лидерам.

Этот странный и не совсем понятный природный закон управления открыл самый настоящий писатель, романист-фантаст, Фрэнк Герберт, в своей знаменитой "Дюне". Подчиняя два процента энергии системы — ты управляешь всей системой. Проще говоря, любое животное, даже львы, волки, быки, бараны и уж тем более человек — в одиночку напрямую могут управлять только пятьюдесятью особями. Даже могучий бык, направившись в другую сторону от общего движения, уведет с собой пять десятков коров — остальные продолжат движение за другими лидерами, или вовсе разбредутся. Самый матерый организатор, президент огромной компании — может напрямую управлять советом-отделом из пятидесяти человек, но как только добавляется еще хоть один — монолитный до этого

совет или отдел превращается в натуральный базар. Наверно, это было как-то связано с фотосинтезом, растения тоже в дикой природе поглощают всего два процента от приходящего света — и задают тон всей экосистеме.

Но сейчас, слава богине Иштар и прохождению Ютой второго Теста — все стало гораздо проще.

* * *

Люгер. Второй тест.

Марат, получив целый месяц на отдых и раздумья, полностью завершив свою подготовку, получив сотый уровень-процент загрузки — решил во что бы то ни стало попытаться прорваться вместе с женой, в её второе испытание.

Во-первых, и в самых главных аргументах — он вообще не хотел давать неведомым устроителям Тестов хоть малейший шанс на то, чтобы исключить ее из системы. Она была слишком важна. Особенно для Марата, особенно сейчас. Да и вообще — она была для него — всё.

Во-вторых, вдвоем они были непобедимы, их силы, и так совсем немалые, при взаимодействии в паре увеличивались отнюдь не вдвое, а во много раз. Даже ребята в органах это понимали. Если для задержания Марата или Юты по отдельности хватало пары оперативников и трех патрульных, то зная, что они пойдут на акцию вдвоем — просто чтобы не дать провести действие — привлекался весь оперативный состав города, к которым прикомандировывали жестких ребят из уголовного розыска, плюс как минимум десяток омонцовцев в полной выкладке, и дополнительно десяток "козлов отпущения" — из вневедомственной охраны, росгвардии или спасателей от МЧС. Даже это не гарантировало безопасности "жертвы" потому что вскоре Штурмгруппа выработала тактику, по которой акцию начинали пять-шесть человек, а заканчивали они вдвоем. Теряя бойцов на каждом "круге обороны", с руганью, боем и даже кровью — они прорывались куда угодно, и силы, которая могла их остановить — казалось и не существовало вовсе.

И в-третьих — а зачем вообще рисковать? Это когда он шел на свое второе испытание — как теленок на убой, туда, где в любой момент можно превратиться в кровавые лохмотья, и только чудо, стальная дисциплина с бесконечной терпеливостью спасли его. Теперь — нет, ребята, слишком долго мы играли честно, попробуйте теперь и вы побороться с противником, который многократно сильнее вас.

Да Марат сейчас обладает такими возможностями, что все эти Мегаладоны, все Шай-Хулуды с драконами и стационарными зенитными установками для него — детские игрушки, попытка убить тигра с одной зубочисткой в руках. Да он рельсы сейчас может завязывать бантиком, не применяя рук! Что, теперь эти способности держать дома, подвергать хорошего и любимого человека опасности?

Не, так не пойдет. Вы наверно не совсем поняли, с кем связались.

— Я уменьшусь, стану совсем маленький, — говорил он деловито Юте. — А ты возьмешь меня в рот...

Она прыснула смехом, он тоже улыбнулся. Звучало, конечно, двусмысленно.

— Ничего смешного. Возьмешь в рот, и не морщась.

Теперь уже оба не выдержали, и захохотали.

— Маленького в рот? А куда-нибудь еще можно, ха-ха-ха, — задыхаясь от смеха, спросила жена.

— Но-но, товарищ Люгер, отставить пошлости..., - кое-как смог отозваться Марат.

— Так то ничего смешного, — сказал он строго через пару минут. — Вот попадешь туда, поползаешь на животике месяцок, все смешки как ветром сдует...

* * *

— Это где мы? — спросил Марат Юту, когда они прошли Перенос.

Перед ними возвышалось трехэтажное, давно заброшенное здание красного кирпича. И вокруг стоял туман. Он начинался у самого лица, можно различить маленькие медленные капельки в воздухе. Потом, дальше, туман становился плотнее, чуть ли не как молоко — проведи рукой, и польется...

— Это старый роддом, — ответила Юта. — Мы в детстве часто играли здесь. Редко кто забирался на второй, а тем более третий этаж. Там лестницы деревянные, давно сгнили. И мы считали что там, наверху, заперто зло. Мне страшно, Маузер, — внезапно сказала она.

— Спокойно, тут ничего нет, — сказал он, и еще раз тщательно просканировал все вокруг, во всех диапазонах. — По крайней мере ничего опасного нет, — поправился он.

— Я чувствую, — Юта прижалась к Марату. — Вокруг что-то есть. Или кто-то. Не понимаю. Я вообще ужасная трусиха, — внезапно призналась она. — Самый большой трус на свете.

— Интересная у нас команда подобралась, — улыбка тронула лицо Марата. — Революционная ячейка из трусихи и самого робкого и нерешительного человека на земле.

— Это ты то — «робкий и нерешительный»? — она даже приободрилась. — Да ты самый смелый и решительный человек, которого я знаю. Ты иногда наглый, как гопота подъездная.

— Это иллюзия, — спокойно отозвался он. — Я просто действую всегда по плану. Если план подразумевает быть наглым гопником — приходится им и быть...

— Сейчас, погоди, добавлю тебе уверенности, — Маузер широко улыбнулся. Он прижался к жене, и закрыл глаза. Черные кляксы, концентрируясь на его теле, полезли и поползли на нее, забрались под одежду, спустились на ноги, на миг скрыли лицо.

— Странное ощущение, — сказала Юта.

— Я делаю тебе защитную оболочку. Почти максимального уровня..., погоди минутку, не дергайся... Все, готово.

Марат отошел на шаг, словно любовался своей работой.

— Ты теперь защищена лучше, чем линкор Бисмарк. По совокупности и эквиваленту на тебе сейчас двухметровая стальная броня высочайшего крупновского качества. Только вот толщина слоя — менее сотой доли миллиметра. Эту шгуку пробить почти невозможно...

— Мешать не будет? — Люгер развела руки в стороны, приподнялась на цыпочки.

— Нет, у меня есть специальная... ну в общем... программа... если так можно сказать. Ничего мешать не будет, все как обычно, просто в кожу, причем не в живую, а в эпидермис, внедрены специальные пластины безэлектронной стали. Причем они... в общем они мало того что маленькие, так еще и не весят ничего. А если их сделать обычными, то с тебя двести тонн железа осыпется, как листья с ясеня.

— Эфирная броня? — усмехнулась она.

— Ну да, можно и так сказать...

— Здесь вокруг никого нет, — Марат раз за разом сканировал пространство, все глубже и дальше, ничего не находил, и ничего не понимал. Во всех диапазонах картина была одна и та же — туман, потом очень плотный туман, а дальше вода. Километры, сотни, а может и сотни тысяч километров абсолютно чистой воды, без примесей, без земли, даже без рыб. И

эта вода, этот океан без верха, низа и берегов... такое ощущение... что...

— Люгер, мы на Солярисе, — сказал он наконец.

— Где? — спросила она. — Уверен?

— Да вернее некуда, — ответил он. — Мы в пузырьке воздуха в бесконечном океане. Не просто большом, а бесконечном, тут нет ни конца ни края, это огромный... огромное существо, и оно, не поверишь, оно реально бесконечное, такой штуки вообще в принципе существовать не может.

Она смотрела на мужа несколько секунд, а потом уверенно произнесла:

— Ну ты же выгацишь нас отсюда? Ты же говорил что сейчас жуть какой сильный, и быстрый. Всю галактику, сказал, из края в край за один день пролетишь...

— Конечно, — отозвался Марат уверенно, хотя внутри никакой уверенности не чувствовал, а пребывал в состоянии близком к тому, что называют "тихой паникой". — Не вопрос, котёнок...

— Тогда пойдём, — вздохнула Юта. — Я тебе покажу что внутри. Честно говоря, мне не особо нравилось тут гулять, жутковатое место, поэтому и интересно.

Они вошли через древнюю дверь, почти сорванную с петель. Под ногами валялся мусор, щебень вперемешку с битым стеклом, тряпки, обрывки бумаг, гниющие доски и листья. Голые стены, ободранные, выщербленные. Перекошенные столы, обломки стульев и полок, серые рамы с треснутыми стеклами, а чаще и без них. Мрачный проход в темное нутро подвала.

— Здесь, наверно, был просто вестибюль, а приемный покой дальше. Вот здесь, скорее всего, сестринская и кабинет врача, а вот тут раздевалка и подсобка. А дальше по коридору... — она замолчала, и Маузер молниеносно материализовал на руке "миниган", отодвинул Люгера за себя, и вырос, заполнив собой весь проем коридора. Но впереди была только лестница, не сломанная, и даже не продавленная или дырявая. Вполне добротные деревянные ступени, даже на вид — надёжные, хоть и основательно тронутые временем.

"Что случилось?" — спросил он жестом.

"Все хорошо", — ответила она также жестом.

— Просто никогда не было лестницы, вот и странно, — произнесла Юта уже вслух. — Пойдем?

— Я первый, — проворчал Марат, дезактивируя оружие и становясь меньше.

— На втором этаже типа процедурная, или вообще операционной, и куча палат. А на третьем только палаты, — продолжала рассказывать Юта.

— Почему операционная на втором? — скорее самого себя спросил Марат. — Если приедет тяжёлая, её ещё и затащить сюда надо... Оп-па! — произнес он с удовлетворением. — А вот и Трансформационный круг. Давно хотел пополнить боезапас нестандартными штуками...

Посреди "операционной-процедурной", под уже знакомой синей лампой уютно расположился красный круг, немного неуместный здесь, в царстве затхлости и заброшенности.

— Ют, ты чего? — спросил Марат удивлённо, когда повернулся и обнаружил на лице жены гримасу отвращения.

— Не нравится мне здесь, — ответила она прямо. — Давай побыстрей все дела сделаем, и свалим отсюда. Здесь нет солнца...

— Да уж, — согласился он. — У меня у самого мурашки от этого места. Согласен на все сто. Пойдем третий этаж посмотрим, и сюда, обратно вернемся. Оттрансформируем тебя хорошенько, будешь как невеста после брачной ночи...

По лицу Юты было заметно, что шутка не удалась.

На третьем этаже было значительно чище, чем на первых двух. В одной из комнат они обнаружили «продавца». Точно такой же киборг, как и у Марата во втором испытании. Тоже за прилавком. Марат даже потыкал его пальцем в грудь.

У Юты этот персонаж особого энтузиазма не вызвал.

— Ты кто такой? — спросила она у человекоподобного механизма неведомых исследователей.

Тот, естественно, ничего не ответил, все также продолжал пялиться прозрачными глазами, словно смотрел сквозь собеседника.

— У меня такой же был, — спокойно сказал Марат. — Это андроид. Мы его называли — Продавец. Хотя он ничего не продает, а только передает. Предметы разные, очень крутые обычно. Каждому свои. Одному пакистанцу аж целую боевую машину выдал, шагоход такой, с манипуляторами-пушками, десять метров высотой. Только там этот «продавец» в ангаре стоял.

— Что там у тебя для меня? — задала Юта следующий вопрос «Продавцу».

Тот вытащил из-под стола прилавка что-то похожее на ноутбук. Да это и был ноутбук, обычный, черный, раскладывающийся портативный компьютер.

— Электронное вычислительное устройство, — ответил механическим голосом Продавец.

Марат с Ютой откинули крышку-экран, и сразу же пошла загрузка. Прошло несколько секунд, и появилась стандартная надпись — «Добро пожаловать». Правда, сколько бы они не нажимали на клавиши клавиатуры, сколько бы не трогали тачпад — ничего на экране не менялось.

— Как этим пользоваться? — спросила Юта Продавца.

Тот повернул голову и начал чеканить:

— Нестандартное электронно-вычислительное устройство. Подключается к программе. Объем памяти первого уровня — не ограничен. Объем памяти второго уровня — не ограничен. Тактовая частота — не ограничена. Тип питания — атомный. Обращайтесь осторожно — устройство содержит кристаллические формы, и может быть повреждено механическим путем...

— Как это — объем памяти не ограничен? — недоверчиво спросила Юта.

— Каждая программа для своего выполнения требует ограниченный объем памяти разных уровней. Данное устройство не ограничено по предоставлению ресурсов памяти первого и второго уровня.

— Это типа у него жесткий диск и оперативка не ограничены? — Юта рассматривала «ноутбук» совершенно иным взглядом.

— Тактовая частота выполнения программ также не ограничена — подтвердил Продавец.

— Ну и как туда чего загружать? — Юта рассматривала агрегат со всех сторон.

А Марат уже понял. Осознал.

— Туда ничего не надо загружать и подключать, — сказал он. — Эта штука сама подключается.

— К чему подключается?

Он посмотрел на жену и нахмурился.

— Подключается к программе. К программному обеспечению. К тебе, короче. Ты должна будешь пройти с этой штукой трансформацию. Это на втором этаже, где красный круг. Сначала надо будет пройти трансформацию с амулетом, а потом поэтапно с... другими вещами. Я же рассказывал...

Они начали обживать в этом старом, заброшенном здании. Марат тренировался, познавая свои умения и возможности: убирал мусор, выравнивал стены, очищал здесь все от сырости и затхлости. Палатку они оставили дома, да и зачем она — у Марата всегда все под рукой. Юта тоже подключилась, женской рукой предавая суровому аскетизму шарм, жилую небрежность и повседневную привычность. Раздражали постоянный туман и серость, зато внутри они установили мощное освещение, в углу появился самый настоящий, полыхающий пламенем камин. На полу — всегда теплый и толстый сухой ковер. Они никогда не придавали значения обстановке, прекрасно себя чувствовали и в поле на стогу сена, и ночуя и на голом столе в офисе (случалось и такое), и за решеткой в облёванном полицейском «собачнике», и в номере люкс пятизвездочного отеля — для них всё одинаково, главное чтобы вместе. Но когда предстояло долго ждать — лучше это делать с удобствами. Юта становилась буквально час от часу раздражительней, и Марат понимал, что она беспокоится за дочь. То, что "снаружи" время может быть и не течет совсем — её мало утешало. Марат же знал, что если здесь действительно разумный океан, настоящий Солярис, то скоро жди гостей. За себя он не беспокоился, всегда считал себя железным, способным выдержать всё, что только можно выдержать, а вот Юта... Да и за нее беспокойство было не таким уж большим, скорее небольшая тревога. Уж чего-чего, а товарищ Люгер сохраняла рассудительность и трезвость мысли в самых безумных ситуациях, а таких в их жизни было предостаточно. Да вот только, одновременно, в самых спокойных и безопасных условиях могла "психануть" так, что только держись, под руку лучше не попадаться. Обезумевший Халк рядом с бешеной Люгер рядом не стоял, ни по степени ярости, ни по объему и количеству случайных жертв и разрушений.

— Как ты думаешь? — спрашивал он Юту. — У нас один гость будет, или к каждому свой? Так то должен быть к каждому свой. Вот только испытание это твое, индивидуальное, и нас здесь двое.

— Думаешь, это будет Сабрина? — обеспокоенно спросила жена.

Марат, замирая от неизвестности, ответил:

— Думаю, что да...

В тот день он был наверху, наводил порядок на втором этаже, чистил помещения взмахом руки, проводил электричество, обустраивал в каждой комнате свою обстановку, как будто они ждали множество самых разнообразных гостей.

Внизу колокольчиками зазвенел смех Юты. Тотчас же раздался другой голос — тоже звонкий, но незнакомый. Марат кубарем скатился по лестнице. Жена стояла посреди ярко освещенного холла, и гладила по голове мальчишку. Обычный пацан, лет одиннадцать-двенадцать, вихрастый, худой, в потрепанных джинсах и клетчатой рубашке.

— А вот и наш папа, — со смехом обернулась Юта.

— Это не наш папа, — вдруг угрюмо отозвался мальчик, улыбку с его лица как смыло.

— Представь, он меня папой называет, — сказала Юта с улыбкой. — Говорит что я его папа...

— Ну вообще то пацан прав, — отозвался Марат. — Мама у него там, снаружи, а ты... реально папа. Тебя как зовут, чудо луковое?

— Папа говорит, что я Солярис, — ответил мальчик после паузы.

— Мне нравится это имя, — добавил он, и с надеждой на поддержку взглянул на Юту.

— Солярис Ютович, — сказала жена, и снова засмеялась-зазвенела, как колокольчик.

И они стали жить втроем, как будто жили так сто лет. Марат действительно взял на себя обязанности жены — убирался, готовил, стирал, вел и справлял всякую мелочевку — если можно так сказать, потому что даже «готовка» и «стирка» у него занимали несколько секунд. Юта на правах «папы» возилась с самоназванным «сыном».

Они как-то очень быстро сошлись, постоянно о чем то болтали, шутили, рассказывали друг другу забавные истории и смеялись. Марат часто заставлял их тренирующимися. Юта постоянно учила мальчика, сначала просто стойкам, как надо держать пистолет, как — винтовку. Учила как освобождаться от захватов или наоборот, захватывать человека самому, чтобы тот и пошевелиться не мог, а ты его держишь одной рукой. Потом они стали стрелять, в подвале. Дом наполнился тонким восхитительным запахом горячего металла и едкого пороха. Паренек был в восхищении, а уж вместе они просто пылали энтузиазмом, расстреливая очередную сотню солдатиков из шестизарядных револьверов на скорость. Марат только ухмылялся, и подсовывал бешеной парочке все новые и новые модели орудий человеческого взаимоуничтожения.

Над Ютой теперь висел постоянный статус: "Валькирия". Надпись появилась как только она перешагнула десятый уровень, и это уровневое число регулярно менялось, примерно раз в сутки.

— Валькирия, — прочитал тогда Марат, примерно неделю назад, когда надпись только еще высветилась. — Одиннадцатый уровень. Выбирающая убитых. Высший женский персонаж класса воинов. Притягивает победу, даже не участвуя в битве — способна переломить самую безнадежную ситуацию. Бойцы, которые сражаются с ней в группе не испытывают усталости, не поддаются страху или панике. Специализируясь только на одном виде магии (классовое ограничение), валькирия тем не менее нейтрализует до минимума или блокирует большинство вражеских пассивных заклятий, и усиливает модулирование, благоприятные для своей группы. Средняя опасность персонажа — крайне опасный, другим персонажам не рекомендуется вступать в прямое столкновение с ни с одиночной валькирией, ни с группой, в которой она присутствует, без соответствующей защиты от её способностей...

— Круто, — резюмировал он. — Очень круто.

Хотя прирост уровней Юты шел очень быстро (не в пример ему самому), но все же... раз в сутки... Сто уровней-процентов. Три месяца с хвостиком. Первый из них почти закончился, и вроде как всё нормально, без эксцессов, единственное что напрягает — мальчик, который как и в книге у Лема, не мог находиться отдельно от Юты. Всегда рядом, как хвостик.

Вскоре Марат добрался до чердака. Долго думал — переключать ли крышу? Дождей здесь не было, конденсат нигде не образовывался, простая влажность, не более. Или все-таки перестелить дырявый шифер? Или даже убрать его? А на балки положить очень тонкий

сплошной лист железа... Зелененькое такое, волновое железо, будет аккуратно и красиво. Ну и заодно защита, это же будет часть его самого. Хрен тебе пробьешь такую крышу, даже из гранатомета. Да какой к черту гранатомет — тут если метеорит упадет, то не сможет даже дырку пробить. Так, выбоина будет, не больше.

Не дом, а самая настоящая крепость. Космический корабль со всеми действующими системами внутри, только вкопанный в землю.

— Помоги! — вдруг сказал голос Юты в голове. Тотчас связь с ней пропала. Потом здание тряхнуло, небо осветилось вспышкой молнии, и тут же ударил могучий раскат грома. Благодаря «эфирным доспехам» Марат всегда знал, где находится жена. Вот сейчас они отделились с младшим Солярисом от дома, примерно метров на двести, непонятно что они там искали, в этом тумане, может просто играли... Молния ударила тоже там...

Марат спрыгнул с крыши. Земля еще раз ощутимо дрогнула. Набирая скорость, вес и объем, он рванул в том направлении, откуда ощущал Юту в последний раз. Прорываясь сквозь воду в воздухе, он становился все больше и больше, а когда оказался полностью в воде — представлял из себя пятидесятиметровую фигуру. Что-то среднее между средневековым рыцарем и ультрасовременным трансформером. Вот только по размерам, мощности, да и массе... Короче говоря, Оптимус Прайм отдыхает. В песочнице.

Еще через несколько десятков метров Марат вырвался из их белого «пузырька», и ему открылась совершенно фантастическая картина. Юта висела в бесконечной толще воды, одна, с расставленными в стороны руками, в которых были зажаты пистолеты. На лице ее была сосредоточенность, и капелька обреченности. Она иногда дергалась, всем телом, и крутила головой, выискивая опасность. Но вокруг нее ничего не было. Никакой угрозы. По крайней мере, Марат ничего не чувствовал. Просто океан воды. Очень много воды. Прозрачной светящейся жидкости — на сотни, а может быть сотни миллионов километров вокруг. Такого не могло быть — но это было. Парсеки воды в любую сторону, водяная Вселенная в космической Вселенной. Бесконечность в бесконечности.

Когда Юта увидела громадного Марата, на ее лице промелькнуло облегчение. Он же одним движением преодолел разделяющее их расстояние, и буквально влил ее внутрь, раздвинув себе грудь, а потом снова сдвинул стальные плиты, как будто прикрывающее его сердце. Все, она в безопасности.

В безопасности от чего? Или от кого?

— Что? Что... это? Как... это?

Марат, хоть и не сомневался в собственных возможностях — сейчас просто оторопел. Эти вопросы шли буквально отовсюду. Никто их не произносил, но они были заданы.

— Так, — сказал он, подбадривая сам себя. — А ну-ка, сыграем по моим правилам.

Тотчас же вода вокруг исчезла. Теперь он висел внутри громадного, больше ста метров в диаметре — безвоздушного пузыря. Он просто сжал воду и выбросил за пределы этой защитной сферы. Несколько секунд ничего не происходило. А потом вода начала приближаться. Медленно, словно нехотя.

Марат напрягся. Он расходовал уже более половины энергетических возможностей своего нового тела — но не мог остановить давление и объем приближающейся стихии.

— Ладно, — сказал он с вызовом. — Напряжемся на всю катушку.

Вода снова остановилась. Две энергии несколько мгновений боролись друг с другом, а потом вода снова начала движение. Это было невероятно. Марат давил на стенки своего безвоздушного пузыря-убежища с давлением, при котором жидкость резала металл,

несколько тысяч атмосфер. Но давление снаружи было все равно больше. Океан проверял его на прочность.

— Да черт тебя дери! — в сердцах бросил Марат, прекратил давить, и стал просто отбрасывать упрямую воду назад. Тонкое прозрачное лезвие метнулось к нему, появившись из ниоткуда. Уворачиваясь, Марат почувствовал что его затрясло. Эта плоскость, толщиной едва ли в долю миллиметра, состояла из воды, спрессованной под воздействием не тысяч, но миллионов атмосфер. Да «оно» не уступало в этом отношении плазме, термоядерному взрыву. Давление, по крайней мере — такое же. Эта штука могла его напополам разрубить, если бы он не увернулся.

— Все, хорош тупить, — сказал сам себе, и рванул к спасительному туманному пузырю, их временному жилищу посреди бесконечного океана.

Оказавшись рядом с трехэтажным зданием, которое сейчас не доходило ему и до колена, Марат активизировал свои многочисленные пушки. Скорее по привычке, чем из потребности. Упрямо раз за разом раз он сканировал окрестности, применяя все и сразу — и звуковой эхолот, и инфракрасное, и рентгеновское жесткое гамма-излучение на пиковой частоте. Опять ничего, и никого вокруг. Ни единого плотного, а тем более движущегося тела в радиусе многих тысяч и тысяч километров вокруг.

И все же там что-то было...

— Мы просто хотели поиграть, — сказал снизу мальчишеский голос.

Марат не спеша, постоянно ожидая подвоха, уменьшал себя в размерах. Вот окна третьего этажа оказались на уровне его головы. А вот он — снова обычный человек, обеими руками держит Юту, ставит её на землю.

— Уф, — сказала она, соскальзывая, и сразу принимаясь выжимать волосы. — Видел? Круто?

— Видел. Да, круто, — согласился Марат.

— Мы просто поиграть хотели, — сказал виноватым голосом Солярис еще раз. — Скучно же.

— Что хоть случилось? — сердито спросил Марат. — Вы меня перепугали почти до жидкого стула.

— Да это я что-то перепугались, — ответила Юта. — Сдуру шарахнула молниями во все стороны, ну океан меня легонько прижал. Силищи у него просто немерено... И ещё — ты понял?

— Что именно я должен был понять? — осторожно переспросил Марат.

— Он замкнут, как плоскость Мёбиуса, — Юта нашла полотенце, скинула остатки одежды, и начала растираться. — Вот поэтому и кажется бесконечным, вода же это не плоскость, а всегда трехмерная структура, поэтому он и бесконечен во все стороны.

Марат ещё раз попытался представить бесконечный во все стороны океан. Получалось плохо. Привык, что любая жидкость — это пространство между поверхностью и дном, и вот теперь очень трудно представить — как это может быть, чтобы дна не было...

— Он с тобой разговаривает? — спросил он жену, доставая ещё полотенце, и одним движением обматывая махровую ткань вокруг её гладких бедер.

— Конечно, и с тобой тоже, — ответила Юта. — Наш маленький Солярис и большой Солярис в тумане — это одно и то же...

— А где, кстати... Младший? — хотя Марат слышал голос мальчика, но самого его нигде не было.

— Эмм, беспокоишься что здесь с ним может что-то случится? — хмыкнула Юта.

Марат неопределенно мотнул головой, рукой обхватил ее за талию и привлек к себе. Грудь, конечно, потрясающая, до сих пор наглядеться и напряжиться невозможно...

— Нет, не беспокоюсь. Я за тебя беспокоюсь.

— Представь, этому существу более шести миллиардов лет. По крайней мере он так сказал, — продолжала говорить Юта, глядя прямо в глаза, положив свои руки на плечи Марата. Она едва заметно качнула бедрами. Вправо — влево... Вперёд — назад...

— Он сказал что помнит то, что мы называем Большим взрывом. А ещё, прикинь, он чувствует себя в нашем присутствии — мальчиком. Представляешь? Мальчиком! Он просто любопытный, а за шесть миллиардов лет одиночества можно так себе самому надоесть — ужас. И самое интересное — убить то самого себя не получится. Он вроде большой... И одновременно в каждой капле.

— Он тебя трогал, — вдруг жёстко сказал Марат, и поднял с пола мокрые джинсы Юты. Та посмотрела на мужа весёлым взглядом, фыркнула, а потом запрокинула голову и расхохоталась.

— Ладно, — примирительно сказал он, когда приступ веселья закончился. — Ему скучно? Поиграть захотелось? Я с ним поиграю, так поиграю, он ещё на шесть миллиардов лет вперёд наиграется.

— Только осторожно, — уже со всей серьёзностью произнесла Юта. — Не переборщи. Он реально настолько силен, ты не представляешь просто.

— Да неужели? — съязвил Марат. — Ну мы тоже не пальцем деланы, не из дерьма слеплены...

— Вот как раз он то тебя двумя пальцами сплющит, раскатает, и на лапшу порежет... — предупредила она, а потом сама, упершись одним лишь указательным ему в грудь — легко уронила мужа на кровать.

* * *

Следующие несколько дней Марат матерился как сапожник. Или как портовый матрос. А уж концентрация «чертыханий в час» просто зашкаливала. Юта хохотала как сумасшедшая, глядя со стороны на его потуги.

Марат пробовал все что можно. Океан был постоянен. И все-таки вода побеждала.

Марат принимал сотни форм — от трехсотметрового осьминога и стометрового кашалота до километрового шара или куба. Геометрические формы он перепробовал вообще все. Биологические структуры, от хищников до растений, все что мог скопировать из микромира — все это было опробовано и отвергнуто. Сверхтвердые сплавы, закалённые стали, жидкие, гелевые, парообразные и многослойные формы, армированные структуры — все это было также испытано. Весь доступный диапазон излучений, нестандартные гравитационные поля, взрывы всех мастей, даже аналоги холодного оружия — все шло в ход и оказалось бесполезно. Океан пользовался лишь двумя вещами — давлением и температурой. Тонкие, совершенно невидимые и абсолютно непредсказуемые лезвия воды по давлением несколько сотен тысяч атмосфер — возникали будто сами по себе, и исчезали

в никуда, оставляя после себя Марата, разрезанного на множество причудливых кусков.

А вообще, все ли в курсе, что при таких давлениях воду можно разогреть так, что тугоплавкая сталь с немалым содержанием вольфрама начинает краснеть, желтеть, а потом плавиться? Прямо в воде. С выделением водорода и кислорода, последний из которых превращает металл в труху за секунды. Ну, теперь вроде все в курсе. А как вообще воду, только что разогретую до нескольких тысяч градусов мгновенно превратить в лед? Как это можно сделать мгновенно, когда ни одно чувство, и ни один датчик не фиксирует ни подвода, ни отвода энергии? Да с кем тут вообще драться, если вокруг одна вода? И как прикажете от нее защищаться?

Ещё одно невидимое лезвие прошло рядом с Маратом, который сейчас в виде пятисотметрового краба пытался противостоять одушевленной стихии. Правую клешню как ножом отрезало. Матерясь и кувыряясь в воде, опять в сопровождении смеха Юты, он с трудом поймал чёртову конечность, и приладил на место.

Это ещё цветочки. Вот три дня назад по нему прошлась невидимая сетка, разрезав на сотню аккуратных одинаковых кубиков — вот это впечатления были что надо. А клешня — так, фигня.

— Черт! — Марат потихоньку подгрёб к жене, трансформируясь из мега-краба в обычного человека. Юта висела в бесконечной толще воды, держа за руку Соляриса-младшего. Оба довольно улыбались.

— Черт, — повторил ещё раз Марат. — Помогла бы хоть. Ты вон уже — сорок третий уровень. Ты же видишь, эта хрень меня как тузик грелку рвет. Младший, ты то что молчишь? Хоть бы подсказал чего, твоя "маман" меня столько раз уже ниже дна опустила, кошмар какой то...

— Но ты же не побежден, — вдруг сказал мальчишка. — Она тебя ещё не победила, ни разу. До тебя всех побеждала.

Марат огляделся по сторонам, снова и снова пытаясь понять: где "оно", или "она"? Да это просто вода!

— Черт, — пробормотал он. — Утешил. Вот, прямо реально, спасибо, мил человек. Прямо бальзам на душу. Я прямо по настоящему чувствую себя победителем. Если не считать, что меня разрезали, расплющили и расплавили примерно тысячу раз за последнюю неделю. А я даже не понял где мой «противник»...

— Ладно, — весело произнесла Юта. — Ну что, товарищ Маузер? Ежики полетели?

Это была их старейшая условная фраза, самая первая, которую они придумали для общения между штурмовиками. Её смысл был таков: «Приготовиться к бою».

— Ну вот, совсем другое дело.

— Защищай меня, — просто сказала Юта.

И Марат вырос, сначала оставаясь в обличье человека. Громадные ладони он сложил «лодочкой», аккуратно поймал и уложил туда жену, а потом сомкнул пальцы. Все, поехали. Максимальная степень защиты...

Он согнулся, как будто хотел кувырнуться через голову, а потом потерял всякий человеческий облик. Сейчас он стал походить на шар. На огромный шипастый шар, около восьмисот метров в диаметре — если пересчитать доступную ему нейтронную материю на плотность высококачественной высоколегированной стали.

Но здесь была не только сталь. И сверхтвердые керамические сплавы, перемежающиеся пористыми эластичными материалами, и стеклопластики, и даже углеродное

алмазоволокно; жидкометаллические и кристаллические гели, гасящие инерцию, колебания всех видов, особенно температурные, мгновенно затягивающие любое отверстие; сдвижные и срывные пластины, толщиной комбинированной брони до десятков метров — все это перемежалось сотнями отсеков, каждый из которых был только частью корпусной системы, и мог быть мгновенно изолирован...

Марат использовал всю доступную ему материю. Эта структура, которую он сейчас создал — могла спокойно выдержать термоядерный взрыв любой мощности, хоть прямое попадание, хоть столкновение с метеоритом на скоростях, близким к тысячам километров в секунду — даже не заметив препятствия, просто пробив каменную глыбу насквозь. Да эта штука что угодно могла выдержать — сам Марат с трудом, до сегодняшнего дня, представлял оружие, которое хотя бы гипотетически сможет его уничтожить.

Вот только капля обычной воды, как оказалось, могла его пронзить насквозь...

— Сколько энергии можешь выдать? Я не могу одновременно генерировать и полноценно атаковать...

— Двести шестьдесят миллионов киловатт, — ответил Маузер, как сквозь зубы, все-таки сейчас он был занят слишком важным делом...

— Всего то? — фыркнула Юта.

— Это в режиме накопителя, — пояснил Марат. — Если включить режим генерирования то умножай на семь, как минимум.

— Да, они мне нужны, — быстро произнесла Юта. — У меня самой значения меньше. В общем я включаю режим статора на постоянное магнитное поле, ты работай в режиме ротора, и давай, всё что можешь.

— Я постараюсь, котёнок, но больше двадцати процентов от массы не дам, иначе защита полетит к чертям, уж извини...

— Этого достаточно... Будем использовать твои шипы как электроды, распредели их равномерно на поверхности...

Если бы эту картину мог наблюдать сторонний человеческий глаз, то он бы увидел, как вокруг громадного бронированного шара с шипами начинает клубиться вода. Она закипала, пронзаемая токами высокой плотности, напряжение нарастало.

— Пошло давление! Со всех сторон! — крикнул Марат. — Он давит, чтобы вода в пар не превратилась!

— Отлично, стабилизирую напряжение, держи оборону, сейчас лезвия полезут!

Но Марат уже и так знал, чего ожидать от коварного Океана. Вода здесь была самый страшный враг. Очутившись всего на сантиметр внутри корпуса, она только усиливала давление, разрывая многометровую стальную броню как бумагу...

— Держу..., - проскрежетал Маузер, в одну секунду разворачивая, блокируя, расширяя либо, наоборот — сужая сотни отсеков, лишая жидкость ее преимущества — несжимаемости. Водяные бичи полосовали его вдоль и поперек — но тактика с отсеками пока оправдывала себя, хотя некоторые из лезвий умудрились таки проникнуть на сотни метров в глубину, прежде чем потеряли свою пробивную силу.

— Он отводит энергию, мы замерзаем...

— Да ничего, уже нормально... Приготовься, всё почти готово... Ты готов? Выдержишь?

— Да, я выдержу.

Они сейчас находились, благодаря постоянному и нестандартному электролизу и

ректификации — почти что в идеальном шаре дейтериевой воды.

— Десять... девять..., - считала Люгер.

— Ну что, вот теперь действительно — прощай, товарищ Люгер?

— Шесть, пять, четыре... да, прощай, мой любимый...

Через три секунды они потонули в другом океане. Это был океан света, тепла и всевозможных излучений — от термоядерного взрыва, который произошел на поверхности их защитного кожуха.

Вспышка озарила пространство. Магнитные и световые потоки были настолько плотными, что казалось — их ножом можно резать. А потом все кончилось. И уже через несколько минут Марат с Ютой начали приходить в себя.

Вокруг были звезды. Внизу — довольно большая планета, укрытая белым паром. Около нее, совсем небольшие на фоне планеты, — повисли два солнца, красное и синее, двойная солнечная система, точь-в-точь как в книге польского фантаста.

— Этот чертов гад выбросил нас в космос, — просипел наконец Маузер.

— Ну, таким образом он признал свое поражение, — резонно заметила Люгер. — И, кстати, во время боя трансформированное со мной вычислительное устройство запросило у самого себя неограниченные ресурсы, получило их..., - голос Юты стал торжествующим. — ... и за это время я достигла сотого уровня! Загрузка завершена.

* * *

В скафандрах, в которых человек выходит в открытый космос, вовсе нет никакой системы подогрева. Зато там есть очень серьезная система охлаждения. Вот и сейчас Марат чувствовал, что под воздействием излучения двух близких звезд — начинает разогреваться. Он быстро уменьшился, чтобы сбрасывать избыток тепла в сгусток нейтронной материи, составлявший единое целое с его телом. Юта, висевшая с ним рядом, была укутана голубоватым энергетическим коконом.

— Ты как? — спросил Марат жену. — Не жарит?

— Вообще-то электромагнитные поля могут плазму легко удерживать, — пожав плечами ответила она. — Что мне это слабенькое излучение? Я теперь наверно и на поверхности Солнца себя буду чувствовать неплохо... Ты видишь Землю?

Марат повернул голову в том направлении, куда она смотрела.

— Солнце вижу, а Землю могу только определить по гравитационным аномалиям. В видимой части спектра не вижу, ни в одном излучении, — признался он.

— А я вижу. До нее триста двадцать световых лет, — было видно, что Юта находится под впечатлением от открывшихся расстояний. — Мне туда лететь... представь... триста двадцать лет, по прямой.

— Мне меньше.

— Да, — она была сама язвительность. — Чуть поменьше. Сто два года.

Марат давно уже рассказал ей о своем ограничении скорости. Конечно, миллион километров в секунду — это очень круто, но для космических пространств — ничего особенного.

— Тогда возвращаемся, — сказал Марат. — Тем более все равно надо нанести «визит вежливости», да и портал, наверно на нашем пузырьке уже открылся. Через него обратно домой и попадем.

— Триста двадцать световых лет — за одну секунду. Просто переход через портал. Ты представляешь уровень развития существ, которые нас тестируют?

— С трудом, честно говоря, — сознался Марат.

Они очень быстро нашли свой островок-убежище-роддом. Сейчас он был на экваторе, обычный кусочек суши, без всякого тумана, заросший старыми тополями и липами.

На крыльце сидел Младший. Видно было что он сильно встревожен и здорово огорчен. Завидев Марата и Юту мальчишка тут же расплылся в улыбке.

— Вы вернулись, — сказал он с облегчением в голосе.

— А куда бы мы делись?

— Вообще круто было, — восхищенно произнес мальчишка. — Давно я не испытывал таких эмоций.

Юта подошла к мальчику и взяла его за подбородок. Они сошлись взглядами, но не в борьбе, а пристально изучая друг друга.

— Ты ведь ровесник своей матери, — сказала наконец она. — Тебе шесть миллиардов лет.

— Ну если говорить строго, то я родился в привычном смысле всего сорок три дня назад...

— Ну да, конечно, — произнесла она с сомнением. — Но тебе все равно шесть тысяч лет помноженных на миллион. Просто в голове не убирается.

— Вы же еще вернетесь? — спросил Солярис. А потом твердо и с глубоким убеждением добавил:

— Конечно вернетесь. И даже скорей чем думаете. Не пройдет и тысячи оборотов красной звезды вокруг голубой — и мы снова будем играть здесь, на этом островке.

Марат прикинул с помощью надсистемы в уме... Один такой оборот длился порядка тридцати лет. Значит, всего ничего — через тридцать тысяч лет они снова увидят эту планету с единственным разумным жителем.

— Я буду ждать вас здесь, — сказал мальчик, и указал на трехэтажное здание, их маленький дом посередине бескрайней воды, покрытый новеньким зеленым волновым железом, способным выдержать даже метеоритную атаку.

Вот только не будет здесь никаких атак — ни метеоритных, никаких вообще. С этим океаном лучше даже не пытаться такие шутки выкидывать...

— Я оставлю всё как есть, — пообещал Марат, и невольно взял Младшего за руку. Ладонка была очень маленькая, мягкая и теплая.

— Папа, — сказал Младший, глядя на Юту. — Возьми вот это.

Он разжал кулачок, и в центре ладони у него была капелька. Обычная капля воды.

Марат взглянул на жену. Та набрала воздуха в грудь, и боялась выдохнуть:

— Это...

— Везде, и в каждой капельке, — подтвердил мальчик.

— Это слишком..., - Юта чуть не закашлялась. — Это очень ценный подарок.

— Пусть он будет с тобой, — спокойно сказал Солярис. — Возьми ее, и любая вода отныне будет тебе другом и помощником.

— Любая вода..., другом и помощником, — повторила задумчиво Юта, рассматривая капельку в своей руке. Она вдруг закатала рукав, и посадила слезу Соляриса себе на плечо. Капля, загадочно сверкая, осталась там, словно прилипла к белой коже.

— Я вам расскажу что знаю, — продолжал Младший. — Вы тут не первые гости, хотя сразу двое бывает очень редко... Вам, наверно, скоро дадут статус граждан Галактики с ограничением. То есть внутри своей системы вы имеете все права, а на межзвездных, и уж

тем более галактических встречах — только как представители, и то без права голоса...

— Граждане Галактики?

— Ну да, — подтвердил мальчишка. — Я вот гражданин Галактики с неограниченными правами, и в нашей галактической системе имею неограниченные права и возможности. Ну и обязанности конечно...

— И что это значит? — спросил Марат.

— Это значит, — отвечал Солярис. — Что ваша цивилизация достигла космического уровня. То есть вы запустили в космос свой механизм, и активно осваиваете планетарную систему.

— Ну, не так уж и активно.

— У вас уже была Галактическая инспекция? — задал вопрос мальчик.

— Галактическая инспекция?

— Ну да, обычно это как минимум три представителя соседних планетарных систем со статусом галактического гражданства.

— А как это выглядит? — быстро спросила Юта.

— Обычно космический корабль, который летает по орбите вашей планеты в течении полного оборота ее вокруг звезды. Корабль видно во всех спектрах, и вообще каждый житель его видит. За это время либо вы посещаете корабль, либо вас посещают...

— Что то не припомню такого...

— Понятно, — мальчик заметно погрустнел. — Ограниченная разумность, хищническая фаза... У вас наверно еще даже единого народа нет, все разбиты условными делениями и границами...

— Ну да, государства у нас есть.

— Обычно биологические цивилизации, такие как у вас, проходят несколько мировых войн, после чего все люди объединяются, и перестают отделяться границами, но вам, видно не очень повезло... Последняя большая война была без ядерного или термоядерного оружия?

— В самом конце применили, буквально за несколько дней до окончания...

— Обычно войны с применением такого оружия заканчиваются тем, что биологические существа уничтожают своих бывших правителей, и объявляют планету единой территорией.

— После Первой Мировой в России такое было, — с улыбкой сказал Марат. — Уничтожили бывших правителей, и все было объявлено собственностью народа.

— В смысле, у вас еще собственность есть? — видно было, что Солярис взволнован.

— Ну да, и еще какая, — еще шире улыбнулся Марат.

— Какая же может быть собственность, если ничто в этом мире никому не принадлежит? Это невозможно. Это всё прошло, давным давно прошло, сотни миллионов лет назад. Как можно говорить — это мой кусок Вселенной, а это твой? Это же Вселенная, наш общий дом.

Марат с Ютой переглянулись.

— То есть, нам надо будет привести нашу планету к нормальному состоянию, чтобы не было никаких государств и собственности? — спросила Юта очень мягко.

— Не вашу, — сказал Солярис каким-то странным тоном. — Другую планету.

— Другую? — хором спросили Марат с Ютой.

— Да. Которая вам подойдет. Если ваша родная планете по истечении определенного срока, обычно это полное поколение со дня запуска первого космического аппарата — до сих пор находится в хищнической фазе... то такая планета... то есть население такой планеты... принудительно уничтожается. Целиком и полностью. Не выживет никто. Этому правилу сотни миллионов лет, и исключений здесь не бывает. Вы оба — надежда вашей цивилизации. Вы можете взять кого-то с собой, и начать все заново, но не на своей планете. На другой. Путь на свою вам будет надолго закрыт. Очень надолго. Вы потеряете свой дом, чтобы понять — это не только ваш дом. Вся Вселенная ваш дом... Наш большой общий дом...

— Портал уже открылся, — продолжил мальчик после паузы. — На втором этаже...

* * *

Это был один из немногих последних августовских дней, когда царила июльская жара. Листья на березах уже начали желтеть, но зелёные тона ещё преобладали. В воздухе теплым маревом колыхались все "плюс тридцать", ленивый ветерок едва тревожил уличную пыль. Но посвященному взгляду уже было ясно: скоро дожди, холода, промозглая осенняя сырость. Что то было в окружающем мире такое, что говорило — это последние теплые деньки.

С торца огромного торгово-развлекательного здания, из неприметной двери вышли два человека. Они держались за руки, как школьники, и только оказавшись на улице — встали как вкопанные, совершенно не шурясь смотрели на послеобеденное жаркое солнце. Так продолжалось минуту или больше. Наконец, насмотревшись на сияющий в небе шар, они сошли под защиту деревьев.

— Странно, — сказал наконец Марат. — Я всю жизнь подозревал, что наш милый раскалённый шарик в небесах до сих пор не разорвался от термоядерных реакций только благодаря тому, что там кто-то живёт и всем этим управляет. А получив подтверждение — не могу поверить.

— Меня, честно говоря, немного другое беспокоит, — сказала Юта.

— Ну, не думаю, что встреча с представителями галактического комитета через неделю на Солнце будет для нас обоих каким то серьезным испытанием...

— Нет, я не про это, — ответила жена. — Это на самом деле наименьшая наша проблема.

— Да? — удивился Марат.

Он, честно говоря, с некоторым сожалением прочитал послание из пылающих букв после их последнего Переноса.

"Ваше тестирование закончилось. Вы оба получили статусы "Гражданин Вселенной, с ограниченными правами". Для получения дальнейших инструкций и разъяснений вам обоим необходимо прибыть в течение времени, равному стандартному земному году, на объект по следующим координатам"...

Далее шли координаты.

Марат трижды проверил, раз за разом накладывая их на доступную сейчас ему сетку четырехмерной Галактической карты. Сомнений не было. В течении последующих трехсот шестидесяти пяти суток они должны посетить Солнце. Проблемы, конечно, при их возможностях, не было никакой, но маленький червячок сомнения присутствовал. Уж если разумная вода его разделявала "под орех" за секунды, то что можно ожидать от разумной плазмы?

— Да, — сказала наконец Юта. — Если Солярис не врёт, а врать он просто не может, то нам через несколько лет предстоит эвакуировать отсюда кучу народу. Ещё не факт, что они захотят эвакуироваться. Я даже думаю, что не только не захотят, но и напротив, будут готовиться к драке.

— Драке со всей Вселенной? — улыбнулся Марат.

— Да, если потребуется — со всей. Нам придется решать, кстати, на чьей мы будем стороне, — решительно произнесла Люгер.

Марат опустил голову. Он то как раз не сомневался в выборе стороны.

— Так, — сказал он наконец. — Давай об этом чуть позже подумаем, и не вдвоем, а более расширенным составом. Как решим, так и будет. Пока займёмся более насущными вещами. У нас революция на носу, а мы тут философиями занимаемся. Сначала возьмём власть, а потом всем Съездом народных и международных комиссаров думать будем. Лады?

— Хорошо, — согласилась Юта. — Пошли ребенка из садика забирать... Завтра продолжаем работать по намеченному плану.

* * *

Самое интересное, что офис, в котором до последнего времени трудился бывший оперуполномоченный Разин, находился в крыле торгового центра, управляющим в котором, в свою очередь, был Петр Межицкий, старший сын местного областного "главного коммуниста". С самого утра Марат и Юта прошли в его кабинет, легко миновав охрану и секретаршу.

Теперь, после решения задачи «первоначального накопления капитала» и проработки алгоритма «набора кадров» — им необходим был свой Смольный, штаб революции. База-пять, этот огромный спортивный комплекс — был идеален именно для подготовки кадров, но как административный управляющий штаб — никуда не годился. При этом было необходимо соблюдать «условную незаметность». Проще говоря, им необходим был громадный комплекс, желательна автономный и обжитой — с огромным количеством банальных офисов и удобными подъездами и стоянками для транспорта с любой стороны.

Директор Межицкий-младший встретил их недоуменным взглядом, испуганно поморщился и постарался прикрыться экраном монитора, словно спрятаться за ним. Это был подтянутый молодой человек, лет тридцати, но уже с легкой одуловатостью на лице. Уж кто-кто, а Марат и Юта прекрасно знали, что получил он эту должность не за какие-то выдающиеся экономические заслуги и аналитический ум. Петр Сергеевич Межицкий встал на директорство торгово-развлекательного центра с окладом более миллиона рублей — ровно через месяц после того, как его любящий родитель, главный официальный коммунист области — сдал всю информацию по Штурмгруппе, и отрекся от красных штурмовиков по всем местным телевизионным СМИ, назвав ребят троцкистами и террористами, а их методы — бандитами и недопустимыми.

— Здравствуй, Петя, — произнес Маузер, усаживаясь в кресло. Люгер осталась на ногах,

и с нарочитым вниманием стала изучать грамоты, фотографии и патенты, густо развешанные по стенам. Сидящий в кресле удивлённо оторвал взгляд от экрана своего компьютера.

— Что? Кто? — произнес он озадаченно. — А, это вы...

Хотя общались они мало, фактически и виделись то по жизни всего пару раз, но прекрасно знали друг друга.

— У нас к тебе, Петя, деловое предложение, — продолжал Марат.

— Да, слушаю, — Петр, хотя и принял «внимательный» вид, думал только о том, как побыстрее сплавить непрошенных посетителей. Он, в отличие от отца, ни в какую партию не вступал, карьеру на политическом поприще не продвигал, хотя иногда общался с представителями разных движений и течений. И вообще придерживался хоть и радикальных, но либеральных взглядов, «выборы наше всё», и главное — у кого больше денег и возможностей...

— Товарищ директор, нам потребуется освободить под нужды все правое крыло офисов, с двести первого, по четыреста тридцатый... Ну если смотреть на центр со стоянки — это правое крыло. Если из твоего кабинета — левое.

— Под нужды? — Петр даже усмехнулся.

— Да, под нужды, — спокойно подтвердил Маузер. — Еще мы берем под свою опеку твою службу безопасности и кадровый отдел. То есть ты сейчас покумекаешь своими мозгами, сам оформишь, и сам подпишешь приказ, в котором назначаешь меня, Марата Ивановича Нечаева, своим заместителем по кадровым и охранным вопросам. Зарплаты мне не надо, только статус. Далее...

— Уже совсем не интересно, — сказал Петр Сергеевич, и нажал кнопку интеркома. — Светочка, позови охрану...

— А вот мне очень даже интересно, что из этого получится, — произнесла равнодушным голосом Люгер, не отрываясь от изучения большой фотографии на стене.

Прошла минута. Потом еще одна. И еще. Никто не пытался открыть дверь в кабинет директора, а Маузер, чуть улыбаясь, смотрел на будущего «соратника».

— Светочка! — еще раз наклонился к микрофону Петр.

— Сиди спокойно, и слушай что тебе говорят, — вдруг раздался голос из динамика.

— Светочка...

— Какая я тебе «Светочка»? Ты слышал, что тебе сказали? Повторить?

— Что...

— Сиди спокойно, и слушай что тебе говорят, — зловещим голосом повторил динамик.

— По-моему, все ясно было сказано, — произнесла Люгер за плечом Петра.

Она положила ему руку на голову, и погладила, словно нерадивого маленького мальчика. Потом остановила ладонь на затылке, и резким движением ударила «товарища директора» лицом об стол. В свое время она очень долго училась этому приему, и теперь могла, положив руку человеку на голову, стукнуть кого угодно обо что угодно, причем из любого положения.

— Тебе что не понятно, а? — спросила она повышенным тоном, и повторила процедуру еще раз. — Повтори, что тебе сказали!

— Сидеть спокойно..., и слушать что говорят..., - Петр был сломлен, он беспомощно попытался противостоять силе, которая заставляла его лоб соприкасаться со столешницей, но это было бесполезно.

— Оставь его, — сказал Марат. — Слушай и запоминай. Крепко запоминай, Петр Сергеевич. Всеми правдами и неправдами ты освободишь нужное нам крыло, включая подвалы. Это раз. Составишь и подпишешь приказ, в котором даешь мне полномочия замдиректора. Это два. Все последующие указания ты будешь исполнять четко, точно и без сопровождающих вопросов. Это три. Мне еще раз повторить? — спросил Маузер.

— Да понял я, понял..., - задумано отозвался Межицкий-младший.

— Прекрасно, — Марат встал, открыл дверь в предбанник, и произнес:

— Светочка, организуй нам кофе, пять порций, и вызови начальника отдела кадров и начальника охраны. Хорошо?

— А мы пока дальше поговорим, — сказал Маузер, закрывая дверь.

— Далее, Петя, я буду рассказывать что знаю, а ты меня поправлять, где я ошибаюсь... Итак, тебя сюда, на отличную зарплату, кроме папаши устраивал человек с веселой фамилией, некто Адский, уроженец солнечной Грузии, бывший полковник Советской армии, хороший друг твоего отца. Так?

— Так, — подтвердил Петр.

— Гражданин Адский, в свою очередь, связан с грузинской мафией, и опальными либеральными политиками из Москвы. Так?

Дождавшись ещё одного подтверждения, Маузер продолжал:

— Нам необходимо будет встретиться с этим господином, а так же его друзьями и покровителями, посмотреть на них внимательно. Я так понимаю, твой центр только часть торговой империи, база которой в Москве, и управление все там же. Так? И если это так, надо бы одного, только теперь нашего человечка продвинуть к ним, то есть к вам — в партнёры...

— Они торговый центр построили, в Москве, а он на десять процентов не заполнился, пустует сейчас, — сказал Межицкий.

— Ну вот видишь как все хорошо складывается, — удовлетворённо сказал Марат. — И мы его купим. Как, говоришь, этот центр называется?

— Полесье, — отозвался директор.

В этот момент дверь в кабинет открылась, и на пороге оказались два человека, высокая красивая женщина, и крупный, плотный мужчина.

— Доброе утро, Петр Сергеевич, — произнесла женщина. — Звали?

— Звали, — подтвердил Марат. А потом добавил: — Привет, Ирина.

— Здравствуйте, Марат Иванович, — отозвалась женщина с улыбкой.

Марат меж тем здоровался с начальником охраны:

— Здрав будь, Андрей. Потолстел то как, ужас. Тебе в наш спортцентр надо заскочить, и это не просьба, и совсем не шутка.

— Приветствую, Марат, — сдержанно отозвался тот. — Понял. Заскочу.

— Ну что, товарищи, я теперь у вас вроде как начальник, правильно, Петр Сергеевич?

Тот согласно кивнул, у него, честно говоря, от происходящих событий уже голова шла кругом. Он даже не хотел спрашивать, как и откуда его подчиненные так хорошо знают "товарища Террориста".

— Так что я сразу к делу. Присаживаемся...

Все, включая Юту, расположились на креслах, вокруг стола, отчего стали похожи на самых настоящих заговорщиков. Хотя, скорее всего, так оно и было, подумал Межицкий. Эти ребята наверняка тянут его в какую-то темную и опасную аферу.

— С этого дня товарищ Ирина начнет набирать персонал по анкетам, в которую добавлен пункт "политические взгляды". Надеюсь, не надо объяснять, что в приоритете у нас сотрудники социалистических и коммунистических убеждений. Это задание тебе, товарищ Овод, и исполняться оно должно в точности, без всяких шероховатостей.

Марат на секунду остановился, чтобы сказанное дошло до присутствующих, и продолжил дальше.

— И с этого же дня, товарищ Андрей, ты как начальник безопасности, должен обеспечить безопасность центра на крайне высоком уровне. Никаких проверок, никаких инспекций, тем более случайных. Все на необычайно высоком уровне, чтобы даже придраться не к чему. То есть если в углу должен быть огнетушитель, то он там должен стоять, даже не один, а парочка, самой последней и дорогой модели. Никаких случайностей, товарищ Магнум. У тебя будет собственный резервный наличный фонд, и дополнительные люди на балансе, но вне штата. Это понятно?

— Так точно, — отрапортовал начальник охраны.

В кабинет зашла секретарша и поставила поднос с кофе на край стола. Замерла, ожидая дальнейших распоряжений.

— Свободна, — сказала Люгер, и Светочка испарилась.

— Так, теперь на счет резервного фонда, — сказал Марат, и для проформы покопавшись за пазухой, вытащил оттуда толстенный пакет.

— Здесь пока миллион, потом будет больше. Набирать людей в том числе за штат, но никто не должен ничего знать и понимать, просто внедряйте новые должности, и всё. Тем более люди у вас работать будут фактически фиктивно. Вопросы есть? — спросил он голосом красноармейца Сухова. И ответил, сам себе, тоже как по фильму:

— Вопросов нет. И на этом у меня все, приступаем к выполнению поставленных задач.

Как только все покинули кабинет Межицкого, сам Петр Сергеевич, дрожа губами, бросился к мобильному телефону. О, он то прекрасно знает кому надо позвонить, и что сказать. Это ни в какие ворота не лезет. Рейдерский захват за десять минут. Вот твари, погодите еще у меня, граждане революционеры, диктаторы хреновы...

Трубка сначала отозвалась гудками, а потом серьезный голос произнес:

— Слушаю...

— Слушай, — торопливо забубнил в динамик Межицкий. — Слушай внимательно, пап. Не говори ничего, не перебивай. В общем, у меня только что была наша психованная парочка. Маузер и Люгер. Да, точно они. Вышли из подполья, твари. Они тут такое устроили, ты не поверишь...

— Слушай, Петя, — вдруг прервал его трубка, и директор похолодел от ужаса. Он уже слышал сегодня этот грубый зловецкий голос. — Тебе что сказали делать? Тебе сказано было сидеть тихо, слушать что говорят, и выполнять, не задавая лишних вопросов.

— Что это... я с кем разговариваю? — если бы не крепкое сердце, с Петром сейчас бы случился натуральный инфаркт.

— С кем надо, с тем и разговариваешь, — зло прогавкал голос в трубке. — Еще одна ошибка, Петя, и тебя не найдут, понимаешь? Никогда не найдут, ты понимаешь? Петя, ты меня слушаешь? Слушаешь? — злобно гудело в динамике.

— Слушаю, да... слушаю, — пролепетал тот.

— Ты не тех людей боишься, Петя. Понял? — сказали ему громко и четко. — А теперь вешай трубу, и не звони по этому номеру больше никогда, поганец...

— ...мелкий, — закончила Юта фразу.

По виду она разговаривала сама с собой, и Марат ждал, пока она закончит. Выглядело это со стороны очень забавно, но это только со стороны, если не знать всей трагичности вопроса.

— Вот ведь поганец, — в сердцах высказалась жена. — Сразу звонить побежал. Ну хоть бы минуту головой подумал. Что он нам может предъявить? Он вообще понимает, что даже докажи он факт угроз с насилием, два наших голоса против его одного — ну и что? Даже если по самому максимуму нам обоим два года дали — он что, думает, что мы через два года с извинениями к нему придем, любовь и секс втроем предложим темным вечером, да на узкой улочке? Кошмар какой, вообще инстинкт самосохранения отсутствует...

— Да ладно, Ют, он небось первый раз с таким сталкивается, не сработала соображалка сразу, бывает и такое.

— Так, сейчас по службам разбредемся?

— Да, давай как и намечали. Ты к полицаям, вызовешь там рыжего, не помню как зовут, ну... который по всем мероприятиям шарится... А я старого нашего знакомца из ФСБ найду, предложу ему помощь, и соответствующую подработку. Через четыре часа встречаемся на Базе-пять.

Марат не поехал на транспорте, а пошел пешком. Он вообще то очень любил ходить пешком. До здания ФСБ, которое располагалось в центре города, было более получаса ходьбы. Есть время обдумать разговор. Одно дело напугать неопытного директора торгового центра. Совсем другое дело — специалист спецслужбы, мастер вербовок и внедрений в различные организации. Такого, во-первых, очень сложно напугать, а во-вторых — никогда не знаешь, что у него на уме. Он, как Петя Межицкий, сразу никому звонить не будет. Он думать будет, причем очень долго, изматывая противника ожиданием. А война... на войне выигрывает тот, кто противника передумает, как сказал старшина Васков, Федор Евграфыч.

У входа в желтое здание за высоким забором примостился полицейский "катафалк". Что само по себе было необычно, и означало что внутри что-то произошло. Марат замедлил шаг. Из здания, в сопровождении трёх сотрудников в форме, вывели Вальтера. Тот был спокоен и выглядел даже слегка вызывающе, хотя и был в наручниках. Скользнув взглядом по Маузеру, Вальтер никоим образом не выдал, что узнал его. Просто прохожий, один из...

Ну, конечно, подумал Марат, все сразу и гладко не бывает никогда.

Понятно, что сейчас ни о каких переговорах не может идти речи. Ну почему все такие несдержанные, нетерпеливые, резкие? Хочешь ведь по хорошему, а в итоге опять как всегда. Нет, мало кто из людей ценит хорошее к ним отношение.

Ну надо же, не «бобик» прислали, а целый грузовой «катафалк», с сопровождением, усмехнулся Маузер. Помнят. Уважают. Понимают. Но не боятся.

Пока не боятся.

Ладно, Вальтер, ты сам, главное, не бойсь. Сейчас товарищ Маузер разберётся с твоей проблемой, вечером спокойно выйдешь, и получишь заслуженный нагоняй, настоящую «ататашку» за то что вместо вербовки и хороших взаимоотношений — и сам завалился, и людей сильно напряг. Небось пришел фон-бароном, деньги куратору хорошо бы не в лицо бросил, вот гадство, ведь самое последнее дело — пытаться человека унижить деньгами.

Марат зашёл в кафе, заказал кофе, кусочек пирога, положил перед собой раскрытую тетрадь, и претворился, что углубился в записи. Великовозрастный студент, что такого? Сосредоточившись, он стал лепить из себя энергетический контур. Трудно назвать это контуром, тем более энергетическим... Но пусть будет так.

Он сейчас был похож на специалиста, который еще только осваивается с новой техникой. Как обычный водитель, он узнавал все больше и больше о возможностях машины, которая оказалась в его распоряжении. Или как токарь, которому достался новейший токарный автомат — смотрит, на что способен этот станок, какие возможности у него имеются, и как их применяют, что для этого нужно нажать, какую программу задать и какие резцы использовать.

Вот и сейчас, после некоторых усилий — туманная дымка, состоящая из двухсот килограмм нейтронной пыли отделилась от него, и поплыла по направлению к жёлтому зданию спецслужбы. Этой дымке все было нипочём — даже если бы впереди были огонь, вода, сталь, бетон — она бы все легко преодолела. А сейчас просто повисла невидимым облаком в здании. Где у нас тут "специалист по вербовке среди оппозиции"? Здесь он, здесь, в окружении коллег, в своем кабинете. Все довольны, как слоны на водопое.

Ладно, подождем чуть-чуть, и начнем...

Кирюшкин Алексей Васильевич, которого сослуживцы называли просто «Киря», был несомненно доволен собой. Сегодня, считай, закрыто дело, которое давно стоило закрыть. Нет больше внештатного сотрудника по кличке Вальтер. Как и не было никогда. За последние три года вообще ни разу не принес что-то стоящее, бесполезная трата времени, сил и денег...

Ну ведь какая наглость, его снабдили спецоборудованием, которое не смотря на свои скромные размеры стоило почти тысячу долларов. А он, видите ли, его уничтожил. Ладно бы жучок был штатный. Но ведь пришлось его брать взаймы, с условием обязательно отдать, и обещал отдать, аргументируя "что ему сделается, он в воде не тонет, в огне не горит". Да ладно бы только это! За отказ сотрудничества с завербованным знаете что полагается? В особо тяжёлых случаях со звездой на погонах можно попроситься, а уж с теплым местом — тем более. Одно радуется, придурок вытаскивал деньги и пытался его подкупить. Представляете? Его, Кирю, единственного спеца без малейшего провала — пытались подкупить сотней тысяч драных рублей! Уму непостижимо.

Алексей Васильевич остался наконец в кабинете один. Сейчас надо ковать железо пока горячо. Рапорт, сделать копию видеозаписи, это самое первое. Ему показалось, что на затылок бесшумно села муха. Киря отмахнулся, но ощущение не исчезло. Наоборот, усилилось, не муха даже, а целый паук-птицеяд, размером с ладонь взрослого человека.

— Что за..., - сказал Алексей последние человеческие слова в своей жизни, а потом мерзко захихикал.

Марат изучал свою тетрадь ещё минут десять, автоматически пил кофе, жевал пирожок. Потом с улыбкой поднялся из-за стола.

— Счёт, — попросил он коротко. Уже на улице позволил себе рассмеяться. Эх, такие бы возможности ему десять лет назад... Сейчас бы тут дороги были лучше чем в Германии... Хотя бы десятую часть, да вот только единственное умение делать нейтронные энергетические контуры.

Когда он брал этого "Кирю" под контроль, то первым делом отключил ему мозг, и пять минут покумекал что к чему. Хотелось бы, конечно, чтобы этот человек, прямо и косвенно отправивший в тюрьму и на тот свет множество хороших ребят, при попытке говорить испытывал бы неконтролируемую ярость. Но это оказалось сложно, нужно было очень тонко отрегулировать обе височные миндалины, гипофиз, надпочечники и ещё много чего поменьше. Это было долго и муторно, поэтому Марат просто замкнул речевые центры на коре мозга на гипофиз, а именно на центры, вызывающие неконтролируемый смех. Теперь любая попытка сказать и даже прошептать хоть слово заканчивалась хихиканьем, простая фраза превращалась в смех, а крик — в хохот.

Потом Марат распределил "энергетический контур" по телу подполковника, нашел ножницы, и вышел в коридор. Киря, конечно, доблестно сопротивлялся, смеялся и хохотал так, что самому Марату было не по себе. Напрягал или расслаблял тело, но куда стандартному человеческому организму сопротивляться самому настоящему терминатору, внедренному в него?

Конечно, можно было положить там всех, до единого. Просто ножницами, не взирая даже на пули, шокеры и газ. Но зачем? Это же ЧП мирового масштаба, завтра все лучшие спецы будут у нас... Поэтому никто не умер, хотя увечья получили многие... более чем серьезные. Некоторые поведут в больницы и клиниках не один месяц. Работа, которую они ведут — будет стоять. Даже лучше — часть обязанностей переложат на других, и что из

этого получится — ещё неизвестно.

Раньше, чтобы провести такую операцию по саботажу госслужбы, и при этом не пострадать самим — требовались месяцы работы и подготовки. Сейчас — все заняло едва ли больше часа. Ещё Марат не понимал, почему методику саботажей так не любят почти все оппозиционеры? Это же чуть ли не самое важное — уметь сравить службы и спецслужбы противника. Сравить до кровавых соплей, чтобы клочки по закоулочкам. Но нет, мы нашими мелкими силенками выйдем на честный бой. Мы же все как один, дартаньян на дартаньяне, дартаньяном погоняет... нам положить всю гвардию кардинала, армию короля, жандармерию премьер-министра — это раз плюнуть. Главное свои права знать, развернуть плакаты и погромче заорать. И они, наверно, разбегутся. Сегодня не разбежались, но уж завтра — наверняка...

На самом деле это — война. Ты противопоставляешь себя и свои скромные силы огромной военной машине, людям в погонах и с оружием в руках, с огромными ресурсами и колоссальным количеством техники. Да, здесь не летают ракеты и не режут танки, но принципы — те же самые. Если ты можешь, да не просто можешь, а у тебя есть рабочая методика, которая заставляет батареи противника бить по своим же танкам и пехоте — ты обязан ее использовать. Если у тебя была такая возможность, и ты ее не использовал, ты кто после этого? По закону военного времени?

Как минимум — придурок...

* * *

Прямо из кафе Марат направился к знакомому адвокату. Звали его Северин Александр Геннадьевич, был он высок, бородач и могуч, известен в городе тем, что однажды зимой(!) с группой сотоварищей рванул на снегоходах на Северный Полюс. И они, всем составом, как ни странно, доехали туда. Ещё он был членом всероссийской коллегии адвокатов, лауреатом множества званий и дипломов, клиентуру имел самую богатую, и вообще одно время напрямую работал личным защитником местного долларового миллиардера. Того самого, которому принадлежала крупная сеть разнообразнейших магазинов и крылатая фраза о том, что «человек перестает быть нищеводом после второй сотни миллионов долларов».

Марат, конечно же, знал их обоих лично, и составил мнение, что миллиардер мужиком был крайне жёстким, и кое-где даже честным, по мелочи в основном. Лет десять назад, мечтая о памятнике в честь собственной персоны в родном городе, миллиардер влетел в политику, стал депутатом, и замахнулся на святая-святых, то есть на губернатора, "заместителя царя" в отдельно взятой регионе. При этом публично поклялся, что половину своего состояния вложил в инфраструктуру, и другие добрые дела. Власть, смекнув, что человек отнюдь не шутит, и поняв, что после таких вливаний и при должном управлении область запросто может превратиться в большую Швейцарию, миллиардера зарубила начисто, заставив бросить и политику, и город, и сеть магазинов, и страну. Однако тот, в силу характера и врождённой жесткости, довольно долго сопротивлялся, и правой рукой, опорной ногой и главнокомандующим "сопротивления" был никто иной как Северин.

Сопротивлялись они довольно долго, но, естественно, безуспешно. Да и какая может быть «победа», если ты безвылазно сидишь в глухой обороне?

Двухэтажное здание силикатного кирпича, которое полностью занимала адвокатская контора Северина, находилось в центре города, напротив областной прокуратуры, слева суд, сзади — отдел полиции, и двести метров от кафе, в котором сидел Марат. По дороге он набрал второй номер Вальтера и отправил сообщение со знаком вопроса. В ответ пришел

грустный смайлик. Но это значит второй телефон у Вальтера все таки не нашли, и не изъяли. Хорошо. Марат отправил следующее сообщение: "Ланистеру ничего не давал. И вообще Ланистер меня обижал, смеялся как креси, и обещал ножницами порезать. Так и говорить. Смеялся. Ножницами. Ус? Зима близко."

«Зима близко» — эта довольно редкое сообщение Марат посылал задержанному, если в дело должен был вмешаться адвокат.

Ответ пришел через минуту. Одна буква "у". Значит — "усёк", понял. В том, что Вальтер стёр все сообщения как только прочитал — Маузер даже не сомневался.

Марат, по старой привычке, вошёл в здание и напрямик направился к "боссу". Секретарша, видимо из новеньких, привстала на кресле и попыталась что-то сказать. Маузер убрал руку с ручки двери, повернулся, посмотрел на девчонку. Обычная самочка, ничего особенного. Он приложил палец к губам и сказал:

— Тссс...

Девчонка почему то побелела лицом, расширила глаза, плюхнулась обратно. Только после этого Марат прошел в кабинет.

Северин, сидевший за огромным дубовым столом, заваленном бумагами, поднял в недоумении и удивлении глаза, а потом вскочил и сам.

— Товарищ Террорист! Сколько лет, сколько зим! Рад! По настоящему рад. Вот уж не думал.

— Здравствуйте, Александр... эмм... Геннадьевич, — поздоровался Марат. — А я по делу...

— А кто бы сомневался? — рокотал жизнерадостно здоровяк. — И дело должно быть очень серьезное. Сам то как? Революцию когда намечаете?

— Ну, прямо сейчас точную дату не назову, но к весне, скорее всего, определимся, — совершенно честно ответил Маузер.

— Прекрасно, — со смехом отозвался Северин. — А моя задача на текущий момент какая?

— Одного из наших бойцов схватили и держат сейчас в здании, которое фактически примыкает к вашему, — улыбнулся Марат. Ему крайне нравилась манера Северина без лишних слов брать «быка за рога». — Надо его вытащить. Вменяют ему скорее всего попытку подкупа должностного лица. А именно — подполковника ФСБ Кирюшкина Алексея Васильевича. Записывать не надо. Запоминайте.

— А я ничего и не записываю. Пока просто внимательно слушаю, — отвечал адвокат.

— Бойца зовут Лебедев Никанор, запомнить легко. Теперь самое важное — у него статус сотрудника, хотя и внештатного. И сегодня он этот статус потерял, по собственной воле. А это для такой службы, сам понимаешь, что это означает...

— Да, понимаю, — сказал Северин.

— Так, теперь по финансам, — Марат покопался за пазухой, и вытащил очередной плотный и толстый конверт. — Я ваших расценок не знаю, и как вы действовать будете — знать не хочу. Если потребуется, что угодно — вызов экспертов, журналистов, охраны — все берёте из этого конверта. Свою оплату тоже. Как только конверт кончится, посылаешь на мой номер коротенькое сообщение, из двух слов, с любого номера. Эти слова «Северный полюс». Запоминайте, два раза повторять не буду. Эти слова будут сопровождать, кстати, наши последующие поручения. То есть если вы получаете сообщение, которое начинается «Северный полюс» — то вы понимаете от кого они, и действуете. Причем немедленно,

никаких проволочек...

— Северный полюс. Конечно, запомню, — Северин посмотрел внутрь конверта, и брови его недоуменно встали «домиком».

— Дальше. Ваша задача проста, как всегда. То есть защищаем закон, и действуем строго в его рамках. Ситуация на самом деле такова, внимательно слушай... Куратор Лебедева Никанора, некто подполковник Кирюшкин, на самом деле сошел с ума, и сегодня действовал в состоянии, близком к буйному помешательству. То есть он оклеветал своего внештатного сотрудника, подставил его, угрожал, в том числе с применением ножиц. И постоянно смеялся. Вполне допустимо, что сотрудник ФСБ Кирюшкин действительно сошел с ума, и может быть опасен для общества, и даже своих сослуживцев. Здесь необходимо как минимум обследование. Лебедев Никанор тут совершенно ни при чем, и он это готов подтвердить. Он, скорее всего — просто жертва маньяка в погонах. Вот это и надо обсудить с точки зрения закона.

— Откуда у вас..., - протяжно начал Северин.

— Это абсолютно неважно. Важно то, что скажет закон, посмотрев на эту ситуацию. Вот и всё. Никанор извещен что вы придете, и ждет вас.

— Прямо сейчас? — жестко спросил Северин.

— Прямо сейчас, — так же жестко ответил Маузер, спокойно выдерживая взгляд адвоката. — В ста метрах за вашей спиной. Самостоятельно сможете одеться, или вам помочь?

— Это будет двойной тариф.

— Да, конечно, без вопросов.

— Тогда я собираюсь? — спросил Северин.

— Да, собирайтесь. А я пойду, у меня дел полно, — ответил Марат.

Северин меж тем поднялся с кресла, подошел к шифоньеру, и скинул легкие сандалии, в которых работал в своем офисе. Достал лакированные черные ботинки...

— Как там, кстати, товарищ Люгер? — спросил он не поворачиваясь. Ответа не последовало.

Когда он обернулся, то никого в кресле для посетителей не было. Александр Геннадьевич подошел к двери в кабинет, открыл ее с легким характерным щелчком. В коридоре товарища Террориста тоже не было. Северин хмыкнул, еще раз открыл и закрыл дверь, стараясь делать это очень аккуратно. Каждый раз такое движение сопровождалось щелчком. Но минуту назад она не щелкнула...

— Террорист, блин. Ниндзя краснопузый, — беззлобно выругался Северин, и вышел из кабинета.

Генерал-майор Попов, начальник областного отдела ФСБ смотрел на экран монитора и не совсем верил своим глазам.

— Голубчик, — спросил он своего заместителя, полковника Летицкого. — Он что, прямо к моему кабинету шел?

— Так точно, прямехонько, — отвечал насупленный полковник. — Едва скрутили, восьмером, да после шокера и нескольких очень сильных ударов в голову...

Полковник непроизвольно подул на костяшки своего кулака. А на экране творилось что-то похожее на плохой фильм ужасов. Вот из кабинета подполковника Кирюшкина выползает нечто. Оно очень похоже на «Кирию», но двигается слишком резкими и дерганными движениями, и еще непрерывно хохочет — звук в видеозаписи тоже присутствовал. В руке зажаты ножницы, обычные канцелярские ножницы, хорошего качества, пакистанского изготовления. Существо видит первую жертву и бросается к ней, ударяет плечом, вложив в удар всю массу тела, заставляя человека ударится головой об стену и потерять сознание. Потом существо наклоняется, и что-то делает.

— Что, реально вырезал обе щеки? — спросил генерал.

— Ужасное зрелище, — подтвердил полковник. Они смотрели видео уже третий раз за последние два часа. Все здание гудело, скорые выезжали одна за другой, с черного хода, с погашенными мигалками.

Меж тем на экране монитора существо с ножницами нашло себе новую жертву.

— Ладонь разрезал, между большим и указательным, до запястья, все сухожилия перерезаны...

— Да знаю я, знаю, — вскричал генерал, а потом добавил, гораздо спокойнее, все таки пришло время принимать хоть какие-то решения:

— Как думаешь, Михаил Степаныч, замнем?

— Трудновато будет, все же восемь тяжело порезано, и ещё пятеро, можно сказать, царапинами отделались, но тоже неприятно.

Генерал постучал указательным пальцем по столу:

— Вот что, голубчик, найди как мне за последние полгода все случаи нападения сотрудников друг на друга, по всей стране. Насколько мне известно, наши ножницы — это цветочки. Тут недавно из табельного несколько трупов получилось, а у нас ни одного двухсотого. Всегда стреляли, рубили, кромсали, с ума сходили, даже с автоматами по этажам бегали — работа у нас такая. При таком напряжении — малейший срыв, и всё, слетел с катушек...

Марат, наблюдая эту сцену, задумался. Генерал то прав, в верном направлении соображает. Как ни крути, хоть и без единого летального исхода — а все равно ЧП российского масштаба. Тут еще полгода теперь крутятся всякие комиссии будут. А вот если, реально, в парочке соседних областей примерно такое уже было, но с трупами — то... пожалуй... всё вообще может обойтись внутренней проверкой. Умен генерал, опытен, трусоват — но разумен. Это хорошо, это просто замечательно.

А вот мы тебе и поможем, генерал Попов. Не беспокойся. Будут тебе нападения сотрудников на сотрудников, в скором времени, через сутки уже, да где-нибудь подальше, чтобы даже связь не могли углядеть. С двухсотыми, случайными гражданскими жертвами,

корреспондентами и применением автоматического оружия.

— Вот что, Степаныч, — меж тем продолжал генерал. — Ты давай тут демагогию не разводи, действуй. Всех пострадавших проведай, всем пообещай, убеди, доведи до ума-разума, что несчастный случай, производственная травма, все что полагается — будет положено, а если рот широко не разевать — будет ещё больше.

— Этого хохотуна с ножницами — запереть на веки вечные, — продолжал генерал. — Выжать все что можно, проанализировать, доклад мне на стол — и забыть. Вот оно как то так должно быть, понимаешь, Степаныч?

— Понимаю, — отозвался полковник.

— Ну а раз понимаешь, то приступай исполнению.

— Слушаюсь, — полковник уже развернулся, как за пазухой у него зазвонил телефон. Михаил Степанович приник к трубке, и стал внимательно слушать, только иногда подбадривая собеседника, спрашивая следующее:

— И?

Выслушав до конца, полковник снова развернулся к генералу:

— Тут такое дело, Кирюшкин сегодня одного своего осведомителя «уволит», тот от сотрудничества отказался, и даже пытался откупиться. А может и подкупить.

— И? — спросил теперь уже генерал.

— Звонят из центрального отдела «увэдэ», там его первично опрашивают, так вот он заявляет, что денег никаких не давал, ни от чего не отказывался, подполковник Кирюшкин с утра был сам не свой, много смеялся и угрожал ножницами, постоянно.

Генерал крикнул, как самый настоящий селезень.

— Вот только этого нам сейчас не хватало...

— Там сейчас адвокат нашего задержанного трётся, требует допустить к материалам...

— Так, — рявкнул генерал. — Посылай туда немедленно майора Хотенко, с полномочиями. С задержанным провести беседу, напугать, и пусть шлёпает на все четыре стороны, обязательно подсказать ему что с ним будет, если он только вякнет... Все материалы изъять, опечатать под гриф, спрятать до времени.

— Этот задержанный, по кличке Вальтер, он из Штурмгруппы Маузера, — сказал полковник.

— Ну и что? — не понял генерал.

— Он не испугается. Они вообще ничего не боятся, а при опасности атакуют, правила у них такие. Вы просто тут недавно, всего не знаете, — пояснил полковник. — Самого Маузера видели сегодня на камерах около нашего здания. Он и адвоката, я думаю, своему дружку обеспечил, да и адвокат этот, ого-го, сам Северин, та ещё птица... Может, убрать этого Вальтера, да поглубже?

— О боже, — сказал Попов. — Вальтеры, Маузеры, штурмгруппы, адвокаты, сумасшедшие в коридорах с ножницами. Куда я попал! Конечно. А как же иначе? — в голосе генерала звучала и язвительность и издевка. — И Вальтера убрать, и адвоката его убрать. И Маузера этого, а также их родителей и всех друзей-знакомых. Кого еще прикажешь убрать? Полковник, запомни, агрессивные особи долго не живут. Просто не пугайте, не создавайте ему опасности, а объясните, по-человечески. Выполняйте, мне ещё надо думать, кому в Москву звонить в первую очередь, и что говорить, и каким тоном...

Генерал не мог даже и предположить что своими словами спас жизнь не только себе, но и десяткам других людей в этом здании. Марат сам для себя решил — никто больше не

посмеет трогать его людей. Никто и ни при каких обстоятельствах. А если тронет — то пеняйте на себя, братцы...

База-5

* * *

Марат ехал на маршрутке, и думал, что день прошел не так уж плохо.

И с чего вообще он решил, что надо идти на контакт с шестёрками, с этими майорами и полковниками? На фига? Зачем?

Они же подневольные, им что прикажут — то и сделают. Было же уже сто раз оговорено и обдумано: для этих ребят три пути, три степени "свободы". Первый — добровольно и пусть даже тайно помогают. Второй — пусть боятся до мокрых штанишек, то есть не помогая — пусть просто не мешают. Третий — приказывать им. С самого верха. То есть если и брать в оборот — то вот этого генерала! Он же не по личным заслугам сюда выбился, не за храбрость на поле боя, а скорее всего наоборот — это слабый и беспомощный человек, трусоватый подхалим, просто виртуозно умеющий подложить соломки, да лизнуть нужное место.

Это с виду он весь такой деятельный и грозный, пока чувствует за собой силу... И как только он почувствует себя опять простым, маленьким человечком, ничтожным винтиком системы, который запросто можно выбросить на обочину, как только он понимает, что сила теперь сконцентрирована совсем в другом месте, совсем у других людей — эти люди меняются очень быстро, одним днём.

Марат оставил своего энергетического нейтронного двойника там же, в кабинете генерала, на потолке. А что? С него не убудет. Можно, наверно, представить удивление генерал-майора Попова, если бы он узнал, что вот это слегка темное пятно на побелке его потолка представляет из себя двести килограмм нейтронной материи с отрицательной массой, способной всегда спрыгнуть сверху в образе терминатора-приведения, и взять полностью под контроль и его самого, и вообще любого человека, уничтожить всех и всё в этом здании.

Самое интересное, что в принципе, вполне реально устроить так, чтобы иметь возможность и контролировать, и напрямую отдавать приказы. У него, у Марата, сейчас на руках технологии далёкого будущего. Он может любой предмет изменить в объеме и весе. Может копировать все что угодно без всяких редупликаторов. Может из собачьей конуры сделать дворец на несколько гектар, а то и пять квадратных километров жилой площади, без всяких "чудо-палаток".

Может... А вот между звёзд быстро путешествовать не может. Именно быстро, по крайней мере. Жаль, конечно, но проверка показала, что при путешествии в якобы "пустом" межзвездном пространстве, уже при скорости света — поток атомов водорода, бьющий навстречу, приближается к плотности атмосферного воздуха. При скорости, которую можно назвать скоростью "Пи", то есть 3.14 от световой, почти миллион километров в секунду, встречный водород приобретает свойства... раскаленного металла. Да, черт побери, самого настоящего расплавленного железа. Не пытались через такую штуку пролететь, на самолёте, например? Ну тогда вся полнота острых ощущений перед смертью вам обеспечена.

Так что зря он выпендривался перед Ютой, что всю Галактику может облететь, да за один день... До Альфы Центавра, если туда и обратно, и на предельной пи-скорости — за три года. Три долбанных года. И это — только для него, а сколько пройдет времени на Земле? Двести лет — услужливо подсказала надсистема. Вот тебе и межзвёздный корабль. В

лучшем случае — спасательный плот, и то, с натяжкой. Юта, кстати, уже приготовившаяся повидать в выходные хотя бы десяток ближайших звездных систем, была тоже крайне разочарована...

Хорошо, об этом после, вернёмся к нашим баранам, которые ходят в форме и обладают правом ношения оружия.

Что если товарищам майорам и полковникам вмонтировать следящие устройства? Да не одно, а парочку, для стабильного сигнала и исключения двойной игры. За ухо, скажем, очень чувствительный микрофон, с мощным передатчиком и безразмерным зарядом батареи. Юта говорила, кажется, что ее способности сейчас таковы, что она в один аккумулятор может целый ДнепроГЭС запихнуть. Конечно, такой заряд не нужен, а вот чтобы на сотню лет непрерывной работы хватило — это необходимо.

Второй "жучок" вмонтировать-ввинтить прямо в бровь, в лобную кость. Этот уже посерьёзнее будет, туда нужно будет и микрофон запихнуть, и камеру, и динамик, и несколько датчиков, температуры там, сахар и алкоголь в крови. И заряд взрывчатки, граммов двадцать, больше не надо, чтоб и рядом никого особо не задело, но чтоб и зрелище было... назидательное. Прямо запихнуть всё это дело в стальную трубу, впереди поставить выдвижную зенкерную коронку на небольшом электродвигателе, чтобы если вдруг кожей зарастёт, или грязью забьется — пошел сигнал, и снова все видно...

Потом он этот агрегат уменьшит в размерах — тоньше комариного пукового отверстия. Моральная сторона вопроса его интересовала настолько мало, что можно сказать — не интересовала совсем. Да и какая "моральная сторона"?

Марат настолько привык к слежкам, прослушкам, к тому, что телефон в кармане каждого — это никогда не спящий круглосуточный шпион... его зрение автоматически фиксировало камеры на улице, в помещениях, даже в этом автобусе, в котором он сейчас ехал. Это произошло быстро и незаметно, все вдруг внезапно привыкли, что за ними следят, и не придают этому никакого внимания и значения, просто понимая, что каждый, буквально каждый шаг человека можно отследить. Сейчас при большом желании можно и со спутника за любым следить, и даже в лесах камеры не редкость... Так что не надо тут задвигать про моральную сторону, любое государство четко и пристально следит за своим населением. Только вот кто будет следить за самим государством?

Примерно с такими мыслями Марат вышел на нужной остановке, и направился на "Базу-5". Это был огромный спортивный комплекс, на два зала, с кучей раздевалок, подсобных помещений, тренерских, туалетов и душевых, и даже с учебным классом. Заведовал там товарищ Тренер, коммунист, который пять лет назад, приехав из очередной горячей точки — взял всю эту "разваливающуюся красоту" у города в концессию, то есть безвозмездную аренду. С тех пор в этот центр он вкладывал сотни тысяч денег, проводил ремонты, косметические и капитальные, попутно обучая прорву детей борьбе, боксу и стрельбе, ночуя там за сторожа, окашивая летом и раскидывая снег зимой по ночам — за дворника.

Но центр потихоньку загибался. Ни даже со своей пятёркой, ни тем более одному такие дела не по силам. Здесь нужно было государственное плечо, но сейчас государство было занято только получением максимальной прибыли с чего угодно. Пусть все развалится, но деньги должны идти в казну, иначе государственные деятели должны будут думать, как и почему их собственные зарплаты уменьшились. Сам про себя товарищ Тренер шутил что работает триста шестьдесят пять дней в году, по двадцать четыре часа в сутки, а зарплату ни

разу за пять лет так и не получил...

Тут, как обычно, кипела жизнь. Тренер гонял по залу бокса школьников, бойцы собирались в тире.

Люгер тоже была здесь, и по ее взгляду Марат понял — у нее все получилось, но стрелять из пушки по воробьям она не привыкла. Он как воочию увидел, как она входит в здание полиции, находит нужного человека и за десять минут "окучивает" его до состояния полной покорности. Выходит обратно, понимая, что даже эти десять минут потрачены, в принципе, зря... что она просто движением мысли, слабым усилием может выжечь калёным железом в этом здании всех полицаев как тараканов. Это раньше считалось подвигом и невероятным достижением: обработать сотрудника до такого состояния, что он увольнялся из органов и становился лидером какой-нибудь экстремальной националистической или анархической ячейки. Как она это делала — Марат вообще сначала не понимал. Просто встречалась с человеком — раз, два, три... На улице, или на митинге, на задержании. Никакого соблазна, и уж тем более секса. Но человек внезапно словно прозревал, словно совершенно другими глазами начинал смотреть на мир, словно вспоминал, рядом с этой девочкой — что это он прирожденный боец, надёжный защитник, а не она... И человек в органах начинал работать против системы.

Система такого обычно не прощала.

Само помещение тира было менее обжитым, чем зал бокса. Там — груши, ринг, везде новая краска. А здесь всегда влажно, прохладно, заложенные кирпичом окна, вдоль стен — давно не крашенные и потерявшие свой лоск железные агрегаты и тренажеры. Штанги, гантели и гири. Куча мишеней — ростовые силуэты, сидячие, лежащие, просто круги из пенопласта и поролон для стрельбы из лука и арбалета.

Магнум с натужным дыханием качал спину. Рядом с ним стояла какая-то девица. Кольт в одиночестве без всякой страховки выжимал штангу. Глок, заняв место за столом, на котором лежал незаряженный арбалет, время от времени брал его в руки, примеривался так и этак. Юта с двумя пневматическими пистолетами отрабатывала стрельбу по-македонски, причем с рук, разведенных на сто восемьдесят градусов.

— Ну и какого хрена ты меня туда гонял? — начала она, прицеливаясь в Марата так, как будто хотела отстрелить ему уши.

— Сам понял, — отозвался он, одним четким движением освободил обе ее руки от стволов, и поцеловал в губы. — Я тут кое-что придумал, надо будет вдвоем обмозговать, это конечно совсем не дело, старыми способами работать уже не с руки.

— Все новое это хорошо забытое старое, — подошёл к ним Глок. — Когда выдвигаться можно? И точные инструкции мне, пожалуйста. Кольт, двигай сюда, хорош железо мучить...

— Мы будем вдвоем, — продолжал Глок уже гораздо тише. — В этом деле хватит.

— А нас трое будет, — сказал подошедший Кольт.

— Берешь Солдата и Тёму? — поинтересоваться Марат.

Кольт кивнул.

— Солдату от меня привет, — сказала Юта. А потом добавила: — И Тёмычу тоже...

На самом деле Тёму звали совсем не Артем, а такой позывной прилип к нему из-за фамилии Артемьев. Хотя Марат был всегда и совершенно против позывных — производных от имени или фамилии.

"Это получается не позывной, а кличка, — объяснял он очередному новичку. — Обычно это указывает на то что человек не сильно умён, и совершенно недалёковиден. Ну и без

фантазии, то есть действовать будет предсказуемо и стереотипно. Штурмовик так не действует. Штурмовик — это профессионал, он сам есть непредсказуемость, невероятность и невозможность, от начала и до самого конца».

Марат вытащил опять из-за пазухи два листочка, отпечатанные на принтере мелким шрифтом.

— Так, — сказал он. — Значит, инструкция. Ещё раз. По тому же месту. С самого начала... Я знаю, что вы не дураки, но написано как для дураков, то есть по пунктам и максимально просто, с применением просторечных выражений, и минимумом научных терминов и оборотов. Итак, приехали, снимаем точку на две недели. Находим в городе максимальных кипяшутиков, минимум двое, из красных, интенсивность окраски значения не имеет. Встречаемся на нейтральной полосе. Входим в доверие, объясняем задачу, то есть он больше не работает, и не учится официально. Он формирует опорную пятерку, с перспективой на полноценную Штурмгруппу, численностью до десяти пятёрок. Зарплату ему среднюю по городу, его штурмовики пока получают как кандидаты — две тысячи, потом как официальные работники на «липовом» предприятии. Снимаем ему офис, на три месяца минимум. Снимаем, а лучше покупаем ему Базы — номер два и три. То есть помещение склад и помещение для тренировок. Обеспечиваем транспортом если кто-то с правами. Обеспечиваем финансами на покупку амуниции и оружия, если есть кто с лицензией. Расходы уже пойдут через него. Наличку на зарплаты ему, сотрудникам и коммуналку — ему же на руки, а дальше пусть присылает договора — мы все оплатим. Денег не жалеть, я вам выдам с избытком.

Марат выдержал паузу, и продолжил дальше.

— Всё, хватит, прошли те времена, когда мы с голыми задницами на танки ходили... Далее — знакомим его, если он не знаком — с местными потенциальными друзьями и врагами. Закладываем основы безопасности жизнедеятельности, объясняем как проверять людей, помещения, что такое позывные, алиби, как пользоваться адвокатом, где и какие нужны связи. Самое важное, надо помнить, что как только он раскрутится, все спецслужбы повернут свои жала к нему. Поэтому твоя задача, Глок... И твоя, Кольт — выявить самых опасных и влиятельных людей в погонах или на должностях в городе. По окончании отписываетесь мне, я найду способ их устранить.

Повисла тишина. Глок потёр подбородок:

— Отодвинуть или устранить? — спросил он.

— Второе, — ответил Маузер. — Без возражений. Иначе нас всех самих тут к ногтю прижмут. Но теперь «они» должны быть в хаосе, панике и в страхе. Без этого никак...

— Ладно, это уже не наши проблемы, — согласился Кольт. — А что, нельзя им самим такую инструкцию выдать? — продолжал парень.

— Мы уже обсуждали это, — ответил Марат. — Современная точка зрения, что человек способен к революционной самоорганизации — не верна. Любая революционная подвижка, социальная, техническая и даже религиозная, а уж тем более организация ячеек, как и сто, и тысячу лет назад — требует личного присутствия квалифицированного специалиста, комиссара или миссионера, то есть полномочного представителя. Просто отослав Библию или Манифест коммунистической партии в регионы ты получишь в одной области мормонских каннибалов с костяными звездами на верхушке храма, в другой области расплодишь коммунаров-друидов, поклоняющихся древесной троице — кедру, дубу и осине...

Юта засмеялась, а Кольт с Глоком криво ухмыльнулись.

— Но даже после этого представители и главы ячеек обязаны являться в центр, для установки мозга в нужном направлении, корректировки деятельности и повышения квалификации, — продолжал Марат. — Это тоже указано в вашей инструкции. Задание ясно?

— Да, ясно, — отозвались парни.

— Связь через наш форум. Действуем стремительно, смело, и максимально жёстко. И быстро. Не рассусоливать, и самим не раскисать...

Марат ещё раз посмотрел а глаза обоим.

— Ну... и что сидим, кого ждём?

— Что, прямо сейчас что ли? — с лёгким изумлением сказал Кольт.

— Могу ещё дополнительный благословляющий пинок выдать, — проворчал Марат, вручая каждому из них ещё по одному толстому конверту. — Поскакали, пашки наголо, и в бой. Что там у тебя, Магнум? — повернулся Маузер.

Тот стоял, явно смущаясь и прикрывая своим громадным телом невзрачную девушку. Все смотрели только на них, и ждали пояснений.

— В общем... это..., - начал запинаться Магнум. — Наша новая... товарищ Овод... вот так, в общем.

— Да никак товарищ Магнум за ум взялся, — улыбнулся Марат. — Пятерку начал формировать с расчетом на выданное задание. Отошел так сказать, от частного-индивидуального богатырского и супергеройского подхода. Привет еще раз, Ира.

Марат конечно же узнал девицу, которую уже видел сегодня, в кабинете управляющего торговым центром, начальницу отдела кадров.

— Люгер, смотри, — повернулся Марат к жене. — Она тоже полиморф.

— Причем очень сильный, — мгновенно отозвалась Юта.

— Не стесняйся, Ир, тут все свои, прослушек нет, никто ничего не записывает, — спокойно говорил Марат. — А полиморфами мы называем того, кто самопроизвольно может менять свою внешность. Это, знаешь, вершина театрального мастерства, самый сложный предмет у разведчиков, и конечный этап подготовки японских ниндзя. Известны задокументированные случаи, когда сильный и опытный полиморф, совершив преступление, ясным днем пробежал через толпу и свидетели описывали его совершенно по-разному. Кто-то говорил, что видел ребенка, юношу. Кто божился что это был взрослый лысый мужчина, третий уверял что это косматый старик, а четвертый клялся, что это была переодетая девушка. Сегодня мы уже видели тебя, ты была в образе сильной, волевой, очень взрослой женщины. Теперь ты испуганный ребенок. Через секунду превратишься в фурию. Мы тут тоже все полиморфы, без этого в нашей профессии никак...

— Я бы хотела, — вскинула голову товарищ Овод. — Вступить в вашу организацию. Стать бойцом Красной Армии.

Марат ожидал за плечом фыркания Юты, но та, к его изумлению, молчала.

— Полиморфу свойственны черты всех темпераментов, — заминая паузу, продолжал он свою маленькую лекцию. — Никогда нельзя знать, какую маску он наденет, и выбирает он ее сам, в зависимости от ситуации. Требуется упорный тяжелый труд — и он становится флегматиком. Требуется воздействовать на другого человека криком и эмоциями — становится холериком. Это свойство не врожденное, это развивается, в твоей голове. Это значит, что ты управляешь своим сознанием и даже подсознанием. А не они тобой.

— Закрой глаза, — вдруг скомандовала Маузер. — Представь воду, какую хочешь воду, от лужи до океана. Скажи мне — что ты чувствуешь?

Ира послушно закрыла глаза, лицо ее начало расслабляться, и все увидели ее настоящее лицо — обычной деревенской девчонки-простушки.

— Океан, спокойствие, чуть-чуть тревоги, глубина и надежность..., океан любви...

— Товарищ Маузер! — вдруг зарычал Магнум, и сделал шаг вперед. — Да что хоть ты за человек? Хватить издеваться, со своими тестами по Фрейду. Ты же...

— Вольно, товарищ Магнум, — со смехом отозвалась Юта. — Овод, открывай глаза.

Та послушалась, и вмиг преобразовалась. Теперь это было на самом деле лицо фурии — опасной женщины, которая оскорблена в своих чувствах.

— Стоп-стоп-стоп, — сказала Юта. — Даже не думай.

И вдруг она развернулась к Магнуму:

— Ты, дубина, разве так можно?

— Ты чего? — оторопел Магнум.

— Он девчонку проверил тремя проверками, и все по уголовным статьям. Сперва заставил листовки клеить с текстом, за который ей могли пару лет с ходу впаять, — начала перечислять Люгер. — Потом заставил пакет с аммиачной селитрой в пенсионный фонд принести, и там оставить... Её камеры срисовали, ты в курсе об этом, боец Магнум?

— Да ты чего, все под контролем было...

— Да уж... рассказать что эти архаровцы три дня назад учудили?

— Не надо, — насупилась Овод. — Я сама скажу. Мы машину у одного гада сожгли.

Марат от удивления даже присвистнул. Он слышал раньше об Ире. Овод была ее настоящая фамилия. Очень редкая, бесспорно, крайне заметная фамилия.

Сама же Ирина до сих пор ничем не выделялась, просто ходила на митинги, стояла в пикетах. В штурмовики даже не пробовала. Была просто сочувствующей. Получила юридическое и экономическое образования, оба с красным дипломом. В торговый центр попала сначала на должность бухгалтера, потом внезапно возглавила экономический отдел. Через нее Андрея-Магнума после разгрома Штурмгруппы и устроили в охранники к Петру Межицкому. Марат думал что эти двое за прошедшие годы успокоились. Два взрослых человека, на больших, если не сказать — огромных должностях и зарплатах. Хотя, если рассудить... Вон они с Ютой — каждый месяц... «наступает ночь и просыпается мафия».

— Слушай, Магнум, ну это для проверок — явно перебор..., - сказал Марат.

— Зато она теперь наша, своя в доску, я ей доверяю, — вдруг набычился Магнум. Лицо его стало жестким, ноздри раздулись, свирепая морщинка легла поперек круглого гладкого лица.

— Ладно, все нормально, — успокоительно произнесла Люгер. — Расслабьтесь. Никто вас не найдет.

— А ты хоть откуда узнала? — Магнум отходил с трудом. — Про нас? Про листовки, селитру и машину?

— А я, Андрюша, теперь много чего знаю, уж ты поверь, — с мягкой улыбкой ответила Юта, и те кто знал эту улыбку, сразу поняли — дальше лучше и не спрашивать.

— В общем так, — резюмировал Марат. — Боец Овод у нас теперь в пятерке Магнума. И увольняться ей из торгового комплекса, а уж тем более отстранятся от работы с кадрами — никак не с руки. Это теперь твой индивидуальный окопчик. И я уверен ты с этими обязанностями прекрасно справишься. Задание остается прежним. Ясно?

— Да, ясно, — отозвалась женщина.

Дверь в тир открылась, и в помещение зашли два человека. Увидев первого, Марат не смог сдержать улыбки.

— Макаров...

Это был невысокий человек, с тонкими чертами лица, живыми глубокими карими глазами и высоким лбом. Все знали его под разными прозвищами: Пяткин, Фотограф, Маресьев. Но для штурмовиков он был «товарищ Макаров».

Он был — художник. Его фотографии стабильно заходили в разряд «произведения искусства», признанные не только российскими, но и зарубежными издательствами и всевозможными конкурсными жюри.

Позывной он выбрал из расчета, что пистолет Макарова был калечащим, но зачастую «не смертельным». Макаров вообще не любил насилие. Но вот не смотря на эту нелюбовь, а может и благодаря ей — он со своей «пятеркой» всегда оказывался в гуще уличных событий, которые постоянно заканчивались разбитыми носами и длинными синяками на спинах.

Между тем распознав второго — улыбались уже все.

— Кунгур! Вот сукин ты сын...

Кунгур среди них был — старожил. Он вступил в коммунистическую партию когда она была под запретом, тайно, еще в институте. Поэт, повеса и пьяница — Кунгур в течении многих и долгих лет был завсегдатаем всех попоек «высших сливок» и «бомонда». Как он туда попадал — одному Будде ведомо, но скорее всего, страдая репутацией пьяницы, на самом деле никогда таковым и не был. Просто по складу характера, движениям и вольной громкой речи казался всегда пьяным.

— Отлично, — удовлетворенно произнес Маузер. — Прямо великолепно. Здорово, братцы!

— Здоровей видали, — внезапным фальцетом отозвался Кунгур, статью и прической сейчас похожий на «советского» Атоса из «Трех мушкетеров».

— Горло что ли болит? — спросила Юта.

— Прикалываюсь просто, — тоненьким голоском отозвался Кунгур, и вокруг послышался уже не сдерживаемый смех. Все таки весельчаком он был... тем ещё.

— Вот вы то, голуби сизокрылые, очень нужны, — серьезно сказал Марат. — Здесь поговорим, или для ясности мысли вам более тихое помещение требуется?

— Здесь, конечно, — резонно сказал Макаров.

— Работать будете вдвоем, — начал Маузер. — Завтра же увольняетесь с прежнего места работы, и без всяких отработок. Ваше направление — культурно-идеологическое. То есть литература, музыка, кино, театр, живопись.

— По деньгам это сколько? — вроде бы с леню в голосе спросил Макаров.

Марат жестом фокусника достал буквально из воздуха (а так оно и было) — настоящий чемоданчик-кейс. С сочными щелчками открыл крышку.

— Ух..., - не удержался от возгласа Кунгур.

— Нравится? — спросил Марат. — Знаешь что будет, если узнаю, что вы в нецелевом направлении деньги спускаете?

— Выбор небольшой, — напряженно сказал Макаров, тоже замороженный видом. — Смерть. Либо мучительная смерть.

Юта за плечом Марата хихикнула. Ей, кстати, нравился Макаров. Фактически единственный, кто не пытался к ней ничего подбивать... Правда фотографировал он ее при

любой возможности, много, часто, и снимки получались — фантастические.

— Фигня все это, — меж тем вмешался Кунгур, опять тоненьким голоском. — Мне бы пашку, да коня, да на линию огня...

Марат посмотрел на него, и продолжил дальше:

— Вы, кстати не думайте что ваше направление менее опасно. Деятельность любых красных авторов четко отслеживается конкретными людьми и отделами в соответствующих конторах, — говорил он медленно и внушительно. — Для нас, кстати, специальные издательства есть. Даже студии звукозаписи, насколько мне известно. Чтобы как только красный автор выдает что-то стоящее, его не через обычные масс-медиа пропускают, а вот через такие подставные агентства. И четко прописывают тиражи и условия распространения — обычно сам автор и распространяет "совместную продукцию", в кавычках... Только её, в том варианте в котором выпущена, и сам рекламирует, и рассылает по почте, все сам. Вот такая полезная эффективность у наших творцов. А они и рады — хоть кто-то взял...

— В общем, по плану с вас двоих как минимум четыре конкурса в месяц. Лучше международного масштаба. Больше можно. Меньше — нельзя. Любых. Хоть конкурс революционного портрета, хоть социалистического рассказа, что смотр советского строя и песни. С призами не переборщите. Премия за фотоконкурс — максимум крутая камера, набор крутейших объективов. Но не машина. Социальные стихи? Прекрасно. Десять первых мест, по десятке. Двадцать вторых — по семь штук на нос. Роман с темой коммунистического будущего? Издание и восемьдесят штук сверху за первое место, сорок за второе, двадцать за третье. Художник богатым быть не должен, у него хватка теряется, и мозг жиром заплывает... Премию киношную там придумайте, переходящее красное знамя за лучший фильм социалистической направленности. Кинозал, фуршет, статуэтка, миллион режиссеру за режиссуру. Пятьсот — за лучшую мужскую роль второго плана. И так далее... Я понятно объясняю? — спросил Марат, чеканя слова.

— Да вроде все ясно, — откашлявшись и совершенно нормальным голосом ответил Кунгур.

— И... вот еще что... конкурс это штука такая, о двух концах... Победитель типа получает всё, а проигравший утирается... Так вот, у нас этого не будет. Мы социалистическим путем коммунизм строим, поэтому любой труд у нас оценивается. Проигравший, может, сил на свое детище положил больше, чем все победители, вместе взятые, просто сегодня его тема — неактуальна. Кунгур, понимаешь о чем я?

— Поэтому, — продолжал Марат. — у нас все просто. Победитель получает много, а проигравший — мало. Но все равно — получает. То есть в случае со стихами — все остальные «пушкины» и «лермонтовы» получают на всех третье место, диплом, и по тысяче рублей. Без исключений.

— Людей набираете сколько надо, хоть в жюри, хоть в помощники. Берите профи, вне зависимости от окраски. Не прикормленных баранов, а настоящих профессионалов. И, самое главное, придумайте легенду — откуда у вас эти средства взялись. Чтобы «творцам» красивую сказку выдавать, для стимуляции, так сказать — высоты фонтана. А если подойдет кто с удостоверением — этого сразу ко мне. Немедленно. Я уже на него буду смотреть, на любопытного такого. Это ясно? — Марат посмотрел на обоих нахохлившихся «голубей», загруженных многозадачностью проблемы. — Если ясно — приступаем к выполнению.

— Прямо с сегодняшнего дня? — попытался уточнить Макаров, принимая кейс в руки.

— Прямо с сегодняшнего, — подтвердил Маузер. — А вот и Вальтер заявился...

Штурмовик вошел в тир, злобно озираясь. Вид у него был взъерошенный, и глазами вокруг он зыркал не хуже волка, явно собираясь хоть кого то порвать.

— Вальтер, дорогой, — Маузер направился к нему. — Слушай, а хочешь я тебе колено прострелю? Полежишь в больнице, подумаешь в спокойной обстановке. Ребята, да что с вами?

Марат уже обращался ко всем, чтобы все слышали:

— Что вы вечно в драку, не разобравшись, лезете? Это вам не последний день войны, а вы не из штурмгруппы Егорова и Кантарии, которым вынь да положь знамя над Рейхстагом. Думать же надо. Соображать. Пришел, сделал предложение человеку, от которого он отказаться не может. Хлопнули по рукам, выполнили все договоренности, разошлись довольные. Что, блин, в этом сложного?

Вальтер стоял перед Маузером, злобно улыбался, но молчал.

— Ладно, — сказал наконец Марат. — Все нормально. Продолжаем идти к цели, и выполнять поставленные задачи. Вальтер, ты прекращаешь работать по линии СВД. У тебя сейчас будет совершенно другое направление. Будешь искать наших в местах заключения. Хотя что их искать... В общем, списываешься, находишь адвокатов или привлекаешь всю контору Северина, выбиваешь всеми правдами и неправдами условно-досрочное и обеспечиваешь нашим ребятам авторитет на зоне. Как освобождаются — всех стыкуешь с нами. Средств у тебя будет — неограниченно, это дело тонкое, тут вообще экономить нельзя. Знаешь, Вальтер, что надо, чтобы сейчас «на зоне» в авторитете быть?

Никанор несколько мгновений молчал, бурая взглядом Марата.

— Что? — спросил Вальтер наконец.

— Подгон, — ответил Маузер. — Чтобы быть в авторитете — нужен мощный подгон с воли. Чтобы у тебя еды, курева, выпить и связи было на троих, а лучше — на пятерых, включая надзирателя. Понял? — спросил он, передавая штурмовику еще один кейс.

— Слушай, Маузер, а что ты хоть раскомандовался? Мы к тебе не нанимались, — вдруг послышался голос сзади.

Марат обернулся, и теперь глядел прямо в глаза Кунгура. Тот, как обычно, спокойно выдержал этот взгляд.

— А у кого котел, товарищ Кунгур, — с паузой сказал Марат, чтобы двоякий смысл слов дошел до всех. — Вот у кого котел есть, тот сейчас и командует.

— А мы, значит, мясо в твоём котле, — это уже Макаров.

За что Марат его уважал и даже любил — Макаров говорил прямо, и без обиняков. То что думает. И старался не врать, и как можно четче выражать свою мысль.

— Кто картошка, кто соль, кто лук со специями, — спокойно сказал Марат. — Но вы... это точно... Мясо.

Формирование ячейки. Глок

Стандартные девятиэтажки. Утро, люди спешат на работу, машины лавируют в бетонных джунглях. Промозгло и сыро. Лето еще не прошло, а осень уже всю заявляет свои права.

Из подъезда, ничем не примечательного от всех остальных, вышел молодой человек. По виду — обычный студент, с кожаной сумкой через плечо, почти налысо обритый, сосредоточенный и целеустремленный.

— Руслан! — окликнули его.

Руслан, глянув на потенциального собеседника, сначала не хотел останавливаться.

— Руслан Басов...!

Все таки придется остановиться. Очередной «органойд»? Скорее всего. Мелкий какой-

то парнишка, на пол головы ниже, упакованный в черную джинсу, с лохматой копной черных волос, и глубоко посаженными темными глазами.

— Здорово, Руслан, — сказал он подходя. — Я товарищ Глок. Называть меня будешь так. Пройдемся?

— Куда? — вполне закономерно спросил Руслан.

— Да в любую здешнюю забегаловку...

— Я вообще-то на учебу спешу.

— А вот учеба скорее всего подождет, — ответил товарищ Глок. — Все за мой счет.

Руслан хотел было уже послать его на несколько букв. Но остановился. Товарищ Глок?

— Я не из этого города, — сказал Глок. — У меня серьезное поручение, и не так уж и много времени. Да, и еще, я — коммунист.

Когда они расположились в местном кафе "Росинка", и заказали себе по кофе с булочкой, Глок начал прямо, с места в карьер и без обиняков.

— Мы тут создаем революционную организацию, идеология — социалистическая, набираем кандидатов, в этом городе — ты самая подходящая кандидатура. Мы довольно долго изучали твое досье по информации из соцсетей, и уверены, что ты подойдешь. Причем все характеристики у тебя положительные. Есть и действия разные. Полиция с тобой на ножах, и штрафы с задержаниями ты получаешь на полную катушку. Плюс у тебя уже есть своя команда. Да, в этом плане все замечательно. Тебе, наверно, интересно кто мы такие. Скорее всего ты даже уже думаешь, что я такой работник органов, который тебя в ловушку хочет заманить. И это хорошо. Было бы гораздо хуже, если бы ты к каждому встречному-поперечному с распростертыми объятьями бросался.

Руслан отхлебнул кофе и кивнул. Пока все очень сильно смахивало на то, что собеседник Руслана имеет отношение к серьезным органам.

— Тогда начнем с того, кого мы вместе с тобой знаем... и кому можно доверять. Марата Нечаева знаешь?

— Какого Марата? — Руслан сделал вид, что не понял вопроса.

— Предположим, что знаешь, — спокойно сказал Глок. — Так вот, я работаю под руководством товарища Маузера. Если у тебя с собой телефон, ты можешь прямо сейчас его спросить в соцсети, как меня зовут, так и напиши — "как зовут товарища Глока"? Да не робей, пиши, боишься что ли? Не хочу, чтобы между нами было какое-то недопонимание.

Руслан, вздохнув, вытащил свой смартфон, нашел нужную переписку и задал вопрос. Вопросительно взглянул на "товарища Глока".

Тот тоже вздохнул, полез за пазуху и вытащил из внутреннего кармана паспорт. Не раскрывая, положил его на стол. Телефон Руслана пискнул сообщением. Ответ состоял из одного слова: "Алексей".

— Бери паспорт, смотри, — сказал спокойно Глок.

— Смирнов Алексей, — прочитал вслух Руслан.

— Ну и прекрасно, — сказал Глок, и ловким незаметным движением, как настоящий фокусник, выхватил свой паспорт из рук Руслана.

— Слушай теперь сюда, Руслан. Твоя жизнь с завтрашнего дня может очень резко поменяться, хотя для родных, близких и знакомых должно быть все незаметно. Даже более — пусть у них будет ощущение, что ты отошел от политики, взялся за ум, стал настоящим обывалом с бараньими мозгами. В этом городе ты будешь ядром революционной ячейки организации под названием "Красная армия". Проще говоря, ты станешь командиром

Красной армии, то есть организатором. Вполне возможно, в последующем — и комиссаром, то есть полномочным представителем всей организации. Для начала мы снимем с тобой официальную точку — то есть банальный офис-прикрытие, этакие "Рога и копыта". Далее мы с тобой определимся с направлением, и приобретем в аренду, а потом и в собственность спортивный зал. Это лучший вариант, но пойдет и увеселительное заведение типа того, в котором сейчас находимся. Может быть — мастерскую с автомойкой. Или помещение под тир. Или под частное охранное предприятие.

— В собственность на тебя, — продолжал Глок, отхлебнув еще кофе. — Ты там будешь полноправный хозяин-барин. И на тебе, конечно, все "повиснет". И содержание, и найм работников, и функционирование. Вот только прибыль, как ты понимаешь, нас мало интересует. Нам необходима революционная ячейка с небольшим количеством людей, преданных идее и делу. Тебе будут передаваться суммы, достаточные для ее содержания и развития до определенного периода. Конечным этапом будет подготовка такого количества людей, которые позволят вам, именно вам, а не тебе лично, — уточнил Глок, глядя Руслану прямо в глаза. — В случае революции полностью и безоговорочно заменить местную власть и поддерживать порядок на территории всей области. При необходимости в этом городе и районах будут созданы дополнительные ячейки. Вот. Все. Я сказал.

Глок поднялся.

— Вроде все..., - сказал он задумчиво. — А, нет, еще небольшой штрих.

Он закатал рукав до локтя, и показал на тыльной стороне предплечья татуировку. Черный серп и молот. И наколота давно — как показалось Руслану.

— «Органоид» сейчас такую себе только в страшном сне наколет, — пояснил Глок. — Завтра, в это же время, за этим же столом, жду тебя с четким определенным ответом. Не пришел — значит вычеркнут навсегда. Запомни одно из правил штурмовиков — опоздание любого не отменяет задания для группы, а немотивированное опоздание может быть приравнено к предательству. А я — штурмовик. Ладно, до завтра.

Руслан пожал протянутую ему ладонь так сильно, как только смог, но железную хватку Глока ему было не пережать.

* * *

На следующий день Руслан пришел в "Росинку" за десять минут от назначенного времени. Глок уже ждал его там, поедая булочку с сосиской.

— Ага, здорово, — поприветствовал он Руслана. — Запоминай, кстати. Дату запомни, когда мы встретились, время, место..., что заказывали, о чем говорили. Пригодится. Если вдруг так случится, что человек придет к тебе, и скажет что от меня..., будешь его спрашивать, он это должен знать как мы с тобой встретились. Без такого инструктажа я его к тебе отпускать не буду. Вот если он при встрече не знает, что мы с тобой в «Росинке» встречались, и не дай бог совсем другое место назовет — это значит, что он, скорее всего, не от меня. Может и от меня, да только вот я его к тебе послал будучи уже совсем в плохом состоянии, и скорее всего в наручниках.

Глок рассмеялся, и хлопнул Руслана по плечу:

— Да ладно, расслабься, не так то товарища Глока поймать, а узнать от него что-то против его воли — еще сложнее. Ну что надумал, ты в деле?

— Я в деле, — твердо сказал Руслан.

— Чудненько, — сказал Глок, промакивая губы салфеткой. — Тогда в путь. Сегодня же снимаем офис, так сказать — Базу-один. Я присмотрел парочку, возьмем тот, который тебе

понравится, такое место должно быть выбрано местным аборигеном, тебе же в нем работать. За аборигена не обиделся?

— Нет, — ответил Руслан, и подумал, что на товарища Глока лучше бы не обижаться, себе дорожке встанет. Тот тем временем поднялся, и сделал знак рукой. Из угла помещения, от крайнего столика встал человек, до сих пор незаметный, точно так же упакованный в черную джинсу, только бритый налысо.

— Это товарищ Лещ, — объяснил Глок. — Он с нами.

И в этот день, да и всю неделю Руслан, совершенно забыв про учебу, занимался тем, что обустроивал материально-техническую базу для будущей ячейки Красной Армии. Помимо офиса они арендовали полуподвальное помещение, без отопления, по очень смешной цене, но с водой (пока еще холодной), и электричеством.

— Это ваша База-два, — объяснял Глок. — Будет еще База-три, четыре и пять, как минимум. Поставишь электронагреватель — будет горячая вода. Для этого наймешь одного из своих товарищей на работу, на должность замдиректора по хозяйственной части. Пусть тебе бойлер покупает, краны меняет, батареи, свет, краска и прочее. В каждой революционной ячейке обязательно есть должность завхоза, читай матчасть. Обычно он конечно не только по хозяйству, но и все личное оружие у себя хранит. Кстати, у тебя самого лицензия на оружие есть?

— Нет, — сообщил Руслан.

— Плохо, — сказал Глок. — А у надежных знакомых у кого есть?

— Тоже, насколько знаю, нет.

— Хреново, товарищ Руслан. С завтрашнего дня подбирай потихоньку людей. Только надежных. Кто уже зарекомендовал себя. Если человек по любой административке сидит только сутки — таких сразу отбраковывай, это значит он пока ненадежный, а скорее всего — крот. По закону кротов в обезьяннике держать можно, для отвода глаз, но не более суток. Но таких людей из виду не теряй. Потом они тебе пригодятся, когда придется власть подминать. Что такое власть — знаешь? — и не дожидаясь ответа, Глок сам же и ответил. — Это когда ты вооруженным людям можешь приказы отдавать, и чем больше людей со стволами тебе подчиняются — тем больше у тебя власти. А в полиции все со стволами...

— Эй ты, красножопый, — вдруг раздался голос со стороны. Руслан с Глоком обернулись. Лещ, всегда отстававший на десять шагов, вдруг совсем скрылся из виду, пропал на ровном месте, как будто его и не было никогда.

— Да, это я тебе, тебе говорю, морда краснорылая, — подтвердил крупный парень, стоявший на обочине дороги с тремя "сотоварищами". Бритые рожи довольно скалились, пришло время развлечений.

— Как эта улица называется? — невозмутимо поинтересовался Глок у Руслана.

— Добролюбова, — ответил Руслан с недоумением.

Глок вытащил из кармана телефон, и повернулся к "кандидатам в национальное большинство" страны.

— Семенов, это ты? Давай на Добролюбова, дом двенадцать..., - сказал он громко и таким тоном, что можно подумать, он такие приказания раздает по десять раз на дню двадцать лет подряд. — "Бобик" и ребят свободных, покрепче, да, можно спецназ. Тут у нас самопроизвольный «попадос» произошел, я их сейчас задержу, оформим по максимальному разряду, оскорбление, сопротивление, нападение на сотрудника, да... полная уголовка... свидетели есть... Куда, молодые люди, стоять, черти! Задержать этого! — страшно заорал

Глок вслед рванувшим с места прочь бритоголовым.

Но куда там! Сиганули так что только пятки сверкают, уйдут запросто, и от несуществующего спецназа. Руслан улыбнулся. Но тут, как чертик из коробочки, из подворотни метнулся черный клубок. Лещ, обежавший здание, влетел под ноги «горе-экстремисту по идеологическому признаку», и, обхватив его за колени, приподнял над землей чуть ли не метр — с размаху и явно слышимым хрустом приложил всем телом об асфальт. Глок уже бежал, налетел, еще раз уронив вскочившего было бритоголового.

— Лежать, лежать, сука, хуже будет, не рыпайся! — орал он. — За руку его. За руку, во двор. Не дергайся, дурак!

Вдвоем с Лещом они сноровисто подхватили здоровяка, и выкручивая ему руки так, что тот согнулся мало что не вдвое, быстро повели, на сгибающихся ногах, во двор. Руслан тоже подбежал, не зная, и не понимая что делать — остановился, озираясь. Такое впечатление, что весь город смотрит на них. Хотя пройдет минута — и вставшие прохожие разойдутся, и забудут обо всем. Без всяких вспышек в стиле «люди-в-черном»....

— Расходитесь, граждане. Произошло задержание опасного преступника, — вдруг сказал он громко. — Спасибо за помощь!

Старичок с бабушкой, до этого провожавшие троицу взглядом, перевели глаза теперь на Руслана, что-то кивнули. Ну да, бывает, и на улице преступников задерживают...

Выждав еще несколько секунд, Руслан побежал искать своих и "задержанного". Нашел он их за гаражом, в кустах, среди битых кирпичей и разбросанных бутылок. Глок и Лещ старательно, жестко и без малейшего звука избивали парня. Глок бил в основном в лицо, Лещ — по животу. "Задержанный" извивался, что-то булькал, пытался закричать, но выходило плохо. От лица у него осталась кровавая маска, и время от времени раздавался хруст — и Руслан понял, что Глок старается выбить у несчастного зубы. После нескольких десятков ударов они бросили жертву, и подхватив Руслана, быстрым шагом двинулись гаражами подальше от этого места.

— Никогда не объясняй, — сказал вдруг Глок. — Просто бей. Объяснять на суде будешь. Если до этого дойдет.

— Теперь твое алиби, — продолжал говорить Глок. — Ты нас не знаешь, впервые видишь. Подошли двое каких-то, сказали что не местные, попросили показать где такая улица Добролюбова, дом двенадцать. Ты их, то есть нас — повел. Ни о чем не разговаривали, только о погоде. Вдруг эти, с оскорблениями. Ты растерялся, подумал что мы действительно сотрудники органов. И убежал. Все.

— Ясно, — только и сказал Руслан.

— А ты ничего, молоток, ловко глаза обывателям отвел, — вдруг похвалил его Лещ.

— Да ты тоже совсем не промах, — в унисон отозвался Руслан.

— И вообще, запомни, на каждый глупый вопрос у тебя должен быть готов умный ответ. Понял? На каждую странную и опасную ситуацию у тебя должно быть простое и безопасное объяснение. Это как правило техники безопасности — записано кровью, — продолжал Глок. — А теперь пошли с твоим бухгалтером знакомится, который тебе все документы будет оформлять...

Через две недели после прибытия в славный град Владимир, Алексей Смирнов под позывным Глок уже собирался отбывать в другой город. Здесь уже все было хорошо. Совсем еще юный Руслан постепенно и жестко брался за дело. На Базе-два вовсю шел ремонт, там командовали Иван и Сергей, друзья Руслана по школе, и соратники по идеологии. Девочка Маша, найденная по соцсети, приняла бразды правления на правах заместителя директора филиала некоммерческого предприятия Центр спортивный подготовки «Евпатий».

Руслан в это время вместе с Глоком мотался по городу, встречался с людьми, порой странными, порой смешными. Но вот то, что мальчик явно осознал всю серьезность ситуации — было ясно даже по взгляду. После той драки-избиения Руслан совершенно четко понял, что все очень серьезно. А будет еще серьезней. Кровь всегда делает людей очень серьезными — это Глок знал железобетонно.

— Завтра мы отбываем, — сказал Глок. — Тут все хорошо. Деньги вот здесь, — он передал Руслану увесистый пакет. — Придумай им объяснение. Например, твои личные накопления. Или занял у друзей, расписки напиши. Через две недели ждем тебя у нас в спортивном центре. Там чисто теория, всего два дня, получение дальнейших инструкций и средств. Запомни сам и объясни остальным — воровство у самих себя будет караться по всей строгости всех законов, которые только в этом мире существуют. И вот еще что...

Глок раздумывал.

— После того как мы уедем, — наконец проговорил он медленно. — Вас на некоторое время надо будет обезопасить от внимания полиции и федералов. Им заняться особо нечем, а их там чертова прорва. Раскрываемости у них, сам видел, никакой. Они конечно на каждый ваш чих жалом начинают водить. Вот пускай и поводят, но как можно дальше от вас. Поэтому сегодня ночью у вас внезапно помрет начальник всей местной полиции, а еще через неделю — начальник местной федералии. Выглядеть это будет так, как будто... ну скорее всего — они случайно умерли. И ты об этом не слышал ничего, понял?

— Понял, — ясно ответил Руслан.

— Твое дело сейчас — качать мышцы, в прямом и переносном смысле слова. Не вылезать никуда, никаких акций, никаких митингов. Никаких задержаний. Вы — обычные ребята «за спортивный образ жизни», даже клуб организовали и получили аккредитацию от большой спортшколы, федерального резерва, между прочим. Далее, когда наберешь полсотни человек...больше не надо, не справишься..., и всех проверишь, посадишь на баланс, дальше начинаешь потихонечку всех подминать. Свои депутаты, мест много освободится, гарантирую... Свои начальники отделов. Свои судьи. Директора школ. Профсоюзные активисты. Даже участковые у тебя будут свои, а может и мэр, и, скорее всего губернатор. Это не должны быть шапочные знакомства. Это должно выглядеть так: ты позвонил в два часа ночи, и сказал — надо сделать то-то. И он, уже в два десять, при полном параде и сна ни в одном глазу — уже это делает. Понимаешь? Власть — это возможность отдавать приказы, и они должны быть исполнены. Понимаешь?

Руслан кивнул.

— Средства будут, да и сам увидишь, они и без нас появятся. Не форсируй, но и не тупи. Хотя, чего я тебе распинаяюсь, все на обучении расскажут, и даже инструкцию выдадут.

* * *

Марат сидел в офисе, перед компьютером. В том самом офисе, с которого все началось, и в котором Олег Олегович Разин встречал Марата совсем недавно. Теперь это был их с Ютой офис. Правда, за все время к ним не зашло ни единого человека, но это устраивало обоих. Меньше народу — больше кислороду, как говорит научно-популярная поговорка.

Зато компьютер здесь был отменный. Моноблок — по виду. Мощнейший и раритетнейший артефакт — по сути. На экране монитора было всего несколько иконок. Самая интересная, конечно "Программа поиска". Если кликнуть на нее, выходит карта и командная строка. И в эту строку можно забить что угодно. Понятно, что можно и адрес, но не воспрещается и номер телефона, и имя, с фамилией и отчеством. Как только ты это делаешь — выпадает табличная строка, в которой десятки претендентов на поиск (если не задаешь точные параметры), выбираешь того, кто тебе нужен конкретно... — и вот он, красная точка на карте. Передвигается, в режиме реального времени, живет своей жизнью...

Наверно, даже подумать не может, что кто-то, почти в трестах километрах от него, наблюдает в экране, смотрит, прикидывает... как бы половчей его убить. Буквально несколько часов назад Марат получил от Глока сообщение на почту. "Вечер удался. Погуляли хорошо. Чего и тебе желаю, не начинай пьянку с водки. И с ликера тоже не начинай.". И смайлик, веселый и жизнерадостный смайлик. Это значило, что в городе В. создана ячейка, пока в одном экземпляре. Теперь команда Глока покидает город, и задача Марата — первым ликвидировать тамошнего начальника полиции. Если бы было написано "не начинай с суррогата водки" — значит смерть пришла бы к его заместителю. Шампанское означало губернатора. Пиво — мэра. Вино — главу местной правящей партии. Это значит, что Глок определил, кто там в городе — главная шишка, и отдает приказы.

"Ликер", человек, которого надо было убрать через неделю — начальник местной федеральной госбезопасности. Выбывание таких людей из жизни приведет к двум месяцам тихого, но безобразного хаоса и беспомощного состояния почти во всех областных инстанциях. За это время ячейка окрепнет, станет неуязвимой, туда потянутся люди, и все будет по серьезному, потому что люди всегда чувствуют: там где таится смерть — там всегда все по серьезному.

Все таки прав старина Юнг, не одно либидо влечет людей. Смерть — это мощнейший стимул, всем, даже закоренелым атеистам и полнейшим еретикам хочется заглянуть туда, за крашек, понять и осознать себя в этой жизни. На влечении к смерти строятся все религии мира, миллионы и миллиарды поклоняются ей, как высшей владычице, перед которой даже боги и демоны — только фигуры в игре.

Марат набрал в командной строке город, фамилию, имя, должность — начальник полиции. Посмотрел на «выпавшую» картинку. Ну и рожа... Теперь посмотрим на карту, где наша «рожа» находится. Красная точка нашлась в коттеджном поселке недалеко от города.

Какую, все-таки — невероятно полезную штуку оставили в распоряжении Марата неведомые «тестировщики».

Так, посмотрим... Да, не любит наш начальник областной полиции работать допоздна. Конечно, Юта бы с этим справилась быстрее, но... лучше не надо. Она, хотя и говорила что сейчас может обрабатывать одновременно миллионы информационных потоков, но занята тем, что ведет переписки, опрашивает, узнает и разговаривает с тысячами тысяч людей, не только в стране... По всему миру. Скоро сюда придут десятки, если не сотни будущих соратников, и это будет та еще головная боль...

Тем более что смерти довольно высокопоставленных лиц, следующие одна за одной, и

связанные с электричеством (то есть умением Юты) — всегда рано или поздно натолкнут систему на мысли о том, что все это неспроста.

А у Марата — гигантский набор всевозможных, разнообразнейших способов.

Вот и сейчас, посмотрим, чем наш «главный полицейский» занимается? Да купается в собственном бассейне, под руководством, кстати, очень симпатичной инструкторши. Здоровенная, гладкая, высокая тетя, в черном латексном купальнике, только плетки не хватает. Хотя вполне может быть что она, плетка, и есть где-то поблизости...

Марат закрыл глаза и полностью перешел сознанием в «энергетический нейтронный контур», который прислал в город еще неделю назад.

Серая, едва видимая тень прошла сквозь стены и темным пеплом осыпалась в прозрачную воду...

Полковник Илья Александрович Усаченко, назначенный на пост областного начальника управления областной полиции несколько месяцев назад — проплывал последнюю дорожку. Он ни о чем особо не думал, единственное, что его занимало — какой будет результат: лучше чем вчера... или хуже?

Внезапно он почувствовал, как его левую ногу что-то схватило. Даже не схватило, а обволокло. И это «что-то», очень тяжелое — поволокло его на глубину. Полковник мощно гребанул обеими руками. Нет, не получается. Страха он не чувствовал. Его же никто не держит, он ни в чем не запутался, просто мышцы очень нестандартно свело. Только через несколько десятков секунд, отталкиваясь руками от кафельного дна — он сообразил, что дело, похоже, куда серьезней, чем кажется.

Сверху раздался глухой «бу-бух». Марьяна, тренер по плаванию, (мастер спорта, между прочим) — сиганула в бассейн, не сразу поняв, что подопечный в беде.

На её лице отразилось изумление — вместо того, чтобы почувствовать силу, которая всегда выталкивала из воды — она почувствовала, явно и совершенно отчетливо, что кто-то, или что-то — тянет её вниз. Причем тянет так, что уже ясно — самостоятельно не выбраться.

Некоторое время два человека барахтались в объятиях под прозрачной голубоватой водой, а потом затихли.

Марат подержал их, прижатых к кафельному дну, еще минут пять, а потом отпустил. Тренерша всплыла почти сразу, а полковник еще долго левитировал в толще воды, словно не желая приближаться к поверхности.

Спортивный центр Евпатий

Через пятнадцать дней после отъезда Глока, в середине сентября Руслан Басов прибыл в центр спортивной подготовки «Евпатий». Молодой человек увидел громадное, обшарпанное здание, а точнее — комплекс зданий, на самой окраине города. Рядом стояли полуразрушенные заводские строения; сразу за комплексом начиналось бескрайнее поле; в трехстах метрах, совсем близко — свистела электричка, громыхали тяжелые составы, гудели тепловозы.

На самом здании красовался огромный баннер с лицом действующего президента. Руслан сначала скривился от негодования, а потом рассмеялся. А что, неплохое прикрытие, дешево, сердито, и наверняка... действительно.

Гостиниц рядом с этой «задницей мира» нашлось аж целых две, каждая в пять раз дешевле, чем, например, в столице. Но гостиничный номер не потребовался. В самом спорткомплексе можно было очень даже неплохо расположиться.

Конечно, если ты приехал посмотреть достопримечательности, попить вина и пива, пощупать за разные места местных дам и дамочек — гостиничный номер тебе просто необходим, а лучше — съемная на несколько дней квартира.

Но Руслан приехал не для этого. Поэтому он вполне комфортно расположился в отдельной комнатухе, в которой из удобств были только две кровати, два стула и стол. И таких комнатух в пристройке к комплексу было штук, наверно, пятнадцать.

Группа состояла из десяти человек. Трое из Калуги, трое из Вологды, трое из Ижевска и сам Руслан — один, из Владимира. Вчера вечером их встретил на входе жизнерадостный квадратный бородатый дядька, сказал называть его «товарищ Тренер», и сразу раскидал всех по местам обитания, выдал ключи. Потом показал где залы борьбы, бокса и тир, где туалеты и душевые, где столовая. Показал карту городка на стене, с точкой и подписью «Вы находитесь здесь», выдал расписание. Спать Руслан лег в два ночи. Подъем — в восемь утра. А первое занятие — уже через час, в девять.

Это было больше не занятие, а вводная лекция. Знакомство «студентов» с «преподавателями».

Их собрали в зале борьбы. Вперед вышел маленький худой человечек, и все уже понимали, что это тот самый товарищ Маузер. Честно говоря, Руслан то и сам видел его второй раз в жизни, больше был наслышан, и сейчас пристально рассматривал во все глаза. Ничего особенного, даже наоборот — все слишком заурядно, что во внешности, что в одежде. Компания за спиной Маузера, так называемый «преподавательский состав» была куда более колоритней.

Почти всех Руслан знал — заочно, по интернету. Квадратный, и при этом высоченный — «товарищ Тренер». Огненно-рыжая, высокая, в обтягивающем сером костюме, идеально подчеркивающим формы — «товарищ Люгер». В коричневой форме настоящего немецкого штурмовика — «товарищ Сенсей». В легкой современной полевой полицейской форме — «товарищ Кандидат». Почти мальчик, в костюме-тройке, с красной бабочкой — совсем юный «товарищ Карл».

— Дисциплина, — вдруг произнес Маузер. — Самое главное наше оружие здесь — дисциплина. Тот, кто будет нарушать дисциплину — для начала будет иметь очень жесткий спарринг, по правилам ММА, в течении трех минут, с товарищем Чемпионом. Над объяснять: что такое ММА, смешанные боевые искусства, переводить с английского словосочетание Mixed Martial Arts, и объяснять понятие: «бой без правил»? Не требуется? Тогда знакомимся с товарищем Чемпионом, — Маузер указал на высокого мускулистого человека, одиноко сидящего на скамейке.

— Товарищ Чемпион действительно является чемпионом мира, в тяжелом весе, по беллаторовской версии ММА. Ваш вес, возраст, навыки, пол и прочая хрень здесь значения иметь не будут. После второго нарушения дисциплины, товарищ Чемпион будет иметь с вами четырехминутные отношения, а после третьего вы отчисляетесь, и мы расстаемся, без обид. Всем ясно?

Десятка «курсантов» молчала. Да, вроде бы пока все ясно.

— Что такое нарушение дисциплины? — продолжал Маузер. — Это неявка на занятие по неуважительной причине. Это несанкционирование распитие спиртного, либо наркотики в стенах комплекса. Несанкционированное попадание в ментовку тоже считается нарушением. Боец революции просто так в ментовку не попадает, всем это ясно?

Не дожидаясь ответа Маузер продолжал:

— Перед нами стоит нереально тяжелая задача, но выполнить ее — в наших силах. В наших общих силах. Но мы тоже хотим знать кто к нам приехал. Поэтому сейчас все возьмут бумагу и ручки, и вы, каждый, напишите о себе. Маленькую характеристику. Бумагу и ручки возьмите на столе, — он указал на стол в углу, на котором действительно все это лежало.

— Взять сейчас! — рявкнул Маузер, не наблюдая никаких движений в рядах «курсантов».

После небольшого хаоса Маузер продолжил:

— Выбирайте удобные вам места, и в течении десяти минут напишите свое резюме из двух пунктов — как вас зовут, и что вы умеете. Желательно написать кратко в каких акциях вы участвовали, или организовывали. Какой результат достигнут вами на пути к вашей идее, или мечте.

Руслан уставился на белый чистый лист. А действительно, как его зовут? Кто он? Для товарищей, для этих странных «тренеров» и «преподавателей».

«Товарищ Руслан» — появились первые слова на бумаге...

Через десять минут Маузер с каменным лицом изучал десять листочков формата «А-четыре».

— Ну что? — сказал он наконец. — Большинство из вас, по вашим же словам — никто. И зовут вас — никак. Мне совершенно не интересно, что там у вас написано в паспорте. Мне не интересно, как вас называли родители, когда вы были личинкой человека, и не могли самостоятельно решать ни-че-го. На самом деле мне интересно — кто вы сейчас?

— Сейчас я вижу трех товарищей, — продолжал он. — Остальные пока — сырой материал. Да, многие пишут, с какого года они в политике. Многие пишут о митингах, о незаконных задержаниях. О раздаче газет и листовок, что никак не противоречит современному закону о распространении информации. Это, по вашему — борьба? Соблюдать закон, который вы ненавидите всеми фибрами души, который мы собрались поменять на совершенно, абсолютно другой закон... — это борьба?

— Ладно, — произнес Маузер через несколько секунд. — Все, проехали... Поехали теперь учиться, как завещал товарищ Ленин. Первое занятие с вами проведет товарищ Тренер.

Занятие началось нестандартно.

— Тренироваться будем по правилам шахбокса, — сказал Тренер. — Бокс и шахматы. Шах, мат и нокдаун. По две минуты раунд. Чередуем в равной степени физические и умственные тренировки.

Их оценивали как бойцов. С самого начала. Без разминки. Кто будет стоять и драться, а кто начнет стонать и причитать, что бокс к марксизму не относится.

— Парни работают отдельно, девочки — отдельно... Надели перчатки... Без разминки, на улице никто вас спрашивать не будет — разминались вы или нет. Что, девочек только одна?

Тренер не сомневался и секунды:

— Товарищ Чемпион, становись в пару... Только защищайся, бить запрещаю.

Руслан, благодаря длинным рукам и довольно высокому росту, достойно выдержал первый поединок. В шахматах они успели разменяться только тройкой ходов.

— Меняем партнера!

Второй соперник дался сложнее. Вологжанин был чуть выше ростом, и руками махал как медведь лапами. На секунду Руслан отвлекся на единственную в их команде девушку. Та воодушевленно лупила товарища Чемпиона руками и ногами. Точнее — старалась его ударить хоть раз. Чемпион легко уворачивался, скользя по полу как заправский танцор, что мало сочеталось с его гориллоподобной фигурой. Руслан пропустил хук в ухо, и с удвоенной силой начал работать противнику в корпус.

— Стоп! Шахматы! Играем!

Теперь Руслану достался совершенно другой стол и соперник. Тут ходов было сделано больше, аж целых пять с каждой стороны.

— Стоп! Спарринг!

После четвертого «раунда» стало совсем худо. Дыхалка, конечно, ни к черту...

— Стоп! Разошлись, — раздалась команда. — Снять перчатки, пять минут перекур.

— Шах и мат! — громко сказал Руслан, подвигая ферзя к вражескому королю.

— Молодец, толк будет, — только и сказал товарищ Тренер. — После отдыха будем учиться стрелять из-за укрытия и ставить нестандартные ловушки...

* * *

После часового перерыва, во время которого Руслан сходил в душ, всех ждало занятие, которое в расписании называлось: «Формирование команды и командные действия»

— Разбейтесь на две группы, — сказал их учитель, с позывным Сенсей и странными длинными шрамами на горле. — По пять человек. Как разбились — выбирайте капитана. На всё про всё — семь минут. Не надо умных лиц и глупых вопросов. И наоборот тоже не надо. Через семь минут жду: две команды по пять человек. И двух капитанов. Капитаны обязательно должны быть. Задание ясно?

Не дожидаясь ответов, Сенсей скомандовал:

— Выполняйте...

Ровно через семь минут Сенсей отвлекся от изучения своего смартфона.

— Разбились? — он улыбнулся. — Хорошо. Первая команда — вот ваш стол. Вторая — вот этот, соответственно, ваш. Капитаны, поднимите руки. Ага, молодцы. Теперь все, кроме

капитанов, будут говорит — почему они выбрали капитанами именно этих людей... Или, наоборот, говорить, аргументированно... почему ваше мнение по капитану не совпадает с мнением команды...

Руслана, к его изумлению, выбрали в капитаны второй команды. В подчинении у него оказались вся тройка из Вологды и один парень из Калуги. Ижевск держался крепко — их «тройка» даже не обсуждала разьединение, просто объявив, что им нужно «еще два человека». Капитана они тоже выбрали заранее. Им стал молодой человек с залысынами, сразу ясно — текущий идейный лидер.

— Давайте начнем, — Сенсей потер руки. — Итак, члены команды по очереди объясняют, почему это ваш лидер. И начнем, пожалуй, с единственной в нашем обществе девушки.

Девушка, которая представилась как «товарищ Белка» и сейчас находилась в команде Руслана, откинулась на спинку стула и начала:

— Вообще я была против назначения Руслана на пост капитана. Я вообще считаю, что раз наша вологодская команда в большинстве, в этой пятерке, то и капитана нужно выбирать из нас... Я считаю, что Александр... — она указала на молодого человека справа от нее, — ...куда больше подходит на роль капитана.

— Да, мы все услышали, — жизнерадостно сказал Сенсей. — Далее, следующий в команде...

Руслан слушал, да не просто слушал, он впитывал каждую каплю информации. Вот это именно то, что он давно хотел знать. Здесь и сейчас происходило то, чему никто другой никогда не научит. То, что происходило, настолько разительно отличалось от других курсов, уроков и лекций, что становилось не по себе. Как будто в тебя знания впихивают. Нет, не так, просто внутри тебя был огромный, ничем не заполненный карман, в который сейчас что-то вкладывают. И даже такое впечатление что ты оружие, просто не осознавал этого, и кто-то очень уверенно взял это, и придирчиво осматривает, заряжает, чистит от ненужного.

Меж тем, Сенсей последовательно выслушал все восемь мнений «рядовых», и, снова потирая руки, начал:

— В общем так, товарищи. Ваши мнения, конечно, очень интересны, — он выждал паузу. — Но никакого значения уже не имеют. Вы выбрали командира. Того, кому готовы подчиняться. Вы, совершенно добровольно, даже голосуя против, передали ему власть. И теперь он, — палец Сенсея уперся в Руслана. — Ваш командир. Он имеет право отдавать приказы. И вы обязаны их исполнять. Это было не задание. Это был тест. Вы, как бойцы Революции, должны поступать именно как бойцы, как рядовые под началом командира. Некоторые из вас показали сейчас, что они не доверяют своему командиру. Командиру Революции.

Сенсей снова выдержал паузу в тишине.

— Более того, товарищ Белка, это относится к тебе, если ты в команде, и тебе нравится..., - Сенсей выделил слово «нравится», — ...другой капитан, то это тоже не очень хорошо. Ты действовала на основании чувств, хотя аргументировала их.

— Ты... — голос Сенсея приобрел железную твердость — Ты — боец. Ты держишь ответственность за собственное мнение. Не за мнение товарища Александра. Только за собственное. Ты можешь предложить и настаивать на своей кандидатуре. Но в ограниченных условиях, например по времени, ты обязана подчиниться мнению большинства, в которое, кстати, входит и мнение «товарища Александра».

— Товарищ Александр из Вологды, — голос Сенсей потерял стальную твердость звящего железа, и стал шутивым. — Ты в курсе, что выбрал позывной Фиделя Кастро?

— Ладно, — оборвал Сенсей намечающиеся улыбки. — Дальше. Следующее задание. Представьте, что каждая из ваших команд находится на гигантском контейнеровозе. Вы идете по океану. Там, на вашем контейнеровозе, есть — всё. Реально — всё, с двумя точками над буквой «ё». Но вот беда — ваш корабль — тонет. Безвозвратно, вариантов нет. У вас есть только баркас, на котором можно спастись. Вы ровно посередине..., - Сенсей как будто задумался, — ...посередине Индийского океана. До ближайшей суши в виде острова — тысячи километров. У вас есть две минуты, чтобы предоставить мне список предметов, которые вы возьмете с собой. Время пошло!

— Я не подведу, — вдруг сказал Руслан, глядя прямо в глаза Белки. — Ты... ты комплектуешь список продуктов. Ты, — скомандовал Руслан обращаясь к соседу справа. — Все что необходимо баркасу в плавании. Ты, — теперь уже сосед слева, — что необходимо для связи и безопасности. Десять предметов. Ты, Александр, — медицинские средства, средства для удобства и техническая поддержка. Поехали!

— Сало. Сухари в пакетах. Картошка. Консервы, мясные в основном, рыбу наловим, — скороговоркой начала говорить Белка.

— Записывай, — рявкнул Руслан.

— Ракетница, флаг, рация, батарейки, генератор, аккумуляторы, оружие, — это сосед слева.

— Дымовые шашки, фонарик, патроны, веревка, бинты, лекарства, — бубнило справа.

— Записывайте!

— Одежда, резина, клей, сварочный аппарат, спаскруг, пиво и вода в герметике...

— Записывайте!

— Время, — поставил точку Сенсей.

Потом он взял оба списка, взвесил их на руках.

— Ну что, товарищи. Объясняю смысл данного теста. Как вы понимаете — задача идиотская — я заставил вас побыть в нереальной, причем сильно критической ситуации.

— Но! — Сенсей поднял указательный палец вверх. — Каждая команда должна была показать, сколько выходов у нее есть из данной ситуации, и сколько ресурсов и вариантов они готовы для этого привлечь. Говоря человеческим языком — чем больше список на бумажке — тем более продуктивна команда на варианты действий, потому что каждый предмет — это предполагаемое действие.

Сенсей потряс в воздухе двумя листками бумаги. На одном из листочков было написано едва ли пять-шесть слов. На втором — несколько десятков.

— Надеюсь, вы сделали какие-то выводы из того, что сейчас произошло, — сказал Сенсей. — Теперь, когда вы попытались фактически создать команду — вы должны понимать кое-какие факторы. Которые необходимо учитывать для создания и существования вашей будущей команды. И я надеюсь, вам это поможет, в будущем...

* * *

Занятие по риторике вел «товарищ Кандидат». Он был бывшим полицейским, получил академическое образование и двадцать пять лет тянул лямку обычного участкового в захолустье. У него были определенные принципы, он и в «органы» то шел, чтобы служить обществу, оберегать закон и порядок. И эти «органы», общество, закон и порядок за время его службы несколько раз менялись, причем кардинально, иногда — в полном разрезе с его

устойчивыми жизненными принципами.

Он долго смотрел на каждого из них, а потом начал:

— Каждый из вас всю жизнь учился говорить. Сначала вас учили родители. Потом вас учила школа. Что-то добавила улица. Некоторые из вас прошли специальные курсы. Вы всю жизнь слышите слова. Всю жизнь говорите слова. А говорить так и не научились. Вас не слушают. Вас не хотят слушать. Вы никому не интересны. Священники говорят одни и те же слова, сотни раз, иногда не отступая ни на йоту от Писания. Говорят непонятно. Но их слушают. А вас — нет. Почему? Кто-нибудь может мне сказать, почему вас, носителей передового учения — никто не слушает?

Один из ижевцев взял слово:

— Во-первых, у наших товарищей очень слабая теоретическая подготовка. Некоторые не владеют даже базисами. Нет понимания технических, обывательских моментов, слабые знания предмета, о котором он говорит...

— Во время последней революции огромная масса большевиков вообще была безграмотна, и не читали не то что Ленина-Сталина, но и Маркса. Некоторые из них всю жизнь дальше своего завода не были. Однако они приезжали, приходили, говорили, и люди их слушали. Они брали власть над броненосцами, над командой, в которой были десятки и даже сотни офицеров, специально подготовленных людей, которых учили командовать чуть ли не с пеленок. А вы, неужели кто-то думает что священника слушают, потому что он знает и постиг все тайны Священных книг, и стал величайшим специалистом в религиозной области?

— Никто не учит современных марксистов, все на самообучении, — продолжал ижевец.

— Нельзя научить, можно научиться. Можно прочитать инструкцию, и поняв основные принципы — тренироваться, тренироваться и тренироваться, как завещал Ленин, то есть учиться, учиться и учиться. И, уже научившись, можно применять свою речь как самое мощное оружие убеждения. Почему современные революционеры вместо того, чтобы учиться пользоваться оружием — продолжают разбирать и оспаривать преимущества и недостатки автоматов? Продолжают спорить что лучше — АК-47 или АК-74, вместо того чтобы пользоваться ими, этими передовыми достижениями огнестрельной техники?

Руслан почувствовал, что возражать ему не хочется. Просто не хочется — и все. Было нечто такое в словах Кандидата. Убеждение? Превосходство? Нет, говорил он ровно и спокойно.

— Мы с вами узнаем сейчас основные принципы революционной речи. Их, честно говоря, всего три штуки. А если совсем честно, то всего один. Попрошу это усвоить. По сути, мы сейчас научимся выступать. Все услышали это слово — «выступать»? И выступать вы будете много, часто, со сцены, с трибуны, с броневика... Но так или иначе ваше слово должно быть ценней всех остальных слов. Вы не разговариваете. Вы не обсуждаете проблемы. Вы стучитесь в сердца и заполняете разум. Вы поете...

Кандидат снова сделал паузу.

— А теперь скажите мне, кто в современном мире, в нашей стране самый талантливый оратор? Ну, смелей. Кто из наших политиков сделал себе репутацию своими публичными выступлениями?

— Джиржиновский? — предположил один из ижевцев.

— Совершенно верно. Если бы Джиржиновский не играл роль клоуна, не городил бы чуши, без противоречий в своих словах — то он мог бы легко и феноменально быстро

добраться до самой верхушки...

— Так он и так на самой верхушке...

— Почти, — сказал Кандидат. — Но не совсем. Он играет роль шута. И шут этот очень опасен. И как вы знаете, многие люди верят ему. Голосуют за него. Хотят, чтобы он стал настоящим лидером. А не шутом. Хотя в одной речи он прокликает..., например коммунистов. В другой — их же превозносит до небес. То есть противоречит сам себе. А его все равно слушают. Его ахинею — слушают. Как это получается?

— Он орет громко, — засмеялся ижевец. — И руками размахивает.

— Давайте посмотрим как именно он громко орет, и чем именно размахивает. Сначала я расскажу, а потом все вместе будем смотреть, — Кандидат указал на экран телевизора у него за спиной.

— Итак, первое правило. Когда певец поет, он попадает в ритм. Ритм музыки, заставляет биться, сердце человека, в такт самой музыке. Но вы оратор. У вас нет музыки. Вы создаете ритм, своими словами.

Кандидат подошел к доске учебного кабинета и написал большими буквами: «Ритм».

— Какой пример? Например, ать-два. Ать и два. Или: раз, раз, раз два три... Ктонибудь чувствует ритм в моих словах? Это ведь просто слова. Никакой музыки. Только слова... Теперь все вместе, повторяем: раз, раз, раз-два-три!

И Руслан, неожиданно сам для себя, повторяя эту дурацкую строчку, услышал ритм, попал в такт и сам для себя понял, что тело само, словно подобралось под эти звуки.

— Раз. Раз. Раз-два-три...

— Быстрее! Еще быстрее — выкрикнул Кандидат. — Раздватри!

Руслан ускорился и заметил, что непроизвольно улыбается.

— А теперь — медленней, еще медленней. Рааз. Рааааз. Раз... два... три. Продолжаем Вы чувствуете? Одни и те же три слова в разных ритмах заставляют вас: либо искать выплеск энергии... либо усыпляют. Одни и те же слова. Только ритмы — разные. Запомните, революционный оратор обычно пользуется одним ритмом. Он простой, маршевый, называется еще «размер три четверти». Революционер не несет особой истины. Не обрисовывает ситуацию. Он, как полководец, поднимает людей, перед боем, заставляет их, встать и идти. Заставляет их, почувствовать, что им, просто необходимо, встать и идти. В голосе революционера, люди должны слышать, бой барабанов, и зов трубы, в революционере они должны видеть, полководца, который точно знает, что надо — встать, пойти, и победить. Чувствовать сердцем. Понимать разумом. Ни смотря ни на что. Вопреки всему. Победа или смерть!

— Раз. Раз. Раз. Два. Три.

— Все, замолкли, — приказал Кандидат. — Слушаем дальше. Правило второе. Ритма недостаточно. Человек должен прочувствовать, что тот, кто перед ним — имеет право управлять. Что тот, кто перед ним — истинный лидер, сильный, мощный, решительный, которому приятно даже подчиняться. И кому подчиняется человек? Слабости? Густому басу? Пронзительному тенору? Нет, конечно. Человек подчиняется силе. И когда революционер говорит — другие чувствуют эту силу. Хотя он с виду и хлюпик, и вообще инвалид, рука у него отсохла, и оружия то у него нет, и вообще он сам стоит перед расстрельной командой. Но именно он здесь сила, он имеет право командовать. Как этого добиться?

— Я, кажется, задал вопрос — как добиться, чтобы люди пред вами слышали силу в ваших словах? — повторил Кандидат.

— Что, порычать на них? — неуверенно спросила Белка.

— Именно, молодец, — Кандидат широко улыбнулся. — Вы нажимает на букву «эр».

Выглядеть это должно так естественно, как естественно выглядит хищник. А любой хищник — это обычно верхушка какой-то своей пищевой цепочки. И у него есть зубы. И он всегда готов кого-то сожрать. Он всегда готов вступить в бой. И он разговаривает с рычанием. Поэтому, для того чтобы быть революционным лидером уровнем повыше любого либерала, любого офицера, любого человека с деньгами, связями и даже властью — вы своей речью показываете, кто тут именно стоит на вершине пищевой цепочки. Вы показываете — кто именно имеет право командовать. И людям, кстати, нравится, когда ими командует не какая-то размазня, а человек осознающий себя силой. Потом мы слушаем речь не только Джиржиновского, но и других, и зачастую вы не поймете ни слова из сказанного, но даже закрыв глаза, вы почувствуете что на трибуну взобрался человек-лев и зовет вас, других человеко-львов, за собой. И вы захотите стать таким львом и подчинятся первому, самому сильному...

— Да Ленин и Троцкий вообще картавили, — сказал кто-то сзади, опять, кажется, из ижевцев.

Кандидат чуть задумался, а потом продолжил:

— Да, все правильно, картавили, и поэтому буква «эр» самопроизвольно выделялась в их речи... Ну и третье правило, которое необходимо знать и применять революционному оратору — это правило повышения интенсивности речи. То есть вы искусственно повышаете накал каждой своей последующей фразы. Очень грубо говоря, вы и речь то произносите куплетами, и каждый куплет — новый виток накала, каждый припев снова и снова повышает интенсивность, вбивает слова прямо в голову, заставляет их слышать даже когда вы закончили говорить, вертится в голове, зудит и не дает уснуть, обычные слова, превращаются в крылатые фразы, которые запоминаются на всю жизнь.

Лектор снова замолчал, выжидая паузу.

— Обладая и развив в себе даже основы революционного ораторства, — продолжил он. — Вы не сможете никому и ничего продать. Вы не продаете, потому что вы не продавец. Вы не убеждаете, и не успокаиваете, как психотерапевт. Зато сможете поднимать людей на великие дела, на борьбу, на бой, забыв себя, отбросив страх, идти на смерть за победой... А теперь соединим все три правила, и воспользуемся просто нашей фразой — «раз-два-три». Слушаем.

Кандидат откашлялся:

— Рраз. Рраз. Рраз. Два. Ттри.

Колыхнулась трава. Скрипнула дверь. Небо чуть потемнело.

— Раз. Рраз. Раз, два-три!

Где то далеко заворочалась стихия. Она еще только набирала силу, и отчаянно стелились вдоль земли ласточки...

— Рраз! Рраз! Раз-два-три!

Сверкнула молния, ветер набирал силу и деревья тревожно зашелестели, почуяв бурю...

— Раз!

— Раз!!

— Раз! Два!! Три!!!

Огонь и шквал... мать его так...

День второй

Утро следующего дня началось аналогично — с тренировки у Тренера.

На этот раз, после короткого спарринга, они изучали как вести себя в боевых условиях.

— Вам необходимо выработать в себе рефлекс, — важно и громко говорил Тренер, проходя мимо шеренги. — Падать на землю при любом звуке выстрела, а тем более взрыва. Лучше сто раз испачкаться, чем один раз умереть. Никакая одежда, даже самая дорогая, не стоит вашей жизни. Во время войны, уже на второй день на улице валяется гораздо больше оружия нежели есть людей, способных его держать. Остальные умерли по глупости. У них не было таких рефлексов. Они стояли во весь рост, с разинутыми ртами, под пулеметным огнем. И также, с разинутыми ртами, и умерли. Сейчас я включу вам запись боя. По эту запись вы будете бегать по кругу. Как только раздастся звук выстрелов или взрыв — падаете. На звуки сирены, дикие крики и прочее — реагировать не надо, никакая сирена вас не укусит... Побежали.

Это было не так-то просто, как показалось вначале. Оказалось, что упасть на землю, вжаться в пол, тем более в группе новичков, которые обалдело крутят головой и не собираются падать, когда застучал автомат — не так то просто.

— Далее, — сказал после такой бурной разминки Тренер. — Мы будем учиться стрелять. Не в стойках, а в нестандартных ситуациях. Итак, самая обычная стандартная, то есть нестандартная ситуация. Вас окликнул вражеский патруль. В патруле обычно три человека. Хорошо, если вы далеко, а у них только пистолеты. Тогда можно сбежать. Но практика показывает, что обычно встречи с летальным исходом происходят «нос-в-нос». И у патрульных — самые настоящие, полностью автоматические стволы. Для этого давным-давно, те самые товарищи большевики и эсеры разработали определенную тактику. Она очень простая, описана, кстати, в мемуарах у Савенкова. Во-первых, если вы на чужой территории — вы носите пистолет не в кобуре, а в карманах. А еще лучше два пистолета. И не в карманах брюк, а в карманах пальто, или куртки.

— Во-вторых, — продолжал Тренер, надевая на себя несуразное пальто, и распахивая пистолеты по карманам. — На этом пальто или куртке обязательно должен быть нагрудный внешний карман. В этот карман вы кладете любой документ, удостоверяющий вашу личность. Так, все готово... Товарищи ижевцы, возьмите вон там в углу макеты автоматов, и представьте что вы — патруль.

— Так, — гаркнул Тренер. — Мы прогуливаемся, и встречаемся нос к носу. Наводите на меня свои пушки, и кричите: «Стоять!»

— Стоять! — выкрикнул один из ижевцев.

— Стою! — тонким и сиплым голосом отозвался Тренер, а затем смешно и неумело поднял свои лапы вверх, как можно выше. — Стою! Не стреляйте! Я врач! Я хирург! Я не понимаю что происходит, у меня четверо детей, и мать! Вот мои документы. Посмотрите на мои документы!

Оставляя одну рукуверху, тренер потянулся к нагрудному карману, вытащил оттуда зеленую книжицу.

— Вот, — он сделал шаг к «патрульным».

— Вот! — еще шаг.

— Смотрите, — еще шаг, и он передал свою книжицу «патрульному», который был посередине.

— У меня есть пропуск из комендатуры, что я могу передвигаться в комендантский час, мне выдали специально, я же врач, вот он, здесь, — Тренер похлопал себя обеими руками по груди. — Нет... вот здесь... я его сюда положил...

Обе ладони Тренера исчезли в боковых карманах пальто. Потом карманы оттопырились.

— Бах! — нормальным голосом сказал Тренер. — Кто сбоку — могут падать.

Центральный «патрульный» судорожно выронил книжицу-документ и потянулся к автомату.

— Бах, — еще раз спокойно произнес Тренер. — Все трупы. Всем спасибо за участие... А теперь, по очереди, оставшиеся полчаса мы посвятим расстрелу патрульных...

* * *

Второе занятие вела товарищ Люгер.

Она появилась внезапно, никто не смог даже уловить момента, когда она возникла в помещении. Никого не было — и вот она стоит, разглядывая всех насмешливыми голубыми глазами, чуть покачивая бедрами, кажется, что совершенно незаметно и непроизвольно, но это не так...

— Конспирация, — наконец с тихим придыханием промурлыкала она, опираясь на парту. Руслан оторопел. Такое впечатление, что все мысли вылетели из головы, и кружатся над мозгом, как мотыльки над фонариком.

— Или, если сказать по-иному — безопасность жизнедеятельности. Как вам такое название? — женщина потянулась длинным гибким телом, чуть тряхнула волосами-гривой и ослепительно улыбнулась.

— Хватит пялиться, — продолжала она, продолжая улыбаться, но все в ее голосе говорило совершенно обратное:

«Смотрите на меня внимательней, и не отводите взгляда, я разрешаю».

— Какое самое главное правило конспирации? — снова спросила она, всё тем же тихим вибрирующим голосом.

Тишина в ответ. Руслан и сам чувствовал, что в горле у него пересохло. Да он сейчас и слова не может сказать, а если и попытается — то (он был уверен) — все его слова прозвучат как мышинный писк перед этой большой, красивой и мягкой кошкой.

— Самое главное правило конспирации, — продолжала Юта тихо и вкрадчиво, и каждый звук пробирал до самых печенок. — Если прячешь дерево — прячь его в лесу. Песок — в пустыне. А воду надо прятать в океане.

— Начнем с самого начала! — голос приобрел обычную резкость, вкрадчивые нотки исчезли. Руслан с трудом заблокировал в себе желание встряхнуть головой. Его словно бревном по голове шарахнули. А сосед по парте так и сидел с раскрытым ртом, и чтобы привести парня в чувство, Руслан ткнул его локтем.

— Надеюсь, про важность псевдонимов и позывных вы поняли. Как и про важность жаргона, — продолжала Юта совершенно нормальным голосом. — Если вы этого не поняли — пеняйте на себя. Теперь поговорим о том, как неестественные вещи делать совершенно банальными. Что привлекает внимание? Четыре парня темной ночью, сосредоточенно куда-то шагающие — несомненно привлекут внимание. Особенно если они в камуфляже и разными предметами в руках. А вот парочка влюбленных, бредущие со скоростью черепахи, скорее всего выветрятся из памяти, как только исчезнет из поля зрения. Это понятно?

— Да, понятно, — прогудел кто-то сзади от Руслана.

— И, пожалуй, второе правило, которое вы должны усвоить: никому и никогда не доверяй. Не просто тупое недоверие, а постоянные проверки. Чтобы попасть в Штурмгруппу, человеку мало желания, и даже профессиональных качеств. Ты должен заслужить доверие своих товарищей. Для этого надо пройти три ступени доверия. Три как минимум, хотя можно и больше. В свое время очень радикальные ребята с ходу предлагали новичкам очень жесткие проверки. Например — убить человека с мешком на голове. Патроны могли быть холостые, а могли быть и настоящие. И психика человека в большинстве случаев может не выдержать. Потому что новичок не только должен заслужить доверие, но и сам доверять вам. Первая проверка — это обычно самое безопасное деяние, за которое даже штрафа не дадут. Расклеить листовки. Прекрасное задание. Человек справился — значит уже молодец. Вторая ступень — это уже административная ответственность. То есть человек сознательно нарушает закон, за что его ждет штраф или несколько суток в камере. Привести примеры административных нарушений. Нет, не надо?

— Хорошо, — сказала Люгер после паузы. — А что же третья ступень? После которой человек имеет право сам назвать себя, выбрать себе новое имя, и стать оружием Революции. Наверно, это уже деяния, подпадающие по Уголовный Кодекс? Все становится уже гораздо серьезней...

— Что я вам скажу, ребята, — голос Юты становился все жестче и суровей. — Однажды взрослого и серьезного парня послали на железную дорогу, с куском мыла и примотанным к нему нерабочим мобильником. Парня взяли прямо на месте. Надели наручники, мешок на голову. Привезли в это помещение. И сказали ему, что это было вовсе не мыло, а мобильник — очень даже рабочий. Два раза двинули по печени. И парень рассказал все. Вообще всё. Что знал, и о чем просто догадывался. Потом с него сняли мешок, и я посмотрела ему прямо в глаза. И больше я его никогда не видела, и видеть не хочу.

— А знаете, почему это произошло? — резко спросила Юта. — Это произошло, потому что он не придумал себе ни легенды, ни алиби. Надо всегда думать. И лучше — думать заранее. А что нужно было говорить? Товарищ Руслан, что нужно было говорить в таком случае?

— Ну, наверно..., не знаю, — проблеял Руслан.

— Я не я, и лошадь не моя, — прочеканила Юта. — Я шел вдоль железной дороги. Увидел человека, который возился на рельсах. Он был в перчатках, и что-то прикапывал. Меня это напрягло. Я дождался, когда человек уйдет с путей, и бегом бросился туда. Нашел эту штуку, вытащил ее. И тут меня скрутили!

Юта выдержала паузу.

— Вот, — произнесла она жестко. — Вот о чем вы должны подумать, прежде чем что-то делать. Это и есть безопасность вашей жизнедеятельности. И когда это до вас дойдет — вы будете неуязвимы. Умный, думающий человек за решетку не попадает. Он остается в строю и продолжает работу во благо идеи и Революции.

— У меня всё, все свободны...

Через час, который им выделили на отдых и обед, всё в том же учебном классе их ждал «товарищ Карл». Было видно, что этот совсем еще молодой человек здорово волнуется.

— Здравствуйте, — решительно произнес Карл, как только все заняли свои места за партами. — Я здесь являюсь специалистом по... скажем так... теории и вообще, скажем так, научным теоретиком. И я бы хотел вам объяснить, что собственно говоря, происходит. Как

вы думаете, эти курсы, которые мы проводим, они полезны для вас?

— Да вообще крутяк, — чуть не выкрикнул длиннорукий вологжанин, который опять сидел рядом с Русланом. — Жесть. Я тут за день научился больше, чем за все время пребывания в коммунистической партии.

— В так называемой коммунистической партии, — поправил его Карл. — У вас не создавалось последнее время ощущения, что другие слишком много отводят внимания теории? При этом, я вот сам встречал много разных людей. С разными идеологиями, видел закоренелых сталинистов и ленинцев, знаком не по наслышке с троцкистами, с маоистами, с анархистами и прочими. И я не могу сказать что они — революционеры. Они прекрасные теоретики, замечательно ориентируются в разнообразной литературе, некоторые могут цитировать наизусть. А как применять на практике — никто не знает.

— В чем особенность теоретической подготовки революционера, в частности как бойца революции? — спросил как будто сам себя Карл. — Давайте попробуем найти ответ, например, у крупнейшего практика и теоретика революционного движения. У Ленина. Как вы считаете, что Ленин подразумевал под теоретической подготовкой революционера? Давайте вспомним, считал ли Ленин теоретической подготовкой революционера — изучение марксизма? Как думаешь, Руслан?

Не сказать чтобы Руслан растерялся, конечно он совершенно не читал все труды Ленина, и уж тем более не помнил их наизусть. Поэтому он решил играть ва-банк.

— Нет, не считал, — сказал Руслан твердо.

— Совершенно верно, — подтвердил Карл. — Изучение марксизма и вообще каких либо вопросов идеологии не входит в подготовку революционера. Полное собрание сочинений, том одиннадцатый. К теоретической подготовке относится: изучение военных наук, ознакомление с военными вопросами, чтение рефератов по военным вопросам, приглашение на беседы военных, чтение, разбор и усвоение нелегальных брошюр и статей в газетах об уличном бое. Об уличном бое! — громко повторил Карл. — Если у Маркса есть литература об ведении боевых операций — ее тоже можно изучить, но в данном случае — Маркс не является специалистом, и уж тем более — авторитетом.

— Но мы с вами сейчас не ведем уличный бой, тем более что товарищ Тренер вам об этом расскажет куда лучше меня, — продолжал юноша. — Сейчас мы поговорим все-таки о теории. Мы с вами теоретически смоделируем ситуацию, в которой вы окажетесь после того, как в Москве путем вооруженного восстания власть перейдет в руки социалистов. Итак, свой город каждый из вас хорошо представляет. Теперь нужно будет представить что в теории нужно будет сделать каждому из вас, когда такая новость придет из Первопрестольной... Начнем с самого важного — с ресурсов...

* * *

Вечер воскресного дня. Осень уже в полном праве заявляет свое превосходство. Промозглый мокрый воздух лежит туманом, но около костра тепло и уютно. Вся десятка «студентов» находилась тут же. Кроме них рядом с костром сидел Тренер, Кандидат, Сенсей и Маузер. Все негромко переговаривались, кто-то что-то рассказывал, на углях жарилось мясо и огромный жбан с пивом переходил из рук в руки.

— Обратно поедете на машинах, — сказал Марат. — Через пару часов подъедут машины и развезут вас по домам. Инструкции все забрали?

— В Вологду? — спросил голос из темноты.

— Ну это по любому быстрее, чем отсюда вам ехать на поезде до Москвы, а потом

только в Вологду, — усмехнулся Марат.

— И вот еще что, ребята, скажу вам один раз, и хочу чтобы до всех дошло сразу и в мозг. Вы видите, что у нас теперь есть средства. Вы видите, что у нас есть сила. Наверно, вам говорили... либо товарищ Колыт, либо Глок..., что произойдет после их отъезда, и что произошло...

Да, Руслан помнил последние напутственные слова Глока, и сколько было паники, когда, как он и предсказал — один за другим при непонятных обстоятельствах скончались глава областной полиции, и глава местной федеральной службы безопасности.

— Представьте на секунду, что у нас есть теперь и связи. Очень серьезные связи. Которые нам регулярно, скажем так, докладывают об обстановке на фронтах. Прямо с фамилиями. Кто, что, где и как — все это мы теперь знаем. И если кто-то из вас расскажет что тут происходит, то... лучше просто никому не рассказывать. Просто делайте свое дело. А если и спросит кто, кому этого лучше не знать — так и скажите, скукота, два дня Плеханова изучали и этого, как там его... черта...

— Каутского, — подсказал кто-то насмешливо.

— Вот, точно, Каутского! — повторил Марат киношную фразу, и засмеялся вслед за всеми.

Народовольчество

Люди прибывали постоянно. Уже через неделю от в спортцентр за день приезжало по двадцать, тридцать, а потом и сорок человек. Это были те, кого пригласила Юта. Благодаря своим способностям обрабатывать одновременно бессчетное количество каналов информации, она вычлняла из соцсетей, да и вообще из всего интернета людей с нужным складом ума и правильной идеологической направленности. Связывалась с ними — в беседах, в личной переписке, по телефону... Да-да, смешно подумать, что в наш век повальной мобильной телефонизации твой действующий номер телефона можно утаить. Беседа обычно была очень короткой.

— Здравствуйте. С вами связался представитель центра социалистической подготовки "Евпатий". Вам удобно разговаривать... Хорошо... Специалисты нашего центра по открытым данным определили что вы являетесь приверженцем социалистических и коммунистических идей... Это правда?... Хорошо. Мы предлагаем вам пройти курс практической подготовки. Курс займет два дня, в любое удобное для вас время, оплачивается проезд, и выплачивается стипендия. Десять тысяч рублей. Стипендиальные средства переведутся вам после того, как от вас будет получен положительный ответ. Если вы не приедете на указанный срок — средства будут отозваны обратно. Как с вами можно дополнительно связаться?... хорошо, вам необходимо заполнить анкету, в ней указать способ передачи вам средств, и отослать по обратному адресу... анкета выслана... да, желательно номер кредитной карты, электронного кошелька или любой другой мгновенный способ. Спасибо, до встречи в нашем центре подготовки...

Неожиданно для себя Марат обнаружил, что люди, которые были сейчас рядом с ним — действуют прекрасно самостоятельно и без всяких приказов и распоряжений. Тренер, Кандидат, Сенсей и Карл полностью взяли на себя работу по встрече и обучению новичков. Им помогала Ира Овод вместе с Магнумом. Эти двое уже работали по направлению "повышение квалификации". То есть с теми, кто уже прошел первичное обучение, и должен был вернуться вторично. Ира взяла трех заместителей, так как сейчас находилась сейчас сразу на двух должностях: начальника кадрового отдела и главного-бухгалтера в огромном торговом центре. Сама же для себя ввела свободный график, и успевала, казалось, везде. Энергия ее была просто неистощима. Она удивительным образом видела — получится из человека толк, или нет?

Между тем финансовые ресурсы таяли как снег весной под теплым дождем. Из четырехсот миллионов, половину из которых Марат взял в отделении Центробанка, а другую половину — просто скопировал из первой в редупликационном аппарате — оставалось всего ничего.

Маузера это не сильно беспокоило — он просто "взял" следующее отделение Центробанка, только уже побольше, в городе-миллионнике. И не двести миллионов рублей и сорок тысяч единиц иностранной валюты — а полмиллиарда, и сто тысяч. Здание, естественно, сгорело. Тоже со взрывом, но на этот раз был не фугас с бензином, а обычный газ. Который медленно наполнил помещения — из котельной, пристроенной к зданию. Свою роль сыграло и наличие огромного бумажного архива рядом с хранилищем денег. Такого пожара не должно было быть, слишком малый приток воздуха, но от температуры тлеющей бумаги «вдруг» обвалились стены и потолок. Пламя взметнулось чуть ли не на сотню метров. Несколько пожарных погибло. "Млядская случайность" — как сказал на камеру местному телевидению один из командиров спасательных расчетов. Эта фраза в эфир, конечно не пошла, но в принципе отражала все выводы, сделанные всеми спецкомиссиями, побывавшими на месте происшествия.

В это же время Юта самостоятельно начала формировать экономический отдел. На самом деле его следовало бы назвать отделом экономического саботажа. Работало там сначала всего два человека, молодые выпускники экономического факультета. Но уже через месяц количество участников выросло до двух десятков, и продолжало увеличиваться. Юта зарегистрировала какой-то офшорный «Фонд помощи спортивным организациям», а затем запросила у юридического отдела специалистов по банковскому, таможенному и налоговому праву.

Северин, который теперь постоянно работал только и исключительно с Красной Армией, быстро нашел нужных специалистов.

Затем она получила лицензию на банковскую деятельность. Так у них появился Первый Советский банк. На вопрос Марата — а откуда средства? — Юта объяснила, что она сейчас может создать в любой финансовой системе и программе любое количество денег, в любой валюте.

Никто и никогда не сможет догадаться, проверить и установить — как они появились.

Марат сначала оторопел, а потом тоже махнул рукой. Ну, действительно, какое вообще им дело до международной финансовой системы в целом, и отдельных банков и банковских

программ в частности? Как он понял, Юта могла сама, без помощи каких либо операторов, кассиров и директорских решений — подключится к любому банку, вносить любые изменения в его финансовую деятельность. Просто сама создавала счёт, зачисляла не него любую комбинацию цифр с любым количеством нулей, и переводила их в другой банк или фонд. За несколько секунд. При необходимости уничтожала все следы своего пребывания в банковских программах...

Системы защиты? Да вы, наверно, смеётесь?

— Нам потребуется какое-то присутствие в реальных производствах? — спросила она как-то у мужа.

— Обязательно нужно будет собственное аэрокосмическое предприятие. Также крупная строительная компания, даже несколько. И, конечно, электромеханическая область. От производства компьютеров и телевизоров до электромоторов и пьезозажигалок, — выдал Марат уже давно готовый пункт плана. — Но как?

— Товарищи китайцы, как я понимаю, уж лет пять находятся в состоянии финансовой войны с господами капиталистами. И господа жёстко проигрывают товарищам. Не просто проигрывают, а с треском, они даже не понимают как и чем в этой войне они могут воевать. Ну прям как ты с Солярисом...

— Что? — усмехнулся Марат. — Все наши господа китайские миллиардеры и их детишки оказались просто ширмой? Чтобы к самому государству не было претензий в прямом вмешательстве в чужую экономику? Да, трудно было поверить, особенно когда ответ лежит прямо на поверхности.

— Ну, в общем... нет никаких "китайских миллиардеров", — подтвердила Юта. — Это обычные коммунисты, служащие, в должности примерно директора колхоза, присматривают за производством и деньгами, до пенсии. Они, при необходимости, либо прижимают свое производство, либо ускоряются, четко по командам сверху. Качают с любой биржи маржу как насос. Оно и понятно, если у тебя есть данные на ближайшие месяцы, а может и годы — где производство упадет, а где поднимется.

— И какой объем качает этот насос? — поинтересовался Марат чисто из интереса.

— Когда как, — пожалала плечами Юта. — В среднем от одного до десяти миллиардов долларов в день.

— Немного, — оттопырил губу Марат.

— Зато постоянно, и без осечек. Сам понимаешь почему Китай без особого напряжения вышел на первое место по всем параметрам. Вообще по всем. И господа очень хорошо понимают, что потом произойдет. Всем захочется жить также. И ничего сделать нельзя... Чтобы это прекратить, надо закрыть биржи, и отменить выпуск акций. То есть — вообще, и скорее всего — навсегда. Господа сейчас изо всех сил готовятся к большой войне. К очень большой, настоящей войне...

Марат хмыкнул. Вот такая «блин-банан-нафиг»... война? Жизнь висит на нитке, а думают о прибыли...

— Вот пока это и сделаем ширмой. Если кто спросит, конечно, — сказал он наконец. — Будем искренне считать и рассказывать другим, что наше благосостояние базируется на данных, которые нам эксклюзивно передают китайские товарищи.

— Ну если честно, то так оно и есть, — добавила Юта. — А если потребуется, я даже могу показать почту, через которую получаю сведения какие акции и активы надо покупать, а какие — сбрасывать... И еще... Нам бы надо расширяться. Завод этот рядом с "Евпатием"

надо покупать. Но пока начни с заводского общежития и столовой. Они разбиты сильно, но надо будет быстро восстановить, я на тебя надеюсь, Маузер. И покупать будешь сам, там их продают какие-то горцы. Вы, чурки нерусские, быстро общий язык находите...

— Да конечно, — Марат и не думал обижаться.

Юта часто называла его и "чуркой", и "чурочкой нерусской", хотя он был татаринотом только наполовину. В устах Юты эти слова звучали так тепло и нежно, что могли бы растопить ледник где-нибудь в Гренландии.

— И еще вот что, Маузер, — теперь было видно что Юта очень серьезна. — Ты слишком медленный. Ты на себя взял все народовольчество, но ты один. Я понимаю, что одному в какой-то мере легче, и всегда надежней. Но пойми, их — миллионы. А ты — один. Ты сейчас должен каждый день совершать десятки актов, чтобы усиливать "кольцо ужаса". Иначе они опомнятся, и начнут действовать. Тебе нужна бригада. Несколько троек. А то и полная штурмгруппа, десять пятерок... Я уже подобрала тебе парочку нужных людей... надежные, проверенные кадры.

— Да, я понял, — с досадой отозвался Марат. Хотя за последние десять дней он провел уже сотню «акций», но это было совсем не то. Система очень быстро восстанавливала кадровый состав, все-таки доходы в сфере государственного служения были невероятно высокими. Лейтенантик через год в федеральной службе безопасности получал как трое рабочих на преуспевающем заводе.

В общем, единственное действительно серьезное дело, которое удалось повернуть — это полностью отвести слишком любопытные глаза от генерал-майора Попова. Для этого Марат провел три «чистки» в органах, посылая в различные города своих «энергетических двойников». Три случая с применением огнестрельного оружия и четыре десятка погибших сотрудников — надолго и прочно приковали внимание всевозможных комиссий. Приключения «хохотуна с ножницами», где явно имело место психическое заболевание (как определила комиссия) — отошло на второй, а то и третий план по сравнению с наваленной горкой трупов.

Еще Марат ликвидировал десяток глав разнообразнейших Дум (обычно в паре с любовницей или любовником). Завалил более трех десятков руководителей среднего звена в полиции. Десяток судей разного калибра. Несколько налоговиков. Двух губернаторов. Одного окружного полпреда.

Все прошло чисто... но это капля в море. Никто даже не почувствовал, что охота началась. Да, Юта права, надо ускоряться. Вдобавок он еще взял на себя контрразведку, а именно собирался воплотить ту часть, которая подразумевала внедрение наблюдательной техники в конкретных госслужащих.

— Вот, есть товарищ. Позывной Людоед, скоро будет в твоём распоряжении, — Юта одним движением руки создала в воздухе голографическую картинку. Марат внимательно взгляделся в лицо молодого человека с приглаженными длинными волосами, с тонкими чертами лица, в белом костюме лаборанта.

— Знаю, выглядит он не очень, — сказала Юта. — С виду совершенно легкомысленный хлыщ, божий одуванчик. Иисус Христос, тощий и печальный. Но человек наш. Крови не боится, потому что врач. Присутствуют личные мотивы для ненависти. Идеино полностью наш. Умеет убивать, причем сначала подготавливается, а потом идет по плану, совсем как ты, и тоже без осечек. Тебе он понравится. С огромным трудом нашла, это сейчас такая редкость... Надо ему будет организовать «похороны». Типа пусть его «убьют», при

задержании оказал сопротивление. Ты же сможешь создать для него двойника?

— Да, смогу, — прищурился Марат. — Хм, интересный типчик... Он сейчас под плотным колпаком?

— Да, и еще каким, — отозвалась Юта. — Не только в общероссийском, но и международном розыске уже.

— Где этот Людоед сейчас?

— В данный конкретный момент — у нашего Тренера тренируется. Учится владеть холодным оружием двумя руками...

— Детский сад какой-то, — пробормотал Марат. — А если его опознают? За нами уж, наверно, все спецслужбы следят, я прямо кожей чувствую.

— Не следят, — уверенно сказала Юта. — Пока еще не следят. Подозревают. Но пока еще не догадались...

— И не догадаются..., — сказала она так же уверенно, но после секундной паузы.

Людоед Марату и вправду понравился. Не внешностью, конечно. Внутренним характером, стержнем внутри. Было видно — по движениям, по глазам, по словам и интонации — тут мы имеем полное отсутствие страха при отменном развитом разуме.

Такие индивиды были крайне непопулярны в России во все времена. Барин всегда любил иметь в услужении существо мягкое, податливое, желательно глупое, которому барин всегда может указать на ошибки, даже если их не было. А тут такое дело — подчиненное тело тебе само на ошибки указывает. Непорядок. От таких людей на Руси избавлялись десятилетиями и веками, пока, действительно, почти не вывели всю их породу. Но изредка, раз на миллион, а может — и один на десять миллионов — такие продолжали рождаться.

Марат привлек к своему направлению не только Людоеда, но и часть своих ребят с завода. Некоторых из них можно было назвать настоящими «Левшами». Обладая поистине уникальным опытом, который развивали и совершенствовали не один десяток лет — эти ребята прекрасно понимали, и даже видели механизмы, которые им даже не из чертежа, а из простой мысли, объяснения — надо было воплотить в пластик, металл и стекло.

Первоочередной задачей было поставить органы перед фактом, что это совершенно не шутки. До революции крайние левые тоже ставили перед собой подобную задачу, и добились немалых успехов. Фактически в те годы дошло до того, что все служащие, которые непосредственно принимали участие в задержании большевика или эсера были — впоследствии уничтожались. Вот так вот прямо, и без всяких хитростей. Доходило до того, что жандармы и полицейские отказывались от выполнения любых задач, связанных с политическими. Именно поэтому к задержаниям стали привлекать казаков и черносотенцев, но и те продержались недолго — уже после второй сотни трупов самые упертые и глупые начинали понимать, что против них действует система, противостоять которой поодиночке никто не в силах.

Для начала Марат с Людоедом провели несколько десятков, а потом и сотен показательных казней. То есть не особо заморачиваясь, Марат доставлял в подвал каждый день несколько десятков оглашенных служащих. Неважно кто это был — налоговики, полицейские, федералы, гвардейцы, военные, полувоенные — главное чтоб со званием... Он их «хватал» прямо на улицах, или в кабинетах, на дороге домой или на работу — не важно. Точно по той же системе, как и они хватали политических, то есть фактически — бессистемно. Попался на глаза — берем, дальше как-нибудь разберемся: кто ты, и откуда, и чем занимаешься... Но не предъявлял документы, и не сопровождал, а просто глушил и

доставлял в «операционную».

Для этих целей они сами себе отвели весь подвал выкупленного у кавказцев общежития. Марат основательно его расширил, что вглубь, что вширь, и теперь там были десятки коридоров, и сотни однотипных комнат. Как, в принципе, и на этажах выше. Само здание осталось прежним, снаружи — обычное двухэтажное, размером двадцать на пятнадцать метров, зато внутри было семь этажей вниз, и восемь вверх. И каждый этаж — чуть ли не квадратный километр оперативно-административного пространства. Тут же, кстати, расположился и центр экономического саботажа, организованный Ютой, при поддержке Иры Овод и Северина.

Доставленных служащих они с Людоедом в сознание не приводили, а сразу с помощью спецверла вводили в голову, просто под кожу — заряд взрывчатки, и мобильное устройство с заданной датой на включение. Потом "пациента" доставляли в тоже место, откуда его "выдернули". Естественно, что предварительно Марат уменьшал все механизмы до сотых долей миллиметра. Вся операция не занимала и нескольких минут, и была совершенно безболезненной. Комар кусает куда ощутимей. Через некоторое время заряд срабатывал, и мозги несчастного, так и не успевшего понять, что собственно произошло, веером разлетались по столам, стенам и костюмам сослуживцев. Шум начался ужасный. Но побушевав всего несколько дней — сошел на нет. Дело в том, что все, кто пытался поднять шум — исчезали.

Это было пострашней, чем даже человеческие мозги на кителе. Причем исчезали все — начальники, подчиненные, сослуживцы, друзья, родственники, работники органов, которым поручали расследовать эти дела. Исчезали так, что найти кого-либо оказалось невозможно. Ну действительно, очень трудно найти убитого человека, уменьшенного как минимум в миллион раз. Даже на ногте с помощью лупы опознать "это" сложно, а уж на асфальте — тем более.

К тому времени их отдел "народовольчества" возрос до двенадцати человек. Юта и Овод регулярно поставляли нужные кадры, и практически не ошибались с выбором. Поначалу Марат думал, что не всякий человек может выдержать такое, но оказалось, что все крайне просто. Из новичков вообще мало кто выказывал удивления или отвращение, зато все быстро проникались энтузиазмом и рвением. Государственный аппарат слишком долго внушал всем, что он действительно — не сообщество людей, и даже не коллектив, а некий механизм, машина для управления, в рамках неких правил. Ну а люди, работавшие сейчас рядом с Маратом, вообще за долгие годы отвыкли видеть в лицах служащих человеческие черты. Винтики, гаечки, кривые и ржавые гвоздики...

А жить хотелось всем... И страшно даже не мозги по стенам, а то, что все, кто об этом пытался не то что крикнуть, а просто сказать — исчезали как сквозь землю.

При этом команда народовольцев старалась пока никак не задевать элиту. Элита оставалась выше этих передряг. К элите всегда принадлежали те, кто мог принимать любые решения не советуясь вообще ни с кем. Пока их не задевало конкретно и лично — элита во все времена была глуха к любым воплям и стонам. Они слышали только свой голос, все остальные голоса значения не имели. Это было прекрасно, особенно в сложившихся обстоятельствах.

Может быть кому то интересно, испытывали "народовольцы" чувство жалости, стыда или ещё что-то? На этот вопрос легко ответить. Они все были воинами, и сражались против много превосходящей их армии. Что бы испытывали вы, сражаясь дюжиной почти безоружных людей против нескольких миллионов до зубов вооруженных противников? И при этом вы, каким то чудом — выигрываете. Ощущаете это чувство?

Конечно, невозможно даже предположить, что они могли победить эту армию. За месяц счетчик потерь противника едва перевалил за пять тысяч между тем как работали они в три смены (Марат мог не спать круглосуточно), и Юта постоянно предоставляла им информацию — где-кто и чем занимается, и кто-чего хочет делать, какие подвижки произошли по следствию, результаты анализов экспертиз. Там было в основном «по нулям», но иногда кто-то слишком рьяно брался за дело, десятки рапортов, отчетов и запросов от одного сотрудника... Это значит — заподозрил, что-то почуял, бывает и такое...

С помощью компьютера из офиса Разина они быстро находили нужного человека, Марат «исчезал», (иногда за секунды перемещаясь на тысячи километров), глушил и выдергивал его, передавал, принимал на руки предыдущего, доставлял на место, и снова по кругу. Целый месяц. По всей стране. В каждом регионе. Та еще работенка. Но если продолжать в том же темпе, и если даже учитывать что вся эта масса чиновников и служащих не будет восполняться ни на одного человека — для того чтобы просто ликвидировать всех такими темпами — ушло бы тридцать два года.

За месяц они не смогли уменьшить количество врагов и на сотую долю процента (потому что возобновление шло постоянно), но внушили государственным структурам такой ужас и страх, что теперь можно было браться за вторую часть плана. Проще говоря, за один месяц им удалось почти полностью заблокировать все исполнительные структуры. Там уже боялись настолько, что служащие не просто перестали заниматься какой-то политикой и общественным наблюдением... боялись даже слово лишнее сказать. Никто не понимал за какие грехи, и самое главное — как происходит наказание. Эксперты не находили вообще ничего — только следы взрывчатки и всё. Кого искать, как? С таким же успехом можно инопланетян в убийствах обвинять... Спасало только одно — побольше работай, поменьше трепли языком, с журналистами вообще лучше не встречаться, мелькнешь на экране — считай смертный приговор себе подписал.

Честно говоря, элита уже кое-чего почувствовала. В свое время они точно также брали власть. Во время штурмовых «девяностых» по стране разъезжали десятки снаряженных бригад киллеров разного масштаба и квалификации. Если не сотни. По телевизору за день успевали сообщать едва ли о десятке убийств, и то — очень крупного ранга, всякая

человеческая «мелочевка», погибающая сотнями и тысячами ежедневно со всех сторон — даже в учет не бралась.

Отзвуки того страха и ужаса до сих пор сильны у большинства людей, живущих в этой стране. Они не понимали и до сих пор не понимают — что же тогда происходило. И от этого боялись, и боятся до сих пор. Правда, сам Марат не боялся — ни тогда, ни сейчас. У людей возникает страх только когда они не знают чего-то. А он знал, что происходит — и тогда, и сейчас.

В тот день, первый день зимы, старейший слесарь их предприятия, которого не называли иначе как «Михалыч-золотая ручка», наконец-то предоставил венец своего творения. Штатный комплекс «Наблюдатель». Хромированная труба из нержавеющей стали, диаметром тридцать сантиметров, толщиной стенки в один сантиметр.

— ...вот тебе тут зенкер, зубчатый. И на выдвижном тубусе, как в перископе. И система не винтовая, а с рейкой, шаговая. А зенкер идет уже по шестерне, с прижимным подшипником, все герметично, — пояснял Михалыч, хмуря кустистые брови. — Хочешь песок тебе пропилят, хошь бетон.

— Ну бетон то не потребуется...

— Вот тут в люльке, внутри, как и просил — три камеры. Две просто, вторая инфра. Микрофонов тоже два. Динамик. Вот здесь отсеки под дополнительное оборудование, что ты там хотел поставить. Управляющий блок, тут рейка на двадцать разъемов, все идет к электромагнитам. Они тоже установлены... Шлямбуры выдвижные, как у альпинистов, только большие. Все упаковано, аккумулятор твой там тоже уже в ячейке. Уж не знаю, откуда ты его взял, только заряжать его так и не пришлось, заряд так и стоит, на девяносто девяти...

— Где взял, там уже нет... Отлично, Михалыч, просто произведение искусства...

— А вот тебе еще, — продолжал Михалыч. — Твой сверлильный шнек, с продольным отверстием, надо же так назвать... Кромки я решил победитовые сделать, алмаз он больше по стеклу, а победит по кальцию. Разницу между кальцием, кремнием и калием знаешь?

— Знаю, Михалыч, спасибо тебе большое.

— Ну, спасибо оно знаешь, не булькает, не шелестит и не звенит даже... Ладно парень, я пошутил, что ты... я бы тебе такие шгуки и за бесплатно сделал бы, как токо узнал для чего они... Покажешь что ты там с ними дальше будешь делать...

В принципе, ни Марат ни Юта из своих способностей никакой тайны не делали. Ну, со стороны выглядело бы очень смешно — здание, в котором снаружи два этажа, а внутри пятнадцать — просто нуждается хоть в каком-то разумном объяснении.

Марат прищурился, и «Наблюдатель» стал уменьшаться, как в сказке. Михалыч смотрел на это представление с усмешкой, всем своим видом выражая: мы и не такое видали. Потом подошел, взял с пола блестящий цилиндр, размером сейчас не более толстого фломастера.

— Дивно, — только и сказал «Золотая Ручка». — И легкий стал.

— Да, вес тоже... надо уменьшать. Если изначально оставить — далеко с таким Наблюдателем в голове не уйдешь.

Следом Марат почти мгновенно уменьшил «сверлильный шнек». Пока и тот и другой агрегат были в пропорции один к двадцати четырем.

— Уменьшаем еще, — пояснял Марат. Потом берем вот такую миниатюрную зубную дрель... вставляем вместо сверла, сверлим... и вдавливаем воздухом...

— С пульта даем команду на выдвижение шлямбурных стопоров, — подхватил

Михалыч. — Активируем, назначаем код доступа, и прописываем в программе.

— Прекрасно, — сказал Марат.

Комната уже была переполнена людьми — тут были и слесаря Михалыча, и вся команда «народовольцев».

— Теперь внимание, — громко сказал Марат. — Важный вопрос. Нас тут, — он еще раз окинул взглядом собравшихся. — Семнадцать человек. С одной стороны — нас никто не уполномочивал решать такие вопросы, но кроме нас решить их некому.

— Итак, — откашлялся Марат. — Мы сейчас с вами занимаемся тем, что искусственно провоцируем и модулируем революционную ситуацию. Классики говорят, что эта ситуация наступает самостоятельно, но никто особо не говорит — надо ее подталкивать, или нет. Хотя, большинство из тех же классиков склоняется, что желательно не просто подталкивать, а даже и подпинывать не помешает. Вот перед нами аппарат, который серьезно сократит время для того, чтобы верхи в какой-то момент не могли по старому рулить ситуацией. Конечно, мы можем подождать еще год, два. Десять лет, или пятьдесят... Чтобы бухнул мировой экономический кризис, а за ним — Третья Мировая война. Помрет уж не знаю сколько людей — сто миллионов, двести, три миллиарда, а может и все десять. И только после этого ситуация станет революционной, когда станет ясно — что дальше просто край, надо что-то менять. Но вот честно я, лично и самостоятельно, склоняюсь, что если есть возможность что-то поменять — то делать это нужно побыстрее, может каждая профуканная минута сейчас стоит жизней целого города, а то и больше. Так что я ставлю вопрос на голосование. Между нами, то есть теми, кто в курсе дела. Будем мы ждать мировой кризис и мировую войну? Или займемся делом по реформатированию общества не дожидаясь этих эпичных событий? Ктоза то, чтобы с завтрашнего дня нам начать работу по направлению «не ждем войны, берем будущее в свои руки»? Голосуем...

Поднялось шестнадцать рук.

— Михалыч? — удивился Марат.

— А я за войну, — сказал старый мастер. — Мне жить то осталось три понедельника. Напоследок бы сходил в атаку, чтоб меня снарядам разорвало... Я, в общем, «против». Заноси в протокол. Да здравствует кризис, и миллиарды трупов!

— При шестнадцати «за» и одном «против» решено не дожидаться революционной ситуации, а начинать моделировать ее, — подвел итог Маузер. — И начнем мы с генерал-майора Попова.

* * *

Генерал-майор Попов очнулся от того, что не мог пошевелиться. На руках были какие-то рукавицы, сам он был упакован в какой-то мешок, да еще прихвачен по коленям, поясу и груди ремнями, и повязка на глазах.

— Где я? — спросил он в пустоту.

Последнее, что запомнил генерал — он в своем кабинете. Сидел, разбирал бумаги. Задремал...

Неужели инфаркт? Или инсульт? Мог просто внезапно потерять сознание и крепко стукнуться.

Да нет, что вы... Зачем инсультника или инфарктника привязывать к кровати? Он же явно и четко упакован, и крепко привязан.

— Что случилось? — снова спросил он. — Что происходит?

Послышался звук, как будто по бетонному полу тащат железный стул. Потом кто-то

установил этот стул, и грузно сел на него, совсем рядом. Генерал услышал как скрипнули ножки от нагрузки. Кто-то очень тяжелый сидел рядом, и смотрел на обездвиженного человека.

— Слушайте, генерал, — сказал наконец рядом странный голос. — Я буду говорить прямо и кратко.

Голос сделал паузу, и продолжил:

— Очень скоро власть поменяется. Вместо сегодняшнего «не пойми чего» на территории этой страны будет установлен социалистический строй. Остановить это вы не сможете. Вы сможете только увеличить жертвы, и развязать полноценную Гражданскую войну. На самом деле это никому не нужно — ни жертвы, ни война. Поэтому мы предлагаем вам перейти на нашу сторону, выбрать место среди победителей. Если вы не согласны — вы будете уничтожены сразу после отказа. Вы исчезните, вас никто и никогда не найдет — и это будет достойно и честно. Если согласитесь — то вам в голову будут внедрены приборы слежения и связи. Они помогут вам не наломать дров, и действовать согласованно. Однако если вы решите просто спасти себе жизнь, и предать нас после — то в этих приборах есть заряд взрывчатки, и вы, наверно, прекрасно наслышаны о судьбах тех, кто решил играть нечестно. Пока я рассказал вам всё, что вам надо услышать. У вас ровно час на размышления и ответ.

— Стойте, — закричал Попов. — Кто вы? Вы что — серьёзно? Немедленно развяжите меня! Что хоть за шутки! Какой социалистический строй? Вы кто вообще? Вы вообще представляете кто я? Вернитесь на место! Вы слышите что я говорю?

Уже через минуту генерал сообразил, что его никто не слышит. Он был один в этой комнате.

Итак, что мы имеем? Да, уж кто-кто, а генерал прекрасно знал о «взрывающихся сотрудниках». Их было уже несколько сотен, если не тысяч. Об этом никто старался не говорить, хотя вначале это было просто уму непостижимо. Но как только ты открывал рот — можешь считать, что твоя голова тоже в зоне риска. Ты сам кандидат в камикадзе. Или просто исчезнешь...

Так вот куда они исчезали... Эти исчезновения тоже наделали много переполоху. Хотя не столько, сколько головы, разлетающиеся по стенам. Был человек — нет человека. Зашел в туалет в охраняемом здании, со всеми степенями защиты... — и не вышел. Как будто его в унитаз засосало. Смешно?

Ничего смешного. Тысячи исчезнувших сотрудников — и ни одного трупа. Ни одной весточки, ни требований, вообще ничего.

Генерал еще раз потрепыхался. Нет, закрепили надежно. Может, он спит? Попов крепко укусил себя за язык. Больно. Не спит.

Чем здесь пахнет? Он несколько раз втянул воздух, разными порциями, и в разных амплитудах. Ни хрена и ничем тут не пахнет. Нормальный, абсолютно чистый воздух без всяких примесей.

Посторонние звуки? Нет тут никаких посторонних звуков.

Так, давай без паники... Что там говорил этот псих? Гражданская война? Социалистический строй? Опять большевики из всех щелей полезли? Революционеры. Мать их за ногу. Чекисты — энкэвэдешники...

Вот только сотрудники НКВД, подумалось Попову, были кем угодно, но только не психами. Он читал критерии отбора... В НКВД даже если ты абсолютно нормален, но у теб

в близком родстве были психи — уже не брали. Вот поэтому на них пришлось вылить столько грязи — это была идеально-чистая, абсолютно нормальная государственная служба, на которой не было и единого пятнышка, которая даже при своей чистоте все равно продолжала чиститься — что внутри, что снаружи. Да среди восьмидесяти тысяч служащих НКВД на границе, на заставах — в первые дни войны никто не отступил без приказа. Никто не сдался, все они стояли до конца, до последнего патрона и человека, когда вокруг шли в плен дивизиями и армиями — вот какие это были люди. Таких людей сложно оболгать. Но можно... Как только умерли последние живые свидетели — так и понеслось: руки в крови по локоть, психопаты, уроды... Хотя кому как ни Попову знать — какими они были на самом деле. Но даже он поддался на ложь и грязь.

А человеку гораздо проще поверить в ложь и грязь, потому что внутри человек и есть лживое и грязное животное, и ему доставляет истинное удовольствие, что есть кто-то более лживый и грязный.

Да у него у самого дед погиб тогда, в 41-ом, два месяца держал оборону, да не в окружении, а уже в полном, глубоком тылу у немцев. А отец? Офицер КГБ, самый справедливый и честный человек, которого он только знал в жизни?

Вот, внезапно пришло в голову, черт тебя дерь, как же хочется туда, обратно, в тысяча девятьсот девяносто первый. А лучше — в восемьдесят шестой... Да, он бы сейчас показал, кто прав, а кто виноват, такие клочки по закоулочкам устроил — только держись. Всю бы нечисть вымел поганой метлой, с каждого бы спросил, по настоящему.

А он лежит, завёрнутый и беспомощный, как младенец в пелёнке.

Вот открывается дверь, снова скрипит стул под тяжестью человека. Минуту они молчат. Затем генерал вздохнул и твердо, голосом не терпящим возражений, произнес:

— Я с вами. Делайте все что считаете нужным, и начинаем работать.

В голосе человека на стуле не было и капли удивления:

— Спасибо, генерал. Мы надеялись на понимание и рады, что не ошиблись в выборе. Приборы слежения будут внедрены в лицевую часть, а также за ухом. Сейчас будет немного больно, и чуть-чуть страшно, но это не важно. Закройте под повязкой глаза, и постарайтесь расслабиться. Я начинаю обратный отсчёт. Десять. Девять. Восемь. Семь...

* * *

Генерал-майор Алексей Александрович Попов очнулся в своем кабинете. Сознание вернулось рывком, он осознал что сидит на стуле, уткнувшись лбом в столешницу.

— Заснул? — не поверил он. — Это что, был сон?

Но что это? Как это? На столе же была куча бумаг, календарь, бюро, лампа, ящик для канцелярии, монитор компьютера — в конце концов... Сейчас ничего этого не было — только одинокий желтый листочек, сложенный надвое, старый и рваный по краям.

Нет, это был не сон, это была как раз самая настоящая реальность. В нем теперь есть какие-то приборы, вживленные для наблюдения, прямо в переносицу и за ухо. Правильно он понял? Трясущимися от возбуждения пальцами Алексей Александрович потянул этот листочек к себе. Развернул. Буквы от печатной машинки ходили ходуном перед глазами. Это была клятва сотрудника внутренних органов, которую утвердили черт ещё знает когда, постановлением президиума Верховного Совета. Листочек, на котором расписывался каждый, кто тогда получал звание. На котором еще молодой младший лейтенант Попов в далеком тысяча девятьсот восемьдесят пятом поставил собственноручную лихую закорючку, и которая, согласно всем правилам, хранится в личном деле каждого, кто ее давал.

Как? Да этого быть просто не может, понятно? Не может этого быть! А взрывчатка за ухом может быть? Что, ему теперь дают ещё один шанс, но теперь уже без права на ошибку. Стоп-стоп. Кто у нас обладает такими технологиями? Американцы, китайцы, японцы, Израиль? Да ну, глупости. Нет сейчас таких технологий, чтобы людей из кабинетов федеральной службы безопасности похищать. А потом возвращать, к пустому столу, на котором только листочек от личного дела.

Тот, кто с ним разговаривал — был человеком. Вполне определенным конкретным человеком.

Не японцем, не американцем, не инопланетянином или загробным существом. И этот человек — знал будущее. И в этом будущем почему то требовался генерал-майор Попов, Алексей Александрович. Да, хорошо, просто замечательно, черт его дери... Не лезет ни в какие ворота, но как рабочая версия очень даже ничего. Ссорится с людьми, которые знают будущее — не рекомендуется никому. Это факт, никто в это всерьез не верит, но от этого факт менее значимым не становится. Ладно. Да, если пришло время вспоминать слова старых клятв, значит... Пришло время.

— Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, — голос на секунду сорвался, генерал хорошенько откашлялся, и продолжил дальше, — ...поступая на службу в органы внутренних дел, принимаю Присягу и торжественно клянусь до конца оставаться преданным своему народу, социалистической Родине...

В это же самое время Марат и Людоед внимательно вглядывались в экран монитора, прислушивались к словам, несущимися из динамиков.

— Если же я нарушу эту мою торжественную Присягу, то пусть меня постигнет наказание по всей строгости советского закона, — закончил говорить на экране невидимый человек.

— Картинка хорошая, — сказал Сергей. — Звук тоже отменный. Будем надеяться, что с мозгами тоже все в порядке.

— Что вы там с ним сделали?

Мужчины стремительно обернулись. Они были уверены, что здесь они одни.

— Как? — невольно вырвался вопрос у Людоеда.

— «Каком» кверху, — пошутила Юта. — По проводам, как ещё? Законопатились тут... хуже чем в Вольфшанце.

— Лучше, — автоматически поправил Маузер. — Лучше чем в Вольфшанце.

— Лингвистический анализ уверяет, что дядя на экране говорит с искренностью девяносто девять и девять. Здорово вы его напугали, — уважительно произнесла Юта.

— Да больно надо его пугать, — отмахнулся Марат. — Он сам себя больше напугал. С чем пожаловала?

— Список вам принесла. Как заказывали, только по двадцати одному министерству, и девятнадцати ведомствам, а также двадцати восьми федеральным службам. И восьмидесяти крупнейшим компаниям. Только самые значимые люди, которые принимают конечные решения. На первый раз — всего восемьсот одиннадцать персон. Без касательства к администрации президента...

— О великий Юпитер, за что кары твои..., - поддельно простонал Марат.

Людоед вымученно улыбнулся:

— Ют, слушай, ты точно возьмёшь этих гавриков под круглосуточный контроль?

— Ну посадите тут десяток — два операторов, — пожала она плечами. — Пусть тоже следят, хотя рекомендую не слушать, и не просматривать клиентов, а ориентироваться если у них температура, давление и адреналин шалят. Проще будет, вот увидите...

— Надо будет «Наблюдателей» в редупликационном ящике понаделать, — сказал Тягодум и поднялся с кресла. — Штучек тысячу на первое время. А лучше тысячу двадцать четыре — для ровного счета.

— Так, я полетела, — быстро проговорила Юта. — Там опять Макаров с Кунгуром сейчас драться начнут, кому первую премию дать на художественной выставке.

— Метлу не забудь, — напутствовал ее муж.

Юта показала ему в спину непристойную фигуру.

— Я все вижу, — сказал он ровным голосом. Тогда экраны всех мониторов в комнате замерцали, и на них появилась сверкающая всеми цветами радуги надпись на английском языке, самый мягкий вариант перевода которой звучал так: «Да пошли вы...»

Через секунду Юты уже не было.

Людоед сгреб из редупликатора коробочки с «Наблюдателями», вернулся к Марату.

— Хороша, — сказал он с восхищением. Но сказано было больше для формы, у Людоеда после потери семьи — с женщинами было совсем плохо. В подробности Марат конечно не углублялся, но на всякий случай, не отвлекаясь от списка, сунул товарищу под нос кулак.

В ответ тот подвинул к Маузеру коробку с «Наблюдателями».

— На, — сказал Людоед. — Уменьшай, до рабочего состояния.

— Ничего без меня не можете, бестолочи, — проворчал Марат, и подвинул коробку еще ближе к себе.

Дальше дела пошли гораздо быстрее. Хотя нехватка людей была просто катастрофическая. Вообще, если бы Юты не было — даже при фактически неограниченных средствах и возможностях все этапы затянулись бы на месяцы, если не на годы. Её возможности по обработке и анализу информации казались просто фантастическими, даже для Марата.

Именно она с самого начала поставила машину саботажа на организованную основу. Если бы кто-то всерьез занимался делами по «взрывам и пропажам сотрудников» — то обнаружил, что все происшествия по стране собираются в некие центры, с конечными точками в крупных городах. Могло показаться, как будто у этих действий есть «центры управления».

Но все они располагались очень далеко от реального Центра.

В своем городе они взяли под контроль каждую контору. То есть не только служба федеральной безопасности, но и полиция, включая районные отделы, следственный комитет, суд, таможня, служба исполнения наказаний и так далее — везде в руководителях сидели люди с Наблюдателями. Естественно, они не подозревали, что объединены в одну цепь.

На всех дорогах стояли вооруженные патрули, причем в два слоя. Тормозили всех, кто не здешний. Всех «здешних» — сканировали. Как и прибывших на поезде. Естественно, аэропорт был под еще более пристальным контролем. По всему периметру города, и далеко за ним, даже на лесных тропинках — висели камеры, причем зачастую — дублирующие.

Внешне город оставался тем же — кривые улочки, заваливаемые за ночь снегом; люди

спешащие на работу пешком и на машинах; вороны в воздухе. Но все как-то поменялось. Улицы чистились вовремя. Трубы менялись молниеносно. Прыжков напряжения в сетях больше не было. Странно подешевело топливо на заправках.

Происходило что-то необычное. Сергей Петрович Межицкий, довольно высокий, представительный мужчина, с седой пышной шевелюрой, постоянный и бессменный Первый Секретарь официальной областной коммунистической организации — тоже это чувствовал.

Вот уже четверть века он стоит на своем посту. Нюх у него до сих пор отменный. Только что он звонил своему старому наставнику, бывшему офицеру службы безопасности, восьмидесятилетнему Семену Семеновичу Белову. Именно Белова он заменил когда-то на этом ответственном месте, но постоянно держал старика под рукой — на должности второго секретаря, то есть главы контрольно-ревизионной комиссии. Семен Семенович был еще более опытным человеком, с многочисленными связями, с потрясающий кругозором. Именно Семен Семенович разрабатывал многочисленные планы и воплощал в жизнь хитроумнейшие схемы — как убирать из партии любых конкурентов, особенно молодых да ранних. Как не допускать никакого вольнодумства, и всю неуёмную энергию спускать на дела политические, но далекие от реальной власти, и особенно — без каких либо правонарушений.

Межицкий посвятил этому всю жизнь, и был доволен результатами — коммунисты органично вплелись в современное общество, и по большому счету нет ни малейшей зацепки чтобы как-то можно было запретить партию — в общем, все было сделано для того, чтобы основная ячейка из пяти-шести человек продолжала свое существование чуть ли не до бесконечности. Самое главное — сохранить партию, остальное не важно — вот главный девиз, которому посвятили остаток жизни и Межицкий, и Белов, и несколько других, сейчас очень престарелых товарищей.

Сейчас же, в морозном зимнем воздухе — что-то витало. Снова чувствовалась какая-то опасность, неровность бытия, недосказанность. Межицкий мог похвастаться своими аналитическими способностями — он в множестве странных и необычных факторов мог видеть общий вектор, направление движения мыслей и настроения общества.

Вот что-то сын Петя стал неразговорчив.

Губернатор на последнем совещании очень странно глядел на Межицкого, причем рядом сидел начальник местной федеральной службы безопасности, генерал Попов. Оба смотрели очень странно.

В самом городе вдруг появилось много молодых "красных". Очень много. И почти никто из них не заходил в здание областного комитета. Большинство тусили (как принято говорить) — вокруг спортивного центра Евпатий.

Другие секретари, из других областей, вдруг по телефону начали упоминать спортивные центры, залы и секции, только и исключительно для "красных".

— Все это очень, очень и очень подозрительно, — говорил Межицкий по телефону старому работнику КГБ.

— Да, я попытаюсь подумать, пробью по своим каналам, — уставшим слабым голосом отвечал Белов. Старый лис всегда говорил так — как будто произносить слова ему трудно. И даже иногда хватался за сердце, и морщил лицо — хотя уж кто-кто, а Межицкий прекрасно знал, что сердце у Семена Семеновича работает как швейцарские часы, без единого сбоя за все года, и проработает, если ничего не случится — еще не одно десятилетие. Межицкий открыл бар, и долил себе еще на два пальца коньяку. Допьет — и будет готовиться спать...

— Пип-пип, — вдруг сказал брелок на трюмо.

Вот ты черт, сигнализация на машине сработала. Межицкий выглянул в окно. Темно, особо не видно, но на первый взгляд — ничего и никого около машины не было. Он сбросил тревожный сигнал.

— Пип-пип, — сказал брелок, уже погромче.

— Да что ты..., - пробормотал Сергей Петрович, и сбросил «тревогу» еще раз.

— Пип-пип, — снова завелся брелок. Это бывало — редко, но бывало. Опять какая-то обледенелая ветка машину задевает, ну что ты будешь делать? Придется спуститься, посмотреть. Он прошел на кухню, поставил стакан на стол. Набросил на плечи пуховик, и вышел на улицу. Уже подходя к машине, понял, что сигнализация пикала не зря.

Лобовое стекло разбили, вот уроды. Господи, что хоть за люди — стоит машина, никому не мешает, а вот теперь в полицию надо звонить. Пропал вечер, да и следующих день, похоже, вместе с ним...

— Вы полицию вызывали? — спросил голос за плечом.

Межицкий вздрогнул и обернулся:

— Нет, то есть я хотел вызвать. А что... собственно... вот..., - Сергей Петрович указал на свою машину.

— Старшина Мальшков, — представился человек в полицейской форме. — Ваша машина?

— Да, моя, — взял себя в руки Межицкий. Ему пришло в голову, что он тут не один пострадавший. Вероятно, вандалы разбили не только его «верного коня», но и другие тоже пострадали, и уже вызвали «кого надо».

— Оставайтесь на месте, — попросил старшина. Потом обернулся, и сказал в темноту. — Еремин, иди сюда.

Полицейский прошел к темно синему "форду", и начал его внимательно обследовать. Только вот смотрел он почему то не на лобовое стекло, а на бампер, капот, и решетку радиатора. Нехорошее предчувствие охватило Межицкого.

— Еремин, веди этого сюда, — с очень нехорошей интонацией скомандовал Мальшков. Сергей Петрович почувствовал что его крепко взяли за плечо.

— Сегодня ездили на этой машине? — жестко спросил старшина, глядя прямо в глаза. Межицкий смотрел на свою машину, на вмятину на капоте, на блестящий бампер с красными свежими каплями, и на решетку радиатора, в которой застряло нечто, очень похожее на человеческий палец.

Да это, так его... и растак, и был самый настоящий человеческий палец!

— Бэээ, — только и сказал Межицкий. — Мэээ, — добавил он еще.

— Центр, давайте сюда оперативную группу и экспертов, тут у нас ситуация по первому разряду... Да, нашли подозреваемого. Палец этот ваш, оторванный, нашли. У него в бампере застрял, — говорил полицейский по рации. — Куда? Еремин, ты чего?

Межицкий, инстинктивно отступив от своей машины на два шага, совершенно случайно вырвался из цепких пальцев второго полицейского. А может быть, этот Еремин его не так уж крепко держал...

— Держи его, — гаркнули стражи порядка хором, и навалились на несчастного первого секретаря. Его уложили лицом в снег, завели руки за спину, и защелкнули в наручники.

— Что, сбежать хотел? — сказал молодой голос сбоку. — Я все видел. Готов засвидетельствовать. Это я звонил.

Межицкий с трудом повернул голову и посмотрел, снизу вверх. Прямо перед ним стоял парень. Берцы. Синие джинсы. Темная куртка. Короткая стрижка. И тут у Межицкого словно в голове щелкнуло. Все сошлось, и встало на свои места. И эта странная многочисленная "красная" молодежь. И пустой обком, и спортцентр Евпатий, и слишком молчаливый сын, которого обычно не заткнуть.

— Господа, это ошибка. Это не я, — Межицкий старался, чтоб голос звучал мощно и ровно. — Это вот он. Это он все устроил. Смотрите, это же штурмовик! Он же в форме штурмовика! Это штурмовик из Красной Армии, я вам говорю!

— Дядя, ты что, "ку-ку"? — сказал парень голосом, не терпящим возражений. — Он что, пьяный?

Кто-то из полицейских наклонился и шумно втянул воздух рядом с лицом Межицкого.

— Да, вроде есть немного, — подтвердил страж порядка.

— Я областной депутат. Вы меня по телевизору каждый день слышите. Я секретарь областного комитета коммунистической партии! — повышал голос Межицкий.

— Слушай, депутат, заткнись, без тебя тошно, — произнес угрожающий голос. — Сейчас доставим в отделение, будешь там права качать. А сейчас — не усугубляй...

После того как все закончилось, мазки были сняты, а палец упакован в пакетик с биркой, подписаны все протоколы и розданы указания — машины с мигалками разъехались, и парень в берцах остался один. Он оглянулся по сторонам, вытер рукой лоб. Подошел к подъезду, из которого почти два часа назад вышел Межицкий. Вытащил черный маркер, и твердой рукой в два движения нарисовал на двери знак — стилизованный серп и молот. Потом достал телефон, набрал номер.

— Это Стечкин второй, — сказал парень в трубку. — Змея в ведре.

* * *

Семен Семенович Белов для своих восьми десятков был очень крепок. Ему казалось, что до ста лет он проживет спокойно. Главное — не запускать организм, чаще спать, кушать только здоровую пищу, и одновременно — поменьше сидеть, побольше заниматься физкультурой. Без фанатизма, но с регулярностью. И не волноваться.

За окном было совершенно темно, торопится некуда, поэтому Семен Семенович сначала привел в порядок мысли в своей голове. Он еще раз повторил расписание для самого себя — на завтра. Мысленно проверил — все ли сделал сегодня. Вот теперь можно и головоломки решать.

Все пока складывалась преотлично. Тут и глупому ясно, что молодые снова поднимают голову. В свое время эта Штурмгруппа заставила его поволноваться. Ну откуда он мог подозревать, что у них столько много энергии? Даже когда они подмяли город под себя, начали выставлять условия и требования не только коммерсантам, но уже и полиции и губернатору — это еще было нормально. Но когда они начали ездить по другим областям, находить и ставить своих людей в обкомы коммунистической партии, обучать остальных: как надо и нужно действовать... Тут уж было не до шуток. Еще год-два — и они спокойно могли бы перехватить управление на среднем звене в партии, которая до сих пор является самой многочисленной в стране, хотя по всем остальным параметрам — только вторая. А там и до самого высокого уровня недалеко, особенно учитывая, как они начали форсировать международные связи, налаживать контакты с Кубой, Китаем и Южной Америкой.

Белову тогда с огромным трудом удалось убедить руководство, что проблема куда серьезней, чем кажется. Конечно, из Москвы любые проблемы кажутся мелкими. Ну что

такое пятьдесят человек — пылинка на просторах. Вот только если эти пятьдесят находятся на уровне Фрунзе, Киров, Бауман, Свердлов... Как вам это нравится? Это уже не просто маленький отрядик — это уже целая армия, и ее срочно нужно было разбить, и разбить наголову.

Двоих вообще пришлось ликвидировать — по настоящему.

И вот — опять... подросли волчата, без всяких громких слов и твяканий, на мягких лапах, не бросаясь в глаза — снова подбираются к самому горлу. Нужно звонить, и только на основании собственных умозаключений и опыта — уговаривать, убеждать, требовать. Надо продумать — и весь разговор, и отдельные фразы. Тем более что звонки по номеру, на который надо позвонить — стопроцентно записываются...

Белов со вздохом поднял трубку старинного проводного дискового телефона, стоящего у него на письменном столе, и начал набирать нужный код и номер. Не успел он прокрутить диск и пять раз, как свет в комнате погас. Это еще что?

Семен Семеновичу показалось, что на балконе кто-то стоит. Балкон у него был до сих пор не застеклен, да и не хотел он этого, любил открыть форточку, и вдохнуть свежий, а не перепревший застоявшийся воздух. Пока лампочка горела — ничего не было видно, но сейчас, когда она погасла, через двойное стекло, по мере того как глаза привыкают к темноте... Человеческий силуэт на балконе. Это точно. Что за чертовщина? По веревкам чтоли? Этого быть не может, наверно какой-то обман зрения, он же на восьмом этаже живет...

Силуэт пошевелился. Это была женщина — теперь старый спецслужбист видел это совершенно отчетливо.

— Юта? — сказал он слабым голосом. — Юта Нечаева?

Бред, чистой воды бред. Переутомился.

Силуэт за окном поднял руку, и игриво пошевелил пальцами в воздухе.

Белов, чувствуя как слабеют руки, открыл дверь на балкон.

— Ты что? — только и сказал он, и был в тот же момент схвачен за горло тонкими холодными пальцами. Семен Семенович обеими руками уцепился в эти пальцы, стараясь оторвать их от себя.

— Привет тебе, от Двадцать Четвертого, — тихо сказал ему в ухо мягкий голос, и в то же мгновение тело старика перебросило через парапет. Ни крика, ни шума, ни даже стука тела, упавшего с двадцати пяти метров в сугроб — было совершенно не слышно.

Юта, продолжая стоять на балконе, поднесла руку к уху.

— Да, — сказала она словно в пустоту. — Молодец, Стечкин-второй. До завтра.

Через секунду на балконе никого не было, и только дверь иногда била об косяк, повинуюсь порывам ветра.

* * *

Ну а что же в других городах? Любой скажет, что имея в одном городе аж двух «супергероев», которые к тому же одновременно муж и жена — за ситуацию в этом городе можно не беспокоится. Как же другие, которым никак не посчастливилось занять такие замечательные умения? Вот, например, Руслан Басов, фактически еще мальчишка, который из обычного одиночного оппозиционера в одночасье превратился в концентрирующий центр для революционных людей, дел и настроений...

Рабочий день Руслана теперь начинался одинаково. В девять часов он занимал свое место в офисе, и за день принимал от пяти до десяти человек. Некоторых он вызывал сам, находя их в соцсетях. Кто-то приходил по объявлениям, или вообще узнав по сарафанному радио. Сначала Руслан здорово смущался, но с каждым днем становился все опытней. Все таки его подготовили, и Руслан просто физически ощущал, что он сильнее, умнее и намного опытней любого, кто приходит к нему. Конечно, он прекрасно понимал, что не стоит обольщаться этим состоянием. Тем более что люди к нему зачастую приходили просто «нулевые». То есть они имели мышление — отличное от остальных. На них не действовал вал пропаганды, они могли вычленивать факты как из «лжи», так и из «правды», ушатами льющихся с экранов телевизоров, из динамиков радио, со страниц газет и интернет-сайтов.

Сами себя они считали «политическими», но в большинстве своем были совершенно далеки от политики. Большинство из них хотели заниматься какой-то рекламой, или наоборот, рекламацией, продвижением давно продвинутой идеи, у кого-то были вообще уже оформленные проекты, кто-то хотел акций, некоторые — просто поговорить. Руслан хорошо помнил слова Маузера:

— Восемьдесят процентов людей на самом деле не хотят ничего. То есть вообще ничего. Они считают, что все, что им нужно — обеспечат другие люди. Их же задача — прийти и взять уже готовое. Поэтому они и смотрят телевизор, и столь падки на всевозможные развлечения. Их мозг не способен самостоятельно мыслить, и даже развлекать сам себя не способен — их мозгу постоянно нужен стимул, внешний двигатель, заимствованный интерес. И эти восемьдесят процентов, хотя в последующем мы будем ориентироваться именно на них — сейчас нам не нужны. Совсем. Они просто восьмидесятипроцентная масса, на которую пока не стоит обращать внимания. Нас интересуют те двадцать из ста, которые могут поднять свои пятые точки не только ради желудка или очередного развлечения. Нас интересуют именно те двадцать процентов, которых мы называем «идейными». Это и есть «работа с массами» — вычленив из множества определенную часть. Читаем классиков, и внимательно...

Эти, приходившие к Руслану — были идейными, но малоспособные к настоящим, реальным действиям, они витали где-то в темноте, видели свет, и считали своим долгом заставить других тоже видеть его. Даже если эти другие — слепые...

— И среди этих двадцати ты с трудом найдешь одного, кто тебе подойдет. Я даже не могу гарантировать, что ты его распознаешь. Поэтому мы всегда проводили проверки. Та же самая КПРФ проверяет вновь пришедшего мгновенно — они вручают ему гору газет, и если он ее распространил — значит, он — их человек. Но ты не начальник почты, и не ищешь бесплатного почтальона. Ты не руководитель маркетингового отдела, и не ищешь живые подставки для флагов и транспарантов. Ты ищешь бойцов. Серьезных, умных и очень опасных людей. И первым делом ты спрашиваешь его — а что ты уже сделал на политическом поприще? Собирал митинги и стоял в пикетах? Прекрасно. Раздавал листовки и писал статьи? Замечательно. А хоть раз ты пострадал? И готов ли пострадать, ведь наша работа связана с этим. Мы тут не в бирюльки играем, и я тебе честно скажу — каждый полицейский, пусть иногда подсознательно, но знает, что каждый день может быть последним днем в его полицейской жизни. И ничего, работают, в очередь за работой становятся...

Люди в большинстве своем после таких слов очень растерянно смотрели на Руслана. К растерянности иногда прибавлялось полное непонимание, или снисходительное выражение, прячущее растерянность.

Но часть, особенно среди молодых при этих словах начинали смотреть на Руслана по-другому. Появлялся интерес, блеск в глазах. Одна из одноклассниц Руслана, которую бог весть как занесло на собеседование, сказала ему:

— А ты, Русланчик, стал совсем другой. И не узнать. Серьезный какой-то, сосредоточенный, надежный. Прямо не человек, а скала какая-то. Я ведь тебя помнила всегда разбитым и несерьезным, прям таки шалопай и гопник, а тут вон оно как...

— Спасибо, — сказал тогда Руслан, и принял решение. — Мы тебя берем. Если хочешь, оставайся пока на своей работе, первые три месяца — испытательный срок. В первый месяц ты будешь ходить по два часа в день в спортзал и в тир, просто развитие формы и навыков.

Качаешь мышцы, растягиваешь связки, учишься стрелять из пистолета, винтовки, автомата — лежа, сидя, стоя, в нестандартных ситуациях. За это мы платим две тысячи в месяц. Ходишь в любое время — хочешь утром, хочешь вечером, кому-то удобней ночью — не воспрещается, по окончании сдаешь тест — отжимания, приседания, бег, стрельба. Второй месяц — продолжаешь физическую подготовку, но начинается и обучение, как минимум два полных дня в неделю, с практическими занятиями.

Девушка улыбнулась и прищурилась:

— Практическими занятиями — это как? Кого-то убивать надо?

Руслан спокойно, без улыбки ответил:

— Нет, конечно. После физкультуры пойдут уже ораторство, психология, организация. Например, после занятий риторикой надо будет посещать мероприятия, митинги можно, но не рекомендуется. Лучше всевозможные открытые столы, брифинги, записываешь ролики, применяешь свои знания оратора на практике. За это ты уже получаешь сумму пятнадцать тысяч. На третьем месяце пойдет и физика, и занятия, и проверки, там уже как настоящая работа — пять дней в неделю. Проверки могут быть и жесткие, но там уже мы будем смотреть, куда конкретно твои данные можно пристроить, и как использовать. После третьего месяца ты уже получаешь официально трудоустройство, и числишься здесь, при спортивном центре инструктором, например, — Руслан на мгновение задумался. — ...по аэробике, с твердым окладом в тридцать тысяч. И учти, у нас реально все жестко, как на заводе. Будет выдана специальная карточка, приходишь — отмечаешься. Отработала два часа в спортзале — молодец. Не отработала — все как в реальной жизни, то есть три опоздания, или прогул без уважительной причины — прощаемся.

Оставшись один, Руслан сам себя отругал. Ну как же так? Вон уже сколько людей завернул, а пришла одноклассница — и сразу, почти не раздумывая. Хотя — почему не раздумывая? Считай, десять лет в одной школе, в одном классе "варились". И Руслан хорошо знал Светлану — надежная, умная, аккуратная. Не самочка какая-нибудь, у которой целлюлит на первом месте..., а самый настоящий человек, пару раз у них даже был разговор про то как мы живем, и почему, и зачем...

Между тем шли дни, а наплыв людей не то чтобы не иссякал, а многократно увеличился. Прослышав, что где-то набирают на зарплату политически активных людей — к Руслану просто хлынул поток соискателей. И опять в большинстве — "нулевые". То есть — ничего. Ни одного задержания, ни одного протокола, ни одного даже смешного действия.

— Кто ты? — спрашивал Руслан очередного "недоросля" Руслан. — Что ты? Хоть раз в жизни ты вышел за рамки кухонного разговора? Нам нужны специалисты..., - Руслан разговаривал фактически сам с собой. — Я понимаю что их просто нет. Но должны быть хотя бы просто люди, которые хотя бы один раз, всего один только раз...

— Я профсоюз хотел у себя на работе организовать, да никто не пошел, — вдруг ответил юноша. — А еще я на прошлых выборах записался собирать подписи за одного господина, взял кучу подписных листов и буклетиков, килограммов пять примерно, а через час сжег их у себя в гараже, в печке.

Руслан, до этого ходивший по своему кабинету как тигр в клетке, остановился, посмотрел на парня:

— Как звали господина? — спросил он.

— Леваньков, — ответил юноша. — Если не ошибаюсь.

— А когда были выборы господина Леванькова?

— Примерно год назад.

— Время года? — спросил Руслан, при этом проверяя информацию на компьютере.

— Осенью...

— Хорошо, — сказал Руслан. — Прекрасно. Замечательно... Берем, — рубанул он наконец. — Первые три месяца — испытательный срок. Пока первый месяц оставайся на своей работе, у нас первые три месяца испытательный срок. В первый месяц ты будешь ходить по два часа в день в спортзал и в тир...

В середине зимы к Руслану прибыл человек из центра. Это был жизнерадостный ровесник, чуть поменьше ростом. Назвал себя "товарищ Поллак", и некоторое время ходил за Русланом как хвост. Вопросов он почти не задавал, а в ситуации ориентировался как рыба в воде.

На третий день Руслан и Поллак собрались для серьезного разговора.

— Как ты понимаешь, я здесь не просто так, — начал Поллак. — Сразу поясню, что я здесь для выполнения контрразведывательных функций. Борьба с врагами — это хорошо и прекрасно, но самый страшный враг — внутренний. Наверно, ты уже сам сталкивался. Вот вчера мы встречались с странными людьми, которые отчаянно пытаются доказать всем и вся, что СССР существует, что всем надо достать старые паспорта, и жить по советским законам. Ты сам видел их идейного лидера. Он сумасшедший. Но ему удалось найти правильных, хотя и неустойчивых людей, и он собрал вокруг себя маленькую ячейку. Или вот возьмем официальных коммунистов. Ты и раньше догадывался, и сейчас я тебе не открою Америку, что в современной коммунистической партии начиная с главы в Москве, и заканчивая областными главами и их заместителями — это специальные люди, отобранные и поставленные там нашими врагами для контроля за оппозиционными элементами. Переубедить их невозможно. Тем более тебе. Такому молодому, и на их взгляд — совершенно «зеленому». Они не просто будут ставить палки в колеса — они сознательно будут уводить людей с революционного пути, и всячески обливать тебя грязью. Ну и естественно — натравливать на тебя всевозможные органы. Даже если бы ты стал им полностью подчиняться — они бы все равно искали способ ликвидировать тебя — не только потому что ты конкурент, но и потому что они сознательно работают на тех, с кем ты борешься. Вот такая у нас странная ситуация.

— И что мы будем делать? — закономерно спросил Руслан.

— Есть такая интересная пословица — бей своих чтоб чужие боялись. Кажется, что это просто смешная несуразная поговорка. Но на самом деле это горькая и простая истина. Нам нужно убрать этих людей с шахматного поля... Скажем так... И вместо них поставить где нужно — своих. Не только в государственных спецслужбах и ведомствах — но и там должны быть наши люди. У тебя люди уже появились — и скоро на них обратит пристальное внимание вся эта якобы «союзническая группировка». Они сначала испробуют тебя на прочность — пригласят присоединиться. А должно быть наоборот — эти люди должны сами присоединиться к тебе. Должны приходить, и просить тебя взять их под крыло. Вы договариваетесь о совместных участках работы, оговариваете обязанности — и начинаете действовать в определенном направлении.

Не должно быть никаких «а вот давай», «у нас есть интересная тема» и прочая лабуда. Если к тебе приходит настоящий человек, он сразу говорит тебе цель. У наших противников это просто — приходит человек к человеку и говорит — «давай заработаем миллион рублей на двоих. Вот у меня есть это и это, а у тебя есть то и то. Если мы сделаем таки так — то

миллион у нас в кармане. Вот так же должен выглядеть твой разговор с союзниками. Простейший пример — приходят к тебе и говорят: давай поставим своего депутата. У нас есть «кандидат», у вас есть «компромат». Работаем?

Поллак внимательно посмотрел на Руслана.

— Работаем...

* * *

Следующая неделя походила на кошмарный сон. Сообщения о смертях приходили каждый день. Десятки людей. Вот вчера только разговаривали — а сегодня он мертвый. Упал с высоты. Разбился в машине. Умер от осложнения гриппом. Внезапная остановка сердца. Или дыхания. Застрелили. Разбили голову в подъезде. Сгорел в собственной квартире, машине или гараже. Задохнулся. Взорвался газ...

В первый день погиб первый секретарь областной организации местных коммунистов. Старикан по фамилии Кленовенький. Мерзкий, желчный, ненавидящий все нестандартное, и чрезвычайно ласковый с бабушками всех мастей, из-за чего они его любили как родного. Отвечали взаимностью, так сказать. На следующий день за Кленовеньким умер от инсульта его правая рука — председатель Контрольно-ревизионной комиссии. Еще более древний старичок, бывший спецслужбист, правая рука и мозг первого секретаря... бывшего первого секретаря...

Опять же, в первый же день — разбился на машине председатель местной господствующей партии Родная Россия — некто Пузов, депутат и глава фракции. Потом от удара током в ванне погиб главный пиар-агент этой всемогущей партии, серый кардинал областного масштаба Сергейчик.

При непонятных обстоятельствах умерла Елена Пашкова, главный редактор местной коммунистической газеты, по слухам — преданная любовница престарелого Кленовенького. Вообще-то на страницах якобы «красной» газеты чаще мелькало лицо президента и первых лиц области, нежели какие-то оппозиционные действия.

Далее один за другим умерли председатели двух парламентских партий в области. Пробили голову в собственном подъезде начальнику центра «Э» местной полиции.

Задохнулся во сне в объятиях любовника главный редактор областного медиа-холдинга.

И так далее... В течении недели в городе умерли или при крайне странных обстоятельствах погибли чуть ли не все лица, напрямую влияющие на политические настроения обычных граждан. А к концу второй недели никто уже особо и не обсуждал эти смерти. И не такое в жизни бывает.

Официальные коммунисты попытались экстренно собрать областное собрание и выдвинуть заранее намеченную кандидатуру. После голосования новоиспеченный первый секретарь, занявший место в президиуме, под аплодисменты отхлебнул из своей бутылочки с минеральной водой, и собирался было сказать речь, как поменялся в лице, и в страшных мучениях умер прямо на сцене. Эксперты определили цианид, просмотрели все камеры...

Бутылка все время стояла на столе, была открыта лично погибшим, никто к ней не подходил вообще — и тем не менее преступление состоялось. Более того, цианида в минеральной воде вообще не было обнаружено, даже следов. У некоторых экспертов создалось даже впечатление, что кто-то из зала очень метко, например из шприца, впрыснул каплю отравы прямо в рот, когда человек открыл его произнести речь... Это было из области фантастики, но другого объяснения просто не было...

К изумлению Руслана ему позвонили из столицы, из Центрального Комитета коммунистической партии, и просили рекомендовать человека на пост исполняющего обязанности первого секретаря области, либо занять этот пост самому. Временно. Руслан попросил минуту, связался с Поллаком.

— Назначай кого-то из своих, — рявкнул Поллак в трубку. — Семенова или Яковлева порекомендуй. Они у тебя официальные члены в компартии, пусть кто-то из них...

Уже на следующий день из Москвы пришел приказ о назначении простого коммуниста Яковлева, Павла Сергеевича, двадцати семи лет — на пост исполняющего обязанности первого секретаря по области. Надо ли упоминать, что Павел Сергеевич работал на постоянной основе в местном областном филиале спортивного центра «Евпатий»?

Поллак уже не был жизнерадостным юношей. Его лицо, постоянно мелькающее перед Русланом, приобрело непоколебимую жесткость. Куда только делись его улыбочки и шуточки... Руслан не сомневался, что именно Поллак напрямую связан с этими убийствами. Как это может быть — объяснения тоже не было, но создавалось устойчивое впечатление, что в городе действует группа высокотехнологичных, профессиональных, и абсолютно неуловимых убийц.

Губернатор почти вместе со всей своей командой и даже семьей — экстренно уехал за границу.

На первый взгляд все было так, как и всегда. Шел снег. Его разгребали машины и тихо матерящиеся дворники. Работали офисы, магазины и малочисленные предприятия. Судебные приставы описывали имущество очередного должника. По новостям шли постоянные достижения народного творчества. Все шло своим чередом.

Город стоял абсолютно без управления — и никто этого не замечал.

* * *

Снова потянулись дни и ночи непрерывной работы. Теперь Марат вытаскивал не кого попало, а вполне конкретных людей, на больших должностях и с большими связями. Поначалу наблюдение за каждым из них было круглосуточным, но как только счёт перевалил за несколько сотен — это стало невозможным. Для обычных людей, но не для Юты. Она совершенно четко вела наблюдение, одна — за всеми сразу. Решения принимала молниеносно, ни с кем особо не советуясь. Только что был сигнал от человека, показывала картинка, шел звук, плясали на экране параметры — и нет: ни сигнала, ни картинки, ни

звука...

Хорошо, если об очередной разорванной голове скажут где-то по новостям. Кратенько, без подробностей. Ну да, был... Ну вот, не стало...

Процентное соотношение было примерно таким — десять человек из ста сразу пытались донести какую-то информацию до сослуживцев, подчинённых или начальников. Эти десятеро погибали в первые сутки после внедрения Наблюдателя. Двадцать человек из оставшихся девяноста сразу и довольно явственно «перекрашивались», как генерал Попов, и искренне, потихонечку начинали работать против системы, их породившей. Они специально и громко говорили о вещах, которые, по их разумению, могли принести пользу будущему социалистическому государству.

Из оставшихся семидесяти — шесть десятков никак не проявляли себя. Вели вроде бы обычный образ жизни, на рожон не лезли. Как будто ничего не случилось...

Оставшийся десяток проявлял изрядную хитрость: чтобы и голова уцелела, и каким-то образом оповестить о своем положении хоть кого-нибудь. Они не бросались в первый же день писать ногой на бумаге "спасите-помогите". Нет, они довольно долго обдумывали свои действия, писали на компьютере с выключенным экраном, находили людей которые умели читать по губам, парочка даже отстукивала целые рассказы азбукой Морзе. Это было бесполезно, и даже в некоторой степени забавно — человек, пытающийся перехитрить смерть — всегда смешон.

Но что они могли сказать? «Меня похитила неизвестная сила, перенесла в непонятное место, я ничего не видел, слышал только голос, который предупредил меня, что скоро произойдет социалистическая революция, и что в меня будет внедрена наблюдающая аппаратура?» Может кто-то и воспримет это всерьез, и даже совершит несколько телодвижений, а потом голова «всерьез озабоченного» разлетится как арбуз, или он пропадет навсегда, просто закрыв дверь после доклада, или зайдя в кабинку туалета, или даже в момент телефонного звонка.

Страх сковал людей государственного масштаба. Некоторые из них, кожей ощущая опасность, пытались бежать. Ничего не объясняя, даже родным, даже не особо собираясь — пытались бежать за границу, но успевали максимум доехать до аэропорта.

* * *

Овод, Кунгур и Глок оповестили всех доверенных, что будет второе общее собрание. Марат был только за. Он вообще искренне радовался за единомышленников, если они проявляли хоть малейшую инициативу. Любая полезная инициатива приветствовалась. Даже самая рискованная. В конце концов — у Маузера и Люгера сейчас есть такие возможности, что они могут не опасаться любых последствий.

Собрание провели примерно в полночь, но уже не в гараже Двадцать Четвертого, а в помещении тира спортивного комплекса Евпатий. Набралось почти шестьдесят человек — все исключительно проверенные, надежные товарищи. Фактически — весь руководящий состав. И именно поэтому собрались в такое позднее время — у всех дела, дорога каждая секунда.

— Митинг объявляю открытым, — проворчал Глок, заняв место в президиуме. — Это будет именно митинг, потому что стандартное собрание подразумевало бы выборы секретаря, председателя и прочую чепуху... Поэтому объявляю митинг, то есть то же самое собрание, но без президиума. Товарищи, устраивайтесь поудобней, разговор будет только по существу. Первым начну я...

Алексей откашлялся, и попытался пригладить волосы.

— Я получил данные, что сейчас наш враг, то есть правительственные органы, стали пользоваться шифрованием по вопросам связанным с нашей организацией. Прошу обратить на это внимание. Нам, в свое время, потребовались годы, чтобы соратники поняли, что в условиях противостояния необходимо пользоваться своим шифром, жаргоном, условными обозначениями. Годы. А они это сделали, насколько мне известно — за один день. Я понимаю, что для нас это смешно, и товарищ Люгер сейчас обладает возможностями расшифровать любое засекреченное послание за секунды. Но, насколько мне известно, у нее тоже есть собственные пределы. Наш противник рано или поздно выработает стратегию и тактику борьбы. Они уже ее выработали. Давно. Все важные решения по нашим вопросам обсуждаются в специальных банях, где невозможна никакая запись. Вместо бумажных, электронных и даже телефонных средств — применяют гонцов, с устными распоряжениями. У них людей много, они могут себе это позволить. Так что мое предложение коротко и ясно: воспользоваться умениями товарища Маузера и Люгера, физически уничтожить в ближайшее время правительственную верхушку, и начать рулить самим. Легально. Этот вопрос ставлю на голосование в конце нашего митинга.... У меня все...

Вот так. Честно, прямо и решительно. Марат был готов расцеловать Глока. Какие же все таки молодцы. Какие, все-таки, рядом с ним классные люди...

— Следующий по списку выступает товарищ Кунгур, — громко объявил Глок.

Кунгур вскинул голову:

— Ну-у-у, — начал он. — Я согласен с Глоком, и хотел поднять тот же вопрос. У нас с Макаровым примерно такие же проблемы. Мы столкнулись с тем, что идеологическое оболванивание населения идет даже не через средства массовой информации, а через художественные источники. При всех наших усилиях мы не можем взять под контроль это явление, потому что оно управляется извне. Причем на уровне устного приказа. Поэтому я добавлю, что в случае, если мы решим немедленно взять власть — нам будет необходимо не просто уничтожить современное правительство, но и тотальный контроль над искусством, и уничтожение наиболее активных агентов пропаганды — начиная от журналистов, заканчивая писателями и музыкантами. Но это уже частности, поэтому хочу передать слово Юте Нечаевой, чтобы она точно прояснила нам ситуацию.

Юта, до этого погруженная в себя, с непониманием посмотрела по сторонам.

— А чего сразу я? — спросила она с недовольством. — Ладно, сейчас, погодите...

В воздухе словно запахло электричеством, этакая смесь озона и тлеющей проводки.

— В общем так, — начала Юта. — Способности у меня реально огромные. Даже сейчас, разговаривая с вами, я одновременно прослушиваю несколько миллионов телефонных линий, просматриваю несколько сотен тысяч видеорекамер, веду разговоры с тысячами людей. Но способности мои ограничены, это тоже факт. Самым слабым звеном являюсь я сама. Как, впрочем, и Маузер. Он может управлять определенными объемами и массами материи, но они четко ограничены. Вот что я скажу — как только мы тут возьмем власть — на нас обрушится весь мир. Так уж получилось, что в рамках нашей страны я практически неограниченна. Но весь мир контролировать не получится. Особенно сейчас, когда все переговоры пойдут в зашифрованном виде. Элита начала чувствовать опасность. Это так. Они ищут источник опасности — и скоро его найдут. К этому моменту мы должны быть готовы. Пока мы не готовы. У меня все...

— Мое слово! — прозвучало с галерки.

Толпа расступилась, и в центр вышел товарищ Людоед. Многие его называли — товарищ Хирург. Ну а какой может быть второй псевдоним у человека, который, имея медицинское образование хирурга, сейчас занят только тем, что каждый день внедряет сотни Наблюдателей всевозможнейшим людям прямо в голову? Его волосы сегодня топорщились во все стороны, да и сам он напоминал сейчас какого-то сумасшедшего профессора из второсортного боевика.

— Мы должны усилить специализации, — начал говорить Людоед-Хирург без всяких покашливаний и раскачиваний. — Вот у меня специализация должна быть только одна — шлюхи, скажем так, в органах. Я на них заточен. Вот их я и буду вести. А то свалили на наш отдел всё и вся — и за этими следи, и этих веди, этих проверяй, и так далее. Так дело не пойдет. Вот есть товарищ Поллак, — указал рукой Людоед. — У него специализация — чистка и реконструкция коммунистического движения, приведение в порядок политического горизонта. Коммунистов в одну сторону, либералов — в другую. Дураков — в утиль, умных к себе поближе. Прекрасно. Пусть этим и занимается, расширить ему собственный штат, пять человек это не серьезно, и выдать ресурсы. Ввести наконец отдел утилизации и зачистки... Но не это главное. У нас тут есть опасность похуже. Насколько я знаю — товарищи Люгер и Маузер пока еще не прошли последнее испытание, или Тест, как они говорят. И вот если они не пройдут? Ну вот представьте — не смогут пройти. Придут к нам такие обычные человечки, из костей и мяса, и не будет больше ни пакетов с деньгами из штанов товарища Маузера, ни тотального наблюдения за ситуацией со стороны товарища Люгера. Или вообще наша убойная парочка исчезнет, как их и не было... Ничего, что я вот так? — бывший врач посмотрел Марату в глаза.

— Все правильно, товарищ Хирург. Такая опасность есть, — твердо сказал Маузер.

— Мы тут привыкли, — продолжал Людоед. — Что на нас всё как с неба валится. Позвонил товарищу Люгер... бац... тебе десять миллионов на карту упало. Нужно что-то — написал товарищу Маузеру в личку и... трах-тибидох — вот тебе искомый агрегат, в количестве тысячи экземпляров.

Толпа заволновалась.

— Что ты предлагаешь конкретно? — прогудел Тренер. — Ты знаешь сколько мы ежедневно выпускаем из Евпатия? Триста человек! И уже зашиваемся. Я сплю по четыре часа в сутки максимум!

— У меня в шестидесяти субъектах открыты кадровые агентства! — выкрикнула Овод. — Там сидят девочки и сортируют тысячу людей в час, по всей стране...

— Тихо! — поднял руку Хирург. — Спокойно. Вот об этом я и говорю. Скоро счет уже пойдет не на тысячи, и даже не десятки тысяч, а на миллионы. А может и десятки, а то и сотни миллионов людей. Но даже не об этом речь.

Хирург-Людоед взял паузу. Потом начал снова:

— Я говорю, что наша материальная база сейчас базируется фактически на двух ногах. Вот вся наша масса стоит на... Маузере и Люгере. Это неправильно. Это недопустимо. Нам нужны свои источники финансирования, свое производство... Реальное производство и реальные источники финансирования. Своя реальная армия. Своя реальная бюрократия, суды и ведомства, чтобы разгрести кучу мелочевки. Я понимаю, что достичь этого можно только если мы действительно начнем действовать легально, как и сказал товарищ Глок — легально возьмем власть в стране. И я знаю, что один Маузер спокойно может перекрошить всю государственную верхушку за полчаса, и назначить президентом кого угодно. Но он

этого не делает. Поэтому предлагаю послушать товарища Маузера... На этом у меня тоже все.

Хирург закончил и устался на Марата.

— Уговорил, — усмехнулся тот. — Ладно. Слушаем полный расклад. Мы с Ютой на самом деле не всемогущие. Более того, тут уже зашла речь о последнем Тесте, и такая опасность есть. Хуже всего, что мы не можем никого из вас отправить на тестирование... Все в курсе, надеюсь, что Тестовая дверь больше не открывается.

Народ печально закивал. Многие пробовали открыть бронированную дверь в бывшем офисе Разина, ни у кого ничего не получилось. Искали подобные офисы в других городах, и даже странах. Даже находили. Но двери не открывались...

— Других вариантов, — продолжал Маузер. — Мы не обнаружили, с тех пор как достигли полной загрузки. Хотя нам известно, что такие входы были... по всей стране..., да что стране — во всем мире. Сколько еще таких суперменов и супервуменов как мы прячется — никто не знает. Я подозреваю, что их немного, и они реально скрываются, как в фильмах. То есть сидит себе такой в офисе Кларк Кент, и ждет отмашки для спасения человечества. Не исключено, что если мы с Ютой выйдем из тени — то эти ребята не обрушатся на нас, как на главный источник опасности человечеству. Я бы, знаете, тоже постарался ликвидировать последователя Гитлера до того, как он наберет силу. Все надеюсь понимают, что мозг земного обывателя во всех странах, за исключением Кубы, Китая, Кореи да Вьетнама — зазомбирован на то, что коммунизм чуть ли не хуже фашизма.

— Спокойно, — оборвал Марат намечающийся гул. — Вдвоем с Ютой мы легко справимся с любым противником. Еще раз повторю — с любым, чтобы до вас дошло. Не буду ничего доказывать, просто оповещаю о факте. И, одновременно, наша схватка действительно может разнести эту планету в клочья. Это тоже факт. Еще третий факт... я вас уверяю, что другим, тем кто нас тестировал, кто за нами наблюдает — будет совершенно наплевать — и на планету, и на человеческую цивилизацию со всеми нашими приборами и культурными ценностями. Мы для них вроде плесени на дереве в лесу. Есть — и ладно. Не стало плесени, не стало дерева — ничего страшного, лес от этого ничего не потеряет, а скорее всего — приобретёт.

— Но как правильно замечено, движение необходимо, остановка как и на любой войне будет катастрофой. Я понимаю почему мы здесь собрались. Не буду говорить за Юту, но я буксую. Как и вы все. Застрял на месте. Занят по горло своим направлением, у меня тоже достигнут потолок, отрабатываю двести пятьдесят человек в сутки — и это предел. Вы это заметили, и понимаете, что застряв на месте ничего не достигнем, а может и наоборот... Поэтому с текущего момента мы начинаем вооружение наших частей. Не только оружием или навыками, но и устойчивой материально-технической базой. Не деньги из воздуха или редупликатора, а настоящие производства, акции, фонды и находим источники их пополнения. Я вообще думаю, что нужно очень хорошо потряхнуть нашу российскую верхушку. Так сказать, по-булгаковски заявить: "сдавайте валюту". Думаю и знаю, что у наших государевых служащих очень хорошие «подушки безопасности» за границей припрятаны, там речь идёт даже не о миллиардах, а о триллионах долларов. В общем, все бойцы, начиная с завтрашнего дня, а некоторые прямо сейчас — получают Уникомы, универсальные комбинезоны, которые ни пулей ни пробить, ни снять с человека против его воли невозможно, и даже поджарить или заморозить бойца в «унике» сложновато...

...надо сказать, что после полной "загрузки" и Марат и Юта стали понимать слова из синих букв, которые иногда возникали, например, на редупликаторе. В случае с попыткой копирования "Универсального комбинезона" агрегат просто извещал, что для продолжения работы ему необходимы материалы из линейки лантаноидов и актиноидов. Стоило только добавить в лоток обеденный уран и порошок для шлифовки стекол "Полерит" — как редупликатор с лёгкостью выдал точную копию "Уникома", с сохранением всех функций. Единственный и просто гигантский минус был в том, что "Уником" никак не закрывал голову и кисти рук. Это было крайне плохо, но что поделаешь, дареному танку не принято в дуло заглядывать...

— И, конечно же, оружие, — продолжал Марат. — К сожалению, инопланетных образцов у нас нет, но самые смертоносные человеческие машинки мы вам обеспечим. И у нас уже будут реальные основания для их повседневного ношения, нужные люди в органах у нас для этого уже есть. Все совершенно легально, и даже с настоящими документами... Совершенно верно, нам нужны уже реальные ударные группы и отряды зачистки, в каждом городе, чтобы они были по настоящему замкнуты на местных командиров и комиссаров, чтобы они к нам не звонили по каждому шороху, а научились действовать самостоятельно, и если требуется — крайне жёстко, точно так как и наш противник. Теперь и у меня все... Все ли поняли о чем я говорил?

— Ну-у, — протянул Кунгур. — В общем да.

— Понятно, — подтвердили одновременно Людоед-Хирург и Тренер.

— Прекрасно, — сказал Марат. — Тогда голосуем. За то, чтобы выйти полностью на легальное положение, как предлагает Глок, или на полуполегалное, как и предлагаю я. Пойдет такая формулировка? Тогда поднимаем руки, кто за первое... Кто за второе? Кто воздержался? Юта, какой результат?

Она, казалось, совсем не слушала и не наблюдала за происходящим, стояла в сторонке, углубилась в себя, и даже вроде бы спала... Но при звуке своего имени чуть-чуть приподняла голову, и, не открывая глаз, подвела итог:

— Девятнадцать за легальное... Тридцать семь за полуполегалное... Один воздержался.

— Ну и славненько, — сказал Марат. — Какие у нас на сегодня ещё вопросы, товарищи митингующие...?

***

Таким образом уже через шесть месяцев после начала активной подготовки, Красная армия насчитывала более десяти тысяч бойцов на профессиональной, то есть платной основе. Вообще то Марат считал, что для того чтобы хотя бы выйти из подполья в полуполегалное положение — им надо как минимум тридцать тысяч человек. Но, уж если на то пошло, что люди стали требовать открытых действий, да и учитывая панику в государственных органах и несколько сотен профессиональных «кротов», добровольных помощников и курсантов... в принципе уже можно начинать и с десяти тысяч. Кроме разветвленной спортивной сети подготовки, кадровых агентств, вполне официальных охранных агентств и юридических контор появились и отдел технической поддержки, собственные финансовые фонды, банк, автомастерские, магазины по продаже оружия и амуниции, отдел ликвидации, зачистки, саботажная бригада, отдел внутренней чистки

включавший контрразведку. И много чего ещё.

Марат фактически закончил все операции по внедрению Наблюдателей в высшие ряды госуправления, и перешёл к бухгалтерским отделам крупных фирм, медиахолдингам и консульским службам. По медиахолдингам все было довольно просто — достаточно было вытащить из кресел всех заместителей генеральных директоров по конкретным вопросам, опять таки вставить в них наблюдательную аппаратуру и провести беседу, чаще всего — с применением насилия. Людоед обычно использовал электричество и воду, и уже через десять минут "активной фазы" клиент понимал — шутки кончились, пора смотреть в будущее, и пристальней, и желательно без фатальных ошибок, в прямом смысле слова.

Между тем в Евпатии была подготовлена новая программа обучения. Марат и Юта, в связи с перегруженностью, уже не могли вести занятия, но это уже было не важно. Тренер ввел ещё несколько дополнительных практик — в первую очередь по командной подготовке, то есть будущие командиры и комиссары учились не только составлять команду, поддерживать там дисциплину, но и взаимодействовать с другими командами. Действовать нужно было быстро, слаженно, четко, понимать друг друга с полуслова, с полувзгляда... Ещё одно нововведение — это "симпатические" уроки.

К товарищу Тренеру месяц назад подошла женщина в довольно серьезном возрасте «после пятидесяти лет», назвалась товарищ Вебер, и передала скрепленную в скоросшивателе программу подготовки бойцов в лучших традициях екатерининских лицеистов. То есть в этой папке содержались материалы на несколько часов занятий по «бытовому поведению»: то есть вежливости, умению раздавать комплименты и благодарности, а также флирту. Сама товарищ Вебер была так обворожительна, что за несколько минут буквально околдовала Тренера, и он, конечно же, дал добро.

Таким образом, в подготовку революционера вошли не только умения поднимать в атаку, ломать руки и стрелять от бедра, но и полный контроль лица, жестов, умение тепло хвалить, жестко отчитывать, и входить в доверие к любому человеку.

Ребят было не узнать. В Евпатий приезжали разнообразнейшие личности, робкие или говорливые, несерьёзные или зажатые — а выходили оттуда словно уже матёрые волки, собранные и целеустремлённые, негибаемые, непобедимые и ко всему готовые бойцы Революции.

— Главное, потенциал то у них уже есть, — говорил Тренер Марату, явно гордясь успехами. — Надо просто его раскрыть..., нет, даже не так. Вскрыть, как скальпелем. Обойму в него вставить, как в оружие. Слышь, Маузер, пацаны мне бывало звонят, говорят что теперь девки за ним табунами ходят, вот как человек меняется, понимаешь, — со смехом продолжал он.

Марат, конечно, все понимал. Уж кто-кто, а он то отлично знал, как это великолепно — работать в мощной команде, над единственной и вполне достижимой целью, фактически без ограничений в ресурсах. Да и к тому же каждый выпускник по окончании второй углубленной подготовки получал личный уникон, и оружие.

Оружие тоже было оригинальным. С виду и по конструкции это был обычный пневматический пистолет, правда, с добавленным специальным устройством распознавания отпечатков пальцев, настроенный именно на владельца. Если стрелял из него хозяин — маленькая пулька калибра "четыре и пять", из вольфрамового сплава — вылетала из дула со скоростью более километра в секунду, и легко пробивала любую голову навывлет, с расстояния до тридцати метров. А в руках другого человека — и пустую картонную коробку

с двадцати шагов не простреливала.

— Представь, Маузер, — продолжал меж тем Тренер. — Она их раздеваться заставляет.

— В смысле раздеваться?

— В прямом. Догола. Она сама на занятие приходит в таком рубище, на голое тело. И говорит им, такая: «снимайте все, с трусами». И девушек, и мальчишек раздевает. Она им, пока раздеваются, лекцию читает, что одежда — это как наши доспехи, или обманная имитационная броня. А на самом деле — важен лишь тот, кто под одеждой. Ты и голый на эшафоте должен выглядеть как настоящий герой. Все ли посмотрели друг на друга, вот на тех, какие вы есть? А потом им раздает обноски всякие, дырявые «треники», куски марли дырявой, майки заляпанные в краске, халаты вонючие...

Тренер захохотал, а потом собрался, и продолжил дальше:

— И они, представь, начинают друг другу делать комплименты. Как он или она сегодня хорошо выглядит. Не одежда, а именно человек. Представь? Зеркал по всем стенам повесила, камер с разных ракурсов, изображение твое со сверкающей пиписькой прямо на экране появляется, пока раздеваешься. А потом заставляет их изображать разные ситуации, обычно либо признание в любви, либо отказ от неё. Да через два часа оттуда выходит профессиональный актер, человека реально не узнать. Они после её занятий меня даже пытаются построить, «по стойке смирно». Не словами, а движениями, позами, мимикой. И у некоторых получается. Представляешь? Вот это бабуля.

— Такие занятия только эта бабуля может проводить, или у нее просто методика?

— Да обычная методика, — почесал голову Тренер. — Думаю что ничего сложного, только вот человек должен быть оригинальный.

— Вот что, — сказал Марат. — Ты подумай головой, а желательно мозгом, товарищ Тренер, кого такая бабуля может еще своей методике обучить, и действуй. Научить руками-ногами махать, да из-за угла стрелять каждый второй мужик может, а тут штучная боевая единица, крайне ценная. Сможешь найти еще таких?

— Ну, — еще раз почесал голову Тренер. — Наверно смогу, незаменимых, сам знаешь, не бывает...

«Диверсионная группа в мире бизнеса»

Руслан Басов смотрел на кредитку. На очень странную, совершенно черную кредитку. Без единой буквы. Только номер, на одной стороне, и код — на другой. Не матовая, не гляцевая, а просто кусок бездонной черноты. Решительно втиснул ее в картоприемник банкомата. Введите пин-код. Конечно.

Показать баланс.

«Да».

На экране.

«Да».

6 700 000.

Руслан медленно осознал реальность. У него на руках карта, на которой шесть миллионов семьсот тысяч рублей. Еще недавно эту сумму ему даже сложно было представить. А теперь это месячные расходы на областную организацию. Которую он сейчас возглавляет. Товарищ Руслан. Боевой позывной — «товарищ ТТ-27». Двадцать седьмой, потому что первые двадцать шесть уже были заняты.

Дополнительно он получил пятьдесят штук Уникомов. То есть сто браслетов, по паре на человека. Они были очень тяжелые, килограмма по два с небольшим каждый. В добавок к

оружию, которое ему выдали, (как огнестрельное так и пневматическое) — вообще получался неподъемный груз. Хорошо хоть, что Руслан на этот раз догадался приехать не один, и не на поезде, а с командой из трех человек, и на машине. Так что все это богатство спокойно уместилось в багажнике их микроавтобуса. Еще Руслан получил личный код доступа к общей базе, правде только к своему Владимирскому отделу. Там он нашел фамилии людей, которые были либо завербованы, либо в них была внедрена наблюдательная аппаратура. Причем теперь контроль за ними возлагался на Руслана лично.

* * *

Вообще на этот раз экскурсия по городу получилась очень увлекательная. Их команду, из пяти комиссаров-командиров штурмгрупп из разных городов — вызвалась сопровождать сама Овод, директор центра по подготовке кадров.

— Товарищ Овод, можно просто Ира, — представилась она. — Я проведу с вами день по ознакомлению с нашими ресурсами и достижениями. Так как уровень допуска у меня максимально высокий, а вы не просто командиры Красной армии, но и фактически представляете власть в своем городе или области, то и человек-экскурсовод вам нужен соответствующий.

В спорткомплекс Евпатий они уже не пошли. Отправили только новичков. Руслан тоже направил туда двоих своих ребят, просто указав рукой на здание с плакатом улыбающегося президента. Люди взрослые, разберутся.

Овод же повела их в белое двухэтажное здание, всего в двухстах метрах от спорткомплекса. Обычная двухэтажная хибара, очень похожая на жилой дом, только на стоянке перед ним находилось уж чересчур много машин. Снег расчищен с учетом, что машин может быть гораздо больше.

А вот людей что-то не очень много.

Только войдя в здание, Руслан сразу начал вертеть головой. Что-то здесь не так. Да тут вестибюль уже метров пятьдесят — только в ширину.

— Одежду можно снять и оставить в раздевалке, — предложила Ира. — И сумки, если мешают — тоже. Никто ничего здесь не возьмет. Это невозможно, — с улыбкой проговорила она.

— Вот тут у нас финансово-рыночный центр, так сказать диверсионная группа в мире бизнеса, тут куются миллионы долларов для нужд революции.

— На бирже играете? — спросил наугад Руслан, просто чтоб задать вопрос.

— На ней, можно сказать, да... играем, — Ира улыбнулась. — Если интересно, могу рассказать...

— Конечно интересно, — кивнул Руслан. Он продолжал ошарашенно осматриваться по сторонам. Как это так? Такие огромные пространства внутри самого заурядного домика. Розовый мрамор под ногами, потолки под пять метров. А это что? Да это же... лифты. Лифты, мать их — в двухэтажном здании! Как вам это нравится?

Ирина открыла стеклянную дверь в огромный зал, заставленный рядами офисных столов. Не смотря что за ними сидела как минимум сотня человек (половина рабочих мест пустовало) — здесь была почти тишина, и только постоянный стук пальцев по клавишам нарушал её. Люди почти беззвучно говорили в гарнитуры, гудели мониторы, но разговаривать здесь можно было даже шепотом.

— Алгоритм простой. Те, кого ты видишь, это брокеры, от разных фирм и фондов, которые существуют, честно говоря, на бумаге. Итак, вот он, например, — Ира кивнула на

ближайшего. — Конкретно сейчас покупает акции фирмы, которая производит зажигалки. Обычные зажигалки, очень дешёвые. Сколько в мире фирм, производящих зажигалки? Тридцать? А сколько из этих тридцати находятся в Китае? Пятнадцать. И наш брокер заранее покупает акции не-китайских фирм, миллионов на сто, долларов, естественно. А китайские — перестают выпускать свою продукцию, или работают на склад, обеспечивают только Китай... Создаётся искусственный дефицит дешёвых зажигалок, люди начинают покупать подороже. Не-китайские фирмы процветают, выплачивают на наши сто миллионов заранее купленных акций — дивиденды, скажем, десять миллионов. После выплат дивидендов мы начинаем сливать эти акции, но теперь они стоят дороже... миллионов так сто двадцать, иногда и побольше. Чтоб цена держалась высокой, вот этот брокер может продать акции своему соседу, деньги то все равно возвращаются нам. Вот и все. Вложив сто миллионов, мы за три-четыре месяца возвращаем сто тридцать, как минимум...

— И Китай делится с вами такой информацией? — изумился кто-то за спиной Руслана.

— Нет, конечно, — улыбнулась Ирина. — Он ее нам специально присылает. Не делится, а конкретно говорит, что и когда надо делать. Но это даже не мой уровень. Я вообще ни с одним китайцем не разговаривала. Это не важно. В Китае даже так называемые владельцы фирм зачастую не знают что к чему. Приходит человек, от компартии, и говорит, что пора вставать на переоборудование, либо просто приостановится, на некоторое время... Эти производства высокоэкономичные, работников там человек сто, зарплату из потенциальной прибыли заплатить за три месяца не сложно. Это только на бумагах хозяин в Китае вроде как собственник, на самом деле он и шагу без партии ступить не может, какой там рынок рулит... Коммунистическая партия там рулит и вертит, таким вот совершенно нехитрым способом выкачивая денежку из бестолковых господ капиталистов. Китай, кстати, даже специально распускает слухи, что у них там олигархи, миллиардеры и прочие буржуины, — Ира рассмеялась. — А на самом деле партийная воля и плановая экономика куда крепче всех рынков и брокеров с искусственным интеллектом, вместе взятых. Только загвоздка, раз там компартия правящая, и представляет собой правительство и государство, то такие действия, как я вам описала, другие господа предприниматели квалифицируют как прямую экономическую агрессию, со всеми вытекающими, с санкциями, нотами и порчей всевозможных государственных отношений. А что с частника взять? Вот и наплодили в Китае своих миллиардеров да олигархов, сплошь все бывшие чиновники, да военные, и действительные члены коммунистической партии. Вот они и виноваты в перекачке капитала с запада на восток, нехорошие дяди, директора по сути колхозов и кооперативов... Хотите мы этих миллиардеров, то бишь директоров колхозов — регалий лишим? Постов и орденов, и даже расстреляем? И расстреляют, кстати.

Руслан посмотрел на сидевших за компьютерами "социалистических брокеров».

— Значит, — сказал он практически сам себе. — Тут чистого дохода, наверно, около миллиона в день?

— Ну, примерно так, может чуть больше, по сравнению с китайскими товарищами — чистые слёзы. У них масштабы как минимум на три-четыре порядка выше, даже по самым скромным оценкам там где мы берём миллион — они получают миллиард.

— Но... Китай же таким образом теряет рынок...

— Рынок чего? — рассмеялась Ира. Хороший у неё смех, как заразительный... — Рынок дешёвых зажигалок? Да ну, перестань, они и в убыток могут производить, это же социалистическое государство, они на прибыль не закольцованы, только на чистый продукт. При социализме убыточное производство не прекращает работать, если продукт даже не востребован, но необходим. На Западе прекрасно понимают, что делает Китай, но сопротивляться не могут, нет таких механизмов. Чтобы их получить, надо великого золотого тельца взять в узду, ликвидировать частную собственность и отдать все в руки коллективного разума, ориентированного на выживание всего общества, а не отдельной его части. Социализм, проще говоря, надо начинать строить. А ликвидация частной собственности, особенно крупной... Это очень болезненное дело, сами понимаете.

— А не боишься нам все рассказывать? — спросил Руслан. Он уже давно не был девятнадцатилетним пацаном, которые приехал в Евпатий полгода назад. Теперь это был настоящий военачальник — сильный, волевой, решительный, спрашивал напрямую — что с подчиненных, что с начальников отделов кадров.

— Пф, ещё чего, — фыркнула Ирина. — Если ты здесь, да еще и с полномочиями областного комиссара — значит, тебя проверили, и уровень надёжности достаточный. Да и что ты можешь рассказать? Что мы тут в биржу играем? Так это не запрещено, а что угадываем больно много и слишком часто, ну... так удача на нашей стороне.

— Но я покажу вам еще кое-что. Вы это обязаны увидеть, — сказала она уже без улыбки, и повела всех по коридорам, которые становились все пустыней, вниз, по бесконечным лестницам.

— Вы все — чрезвычайные и полномочные комиссары по своим областям, — говорила она очень серьезно. — Вам надо много знать, и многое понимать.

Руслан ошеломленно вертел головой. Они, наверно, сейчас на несколько десятков метров под землей. Что это за подземный город? Сверху никаких отвалов земли не видно, как не заметно и метровой колеи от тысяч грузовиков, которые просто обязаны были отсюда вывозить кубические километры земли. Тут же миллион человек можно спрятать! Тысячи помещений, сотни коридоров и коридорчиков.

Меж тем они остановились перед бронированной дверью без всяких ручек и глазков. Ира приложила к ней ладонь, и дверь мягко открылась. Здесь снова достаточно многолюдно. Куча непонятной аппаратуры, и запах почти как в больнице. Темный, едва освещенный коридор, в конце которого несколько помещений. В нишах-гротах сидят несколько человек, на больничных креслах-кроватях. Руслан и Ира остановились около первого. В ярко освещенном закутке размером «три на три», прямо посередине, в медицинском кресле — лежал тучный человек. Голова его была чисто выбрита и опутана проводами с присосками и

иглами. Около него, на обычном офисном кресле, сидел человек, но в шлеме, хотя тоже опутанном проводами.

— О, Ир, привет! — глухо сказал человек в шлеме. — Что, привела новых «чрезвычайников»?

Человек встал с кресла, снял с головы шлем, шевелюра непослушных волос расплескалась по плечам.

— Что, наконец то на укладку сходил? — со смешком спросила Овод.

— Людоед, — представился он, игнорируя насмешку. — Товарищ Людоед. Некоторые зовут Хирургом.

— Товарищ Людоед занимается..., - начала было Ира.

Но тот отмахнулся, и быстро заговорил:

— Да ладно, потом расскажешь. Ир, ты прикинь, как повезло, этот чудак счетов имеет на пару миллиардов, зарегистрированы, изначально, как обычно — совместно на несколько крупных полицейских, а теперь он один остался.

Тягодум кивнул на тучного мужчину в медкресле:

— Представь? Пара миллиардов. Это только чистые деньги. А сколько в бумагах — даже сказать страшно. Ну ты представь — они все ресурсы качали за границу, и одновременно почти все средства уводили туда же. И кое-что из местных налогов прихватывали. Ты представь себе размеры насоса. А? Это просто... невообразимо...

Было видно что товарищ Людоед действительно возбужден, его аж слегка потряхивало.

— Ты «Мастера и Маргариту» читал? — теперь уже Людоед-Хирург обратился к комиссарам. Руслан недоверчиво кивнул.

— Читал.

При чем здесь «Мастер и Маргарита»?

— Помнишь там сцену «сдавайте валюту»? Вот у нас здесь то же самое, только в более прогрессивном виде, — продолжал бывший врач. — Тут у нас собраны «пупы страны», крупного и среднего разлива. Губернаторы там, и их замы. Бухгалтера господ миллионеров и миллиардеров. Иногда начальники департаментов и отделов, обычно с большими звездами и посообразительней. Мы их обездвигиваем, колем барбитуру всякую, и одновременно кое-что из наркоты, чтоб они в транс впали... Навешиваем аппаратуру, и с помощью ассоциативных связей получаем информацию. Я сейчас на заключительном этапе первого уровня, пациент в глубоком транс, я сейчас картинки с его мозга получаю, через свой мозг, проверяю инфу, так сказать, на достоверность. То есть у нас на руках будет полная картина, с вербальным и визуальным подтверждением некоторых фактов. Это технология... скажем так... очень далекого будущего.

— Вы не представляете, — продолжал дальше Тягодум. — Некоторых из них так профессионально готовят, что они даже под барбамилом с ЛСД не вспоминают, как будто вычеркивают из памяти, помнят только, что в определенной ситуации должны пойти в отделение банка, там в одной ячейке взять ключ и бумаги, и передать другому «товарищу»... Речь же идет о таких суммах — закачаешься. Пароли к счетам специально не запоминают, о кодах и говорить нечего, у них для этого вообще специальные люди есть, которые эти пароли и коды хранят в своей памяти, как набор цифр и букв, или как специально выпущенную для этого купюру или сертификат... И там не счета, это мне повезло что у этого мудака свои личные счета. Там фирмочки, два-три человека, и переместить денежку с счета фирмы могут только эти трое совместным решением, ну... только если свидетельства

о смерти двух подельников нет.

— И сколько здесь сдается? — спросил Руслан.

Овод и Людоед переглянулись.

— Когда как, — пожал плечами последний. — Иногда пара миллионов в день. Иногда сотня. Один день было аж тридцать с лишком миллиардов. А некоторые дни — вообще ничего.

— Тридцать с лишком миллиардов рублей? — уточнил кто-то.

Хирург широко улыбнулся.

— Долларов, товарищ, долларов. Этот отдел потому так и называется — СВ, то есть «Сдавайте Валюту». Ир, сходи, покажи ему следующие уровни.

— Есть еще следующие? Уровни? — удивился Руслан, когда они покинули словоохотливого товарища Людоеда, и стали спускаться еще ниже.

— Конечно, — спокойно объясняла Ирина. — После получения информации надо произвести выемку средств, а также ликвидацию хвостов, и исходного материала. Кстати, «хвостами» занимается верхний отдел, мы уже там были.

Ира ткнула пальцем вверх.

— То есть они там эти средства вплетают в биржевые махинации, и выводят уже чистые деньги. Поэтому товарищи китайцы и господа биржевики нам некоторые вольности пока прощают — мы средств вводим больше, чем выводим. Что рекомендует нас как чрезвычайно выгодных партнеров.

— Но... тридцать миллиардов!

— Да, иногда приходится сильно напрягаться. Смотри, тут у нас «барокамеры»....

Они сейчас шли по очень широкому коридору. Справа и слева были стеклянные стены, а за прозрачными стенами — длинный ряд дверей, небольших, чрезвычайно массивных.

— Здесь, после первого этапа, находятся наши «сдавшие валюту». То есть мы пока ничего не извлекаем из их счетов и фирм. Идет проверка информации. Ну и естественно ждем, смотрим, какие службы возбуждаются, кто конкретно ищет и издает приказы на поиск, снова получаем информацию о его соучастниках, и вновь запускаем колесо.

— Они прямо напичканные химией, — говорила как ни в чем не бывало Ира. — Попадают в одну из камер. Камеры обиты мягким материалом. Полная и абсолютная темнота, ни одного фотона света. Воздух специально и тщательно фильтруется. Ровная комфортная температура и влажность. Звук исключен, еда полностью безвкусная. Почти все органы чувств отключены. Зрение. Слух. Обоняние. Вкус. Осязание, фактически — тоже, — перечисляла она.

— В таких условиях время растягивается. Часы кажутся сутками и неделями. Сутки — годами. Недели — вечностью.

— А как же отходы?

— Там полы специальные. Не смогу сейчас объяснить, в общем все втягивается и ничего не остается... да оставаться там особо и нечему, еды и воды им выдается через соски в стенах ровно на функционирование организма.

— И что, они там навсегда? — поежился Руслан от представленного.

— Нет, что ты... Полный слом психики нам не нужен. Через некоторое время мы его подготавливаем к акции. То есть к третьему этапу. То есть он сам, добровольно должен поехать, и перевести средства с одного счета на другой. Кстати, объект, — она произнесла слово «объект» так, что Руслан снова почувствовал что по спине бежит холодок.

— ...так вот, объект не видит, обычно, кто к нему обращается. А вот план согласуется и выверяется до запятой, то есть прямо по времени, покупаются заранее билеты, проводятся заранее договоренности, у «объекта» обычно есть легенда, обычно — «задолбало все, сбежал от вас, месяц жил один на Шпицбергене без связи»...

— А на Шпицбергене об этом знают? — спросил кто-то.

— Да. Знают, и подтвердят. Даже доказательства предоставят, как он там в юрте с медведями любовался северным сиянием, — продолжала Ира. — Но обычно это уходит на второй план, потому что события развиваются стремительно, деньги переводятся, в банке на Кипре стоит растерянный человек, не помнящий, и не понимающий ничего. Тебе его жалко?

— В смысле? — не понял Руслан.

— Ну... человек, умный, хитрый, шустрый, богатый, в какой-то мере — преданный, образованный, образцовый семьянин... — и вдруг превращается в кусок биомассы, который готов рассказать все, но не понимает что с ним происходило последний месяц, желающий лишь одного — покоя...

— А четвертый этап есть?

— Да, конечно, — серьезно ответила Ира. — С самого начала, в первый же день им прямо в мозг внедряется микрочип с микрокапсулой, со взрывчаткой, такая иголочка, в несколько раз тоньше самого тонкого человеческого волоса. Там есть и микрофоны, и камеры, куча датчиков всяких... Мы называем эти устройства — Налюдатели. За каждым устанавливается контроль, после третьего этапа мы смотрим — кто его находит, какие вопросы задает. Какие ответы дает объект. Если он сам, или специалисты, исследующие объект, слишком близко подбираются к правде-истине, в голову подается последний, заключительный сигнал...

— А теперь, — сказала шутливо-загадочно Ира. — Пришло время реально удивиться.

Они стояли около обычной двери. Самая обычная деревянная дверь, с ручкой, с единственным замком-бабочкой под плоский ключ. Ирина открыла эту дверь, они прошли через коридор, повернули в какой-то закуток, и встали перед следующей. Эта уже была посерьезней, монументально бронированный вход в современную квартиру.

— Пока дверь за нами не закроется, вот эта — не откроется. Это для того, чтобы кто-то не вздумал их задерживать... — сказала она. — Одновременно обе их открыть невозможно.

Она взялась за ручку и открыла бронированную дверь. Перед ними открылся выход на улицу. Февральские тучи на небе, редкие снежинки кружат в воздухе.

— Как это? — не понял Руслан. — Мы же... спускались, да?

— Да. Вроде. Спускались, — засмеялась Ирина.

Руслан вышел, вместе с остальными отошел на десяток шагов, заново взглянул на здание. Обычное кирпичное здание, жилого типа, одноподъездное, двухэтажное.

— Хотите посмотреть, что теперь за первой дверью? Через которую мы вышли?

Все снова последовали за своей проводницей. Они прошли по коридору, услышав как оставшаяся сзади дверь с тяжелым лязгом закрывается на магнитный замок. За деревянной дверью оказался уже знакомый вестибюль первого этажа, с раздевалкой, залами и кабинетами. Люди сновали по коридорам и лестницам как муравьи.

Вот теперь Руслан действительно удивился, и даже взялся за челюсть, чтобы она случайно не упала. Его сложно удивить, но теперь он начинал понимать, что стал свидетелем чего то очень неординарного, чрезвычайно высокотехнологичного, и пока совершенно непонятного, скрывающейся под совершенно безобидной, обывательской

ширмой.

— Я так думаю, что эта экскурсия была не просто так, — наконец сказал один из комиссаров рядом с Русланом. Кажется, он представился как товарищ Калаш-двенадцатый.

— Совершенно верно, — Овод говорила уже без всяких улыбочек. Теперь каждый видел перед собой железную леди, которая не предлагает варианты, а требует только и исключительно исполнения приказов. — Каждый из вас получил огромные ресурсы, оружие, средства защиты и подготовку. Но дополнительно, теперь в каждого бойца Красной армии будет введен Наблюдатель. И не один. Обычно в лицо, и за ухо. Мы сейчас снова спустимся, ваша мимика будет проанализирована, и вам введут стандартные устройства. Вы должны были увидеть и понять, что всё очень серьезно. Если вы, ваши слова, поступки и поведение будет угрожать безопасности организации — вы должны понимать, какими будут последствия.

— А если отказаться? — спросил «Калаш-двенадцатый». Он, кажется, сказал мимоходом, что приехал откуда то очень издалека. Где-то за Байкалом...

Овод обернулась, картинно щелкнула пальцами, и впереди по коридору возникли четыре фигуры, в черных раздутых скафандрах и глухих шлемах. Еще четверо, точно таких же — заблокировали выход из коридора. В руках они держали совсем не пневматические пушки — Руслан это понял сразу.

— Тогда вас не найдут, — просто сказала Магнолия. — Никогда не найдут.

Покушение

Обычный, солнечный, ранне-весенний день. В воздухе необычайно свежо, и отчаянно чирикают синицы. Снег ещё не и не думал сходить, лежит грязными мокрыми кучами. Парочка с ребенком не торопясь идет по парковой тропинке, протоптанной за долгую зиму. Девочка сидит у отца на шее, ведь внизу так много луж, которые обязательно нужно измерить. Лица расслаблены и безмятежны. Ни Марат, ни Юта не любят зиму, холод, снег... Им обоим нравится лето, желательно очень жаркое, пусть будет плюс сорок, чем жарче, тем лучше. Сабрина недовольно свешивается, ей хочется вниз, где много воды и грязи, Марат улыбается и рывком выпрямляет маленькое тельце у себя на шее. Потом спотыкается, смотрит с недоумением по сторонам. Юта смотрит на него, и видит, что у мужа прямо в виске что-то торчит, что-то маленькое, круглое и блестящее.

— Бронебойная, прикинь, — говорит Марат спокойно, и вытаскивает пулю из головы.

На лице Юты одна маска сменяет другую. Недоумение, далее беспокойство, изумление, потом тревога, недовольство, и под конец — бешеная, лютая, черная ненависть. Она скидывает руку — в воздухе взбухает электрическая вспышка, вторая пуля плавится ещё в полете и, обессиленная, падает около ее ног, превратившись в металлическую лужицу. Она смотрит на то что осталось от пули, потом поднимает голову, находит раскрытое окно на втором этаже в старом здании завода... — так, наверно, смотрела Медуза Горгона на Посейдона и Афины....

Два Сергея, Кузнецов и Соловьев, приехали в город N на электричке. Машину могли бы сфотографировать камеры, а для поезда и автобуса требуются удостоверения личности. Они были профессионалами и не любили оставлять следы. Тем более что дело удивительно простое, не хотелось бы на таком пустяке засветить себя и контору какой либо глупой мелочью.

Просто убрать двух «политических», которым внезапно стали благоволить пока ещё неизвестные денежные тузы и короли. Придет время и до них, а пока оппозиционная мелкотня получит урок, а «короли» увидят знак — "все под контролем". Будут заданы вопросы, разные: и кто, и где, и как, с кем — все это будет спрошено в соответствующий час, специалистами нужного профиля. А сегодня задача обоих Сергеев проста — инициировать процесс. Дело, можно сказать — для дилетантов.

Не надо никаких внедрений в электронную начинку машины "клиента", чтобы в нужный момент направить ее в лоб грузовику. Не потребуются яды, в лифте или подвале взрывчатку не придётся закладывать, и даже гранатомёт не нужен. Четыре аккуратных выстрела, первые два на убой, следующие два — контрольные. Расстояние — двести метров. Второй этаж заброшенного здания. Объекты каждый день, хотя и в разное время — ходят рожей мимо этого здания на работу. Без выходных. Видно, по свободному графику.

Позицию они заняли ещё с самого раннего утра, и сейчас просто ждали. Сергей, которого прозвали Старший, почти не мигая наблюдал за обстановкой на улице, и думал о работе. Ещё несколько лет назад в их отделе работали сотни людей, не только аналитический, но и экспертный отдел, техническая часть была завалена аппаратурой, постоянные поездки, в том числе за рубеж, десятки спецов сопровождения, вертолеты, самолёты и даже спецвагоны. А сейчас? Несколько десятков, и не сказать, что остались самые лучшие.

Сергей-младший грыз палец и думал о деньгах. Месяц назад он обнаружил, что один из его счетов основательно "похудел". Ровно в два раза, сразу на двести тысяч. А между прочим эти деньги он откладывал на поездку со своей девушкой на Лазурный Берег, и, вполне возможно, на колечко, с маленьким алмазиком, и отнюдь не маленькой ценой. Он хотел заказать апартаменты "люкс", как для молодоженов, со стопроцентным видом на море. Сходил в банк... Там только руками разводят, по их словам и электронным записям получалось так, что кто-то совершенно легально снял со счета половину суммы. Совершенно, блин, легально. Пришел, снял, и ушел. Все "проводки" в банковском компьютере в порядке. Мистика какая то.

— Объекты в поле, — сказал Старший Сергей. — Планка два, поправка на ветер — три...

— Принял, — отозвался Младший. — Работаем.

Он приник к оптическому прицелу винтовки, которая лежала на валике на столе посреди комнаты. С улицы их не было видно, здесь темно и холодно, а снаружи солнце и оттепель.

— Ребенка не задень, — сказал вдруг Старший.

— Не задену, — пообещал Младший. Он перевел взгляд на второй объект. И с чего такие красивые девки западают на таких замухрышек? Что они там в них находят?

— Сейчас, — скомандовал Старший.

— Пфаф, — мягко, почти беззвучно согласилась винтовка.

— Что за... — сказал Сергей-младший. А Старший приник к окуляру подзорной трубы, и с возрастающим изумлением увидел, как первый объект сделал движение, очень похожее на то, когда вытаскиваешь что-то из головы.

— Попадание, — пробормотал он. Видимо, пуля хоть и попала, но не задела ничего важного...

— Ещё раз, та же цель, — почему то шепотом сказал Старший.

Воздух в помещении загустел, а рот заполнился горькой слюной напополам с песком, и в зубах ощущение точно пытаешься перекусить ими пальчиковую батарейку. В воздухе запахло озоном и паленой проводкой. Девушка на улице вскинула руку, точно думала ладонью остановить смерть.

— Пуф, — как то по другому сказала винтовка, и Старший увидел вспышку, словно пуля воткнулась и закоротила толстенный высоковольтный кабель. Вот только там не было никаких кабелей, особенно высоковольтных. А ещё через долю секунды "объекты" исчезли. Захотелось даже глаза протереть, как будто ресницы слиплись от статического напряжения. Вот так, раз — и нет, ни мужчины, ни ребенка, ни женщины, как шапкой-невидимкой накрыло.

— Уходим-уходим, — пробормотал Сергей-старший, повторяя каждое слово дважды. — Быстрее-быстрее. Ходу-ходу.

И тут он почувствовал, как на его могучую толстую шею легла рука, с холодными, длинными и тонкими пальцами, охватив до кадыка, что было просто невозможно. Он хотел развернуться, но тело, его тренированное, гибко-могучее тело — совсем не слушалось своего хозяина.

— Ни в одном человеческом языке..., - сказал сзади задыхающийся от ярости и бешенства женский голос. — ...нет таких слов, чтобы описать те чувства, которые я сейчас испытываю.

Зато Старший очень легко мог описать то, что последовало через секунду. Ему показалось, что в районе копчика в него вошло сверло. Настоящее сверло, скорее всего по бетону, на предельных оборотах, и при этом — умеющее изгибаться вслед за изгибами позвоночника. Боль была самая что ни на есть настоящая, глаза чуть не выпрыгнули из орбит, а суставы на коленях и локтях постарались вывернуться. О сопротивлении не могло быть и речи, каждая клеточка тела не просто болела, она горела яркой болью, по сравнению с которой выдираание зуба без анестезии — это детский сад. Крупные капли пота поползли по щекам, а поясницу наоборот, заморозило так, что больно даже подумать что там происходит, казалось что там, прямо посередине тела проехал грузовик, и размозжил что только можно.

Потом старшего чуть-чуть отпустило. Секунд на пятнадцать, он даже успел повернуть голову, чтобы посмотреть — что же происходит.

Боль пришла снова. Теперь она была не просто резкая, она была еще и яркая, потому что перед глазами повисло сверкающее марево, и откуда то из глубины сознания принеслась мысль, что это не конец, совсем не конец. Это только начало, вот за тем маревом будет настоящее... Что настоящее — он не понимал, но осознавал, что ему туда не хочется, совсем не хочется. Еще пришло понимание и сожаление, что это крайне плохо, что они расслабились и вот уже несколько лет не носят во шве воротника вшитую ампулу. Это так

трудно — каждый раз перешивать ее, тем более что сейчас не то что тридцать лет назад — одежды море, чуть ли не каждый день — новая рубашка из магазина.

Боль еще раз отступила, теперь уже подольше, наверно на минуту, и голову ему удалось повернуть.

Черноволосая девушка сидела верхом на Сергее-младшем, прямо у того на груди, и какой-то тоненькой палочкой ковырялась у него в глазнице. Младший глухо верещал, тело его изогнулось в пароксизме, руки неестественно изогнуты, и лежали вдоль тела. На ладонях уже нет пальцев, рядом валяются окровавленные обрубки, но крови не видать, раны кто-то прижег, они еще дымятся, и железо было сильно раскалено, потому что в комнате дымно. Откуда здесь раскаленное железо?

— Очухался? — спросил голос у него в голове. И тотчас же, без всякого перехода, Боль с большой буквы накрыла Старшего снова...

— Кузнецов Сергей Венеаминович, и Соловьев Сергей Дмитриевич, — сказал Марат входя в комнату. — Работают в ГРУ, один полковник, второй капитан. Я пробил их через компьютер на Базе Шесть (так они называли бывший офис Олега Олеговича Разина).

— Непосредственный начальник, — продолжал Марат, — некто генерал-майор Никодимов. Прибыли буквально вчера, об их нахождении здесь знают восемь человек, я данные записал. Люгер, хватит фигнёй страдать, оставь их пока, пусть очухаются, надо будет их допросить, вдруг кто ещё в курсе...

— Вы, твари, на быструю смерть даже не рассчитывайте, — угрожающе произнесла Юта, поднимаясь над безглазым стрелком. — Вы у меня все выложите, от и до.

— Ты... вот что лучше, давай выруби им всем в Главном Управлении этой их чертовой военной разведки в Москве электричество, желательнее навсегда, и всю там их аппаратуру сожги, — сказал Марат. — Мне не очень с руки, я там конечно могу перекурочить все гравитацией, но надо чтобы выглядело естественно. Хорошо? Сделаешь? Адрес подсказать?

— Сама разберусь, — буркнула Юта.

— Пусть они вместо нас занимаются своими хозяйственными проблемами, — продолжил Марат. — А этого Никодимова я сегодня же в лабораторию доставлю, пусть в него внедрят и Наблюдателя. По полной программе. Очень интересно все-таки узнать, как хоть получилось, что они так быстро нас вычислили, и без всяких предупреждений решили просто грохнуть. Раньше же не так было... Раньше, помнишь, сто раз вызовут, ну... телефоны на прослушку поставят, наружное наблюдение на пару недель... Но вот так..., вот прямо мордой об стол...

— Да у нас половина набранного народу либо внештатники, либо засланные, — со злостью ответила Юта. — Они нас пока не боятся, они пока ещё их боятся, — она пнула ногой одного из лежащих. — У генералов наверно десятки устных донесений, с указанием фамилий, мест и сумм, и все ниточки к нам ведут. Вот они и решили просто прервать цепочку, а потом, на расследовании обстоятельств нашей смерти — выйти на спонсора, они же не могут предположить что спонсора нет. Деньги то откуда то идут... Надо будет хорошенько припугнуть наших новичков, да не одного, а десяток, а еще лучше сотню, что после революции, когда все их донесения всплывут — никому мало не покажется... Как там Сабрина? — спросила она совершенно другим тоном.

— Да чего ей, она даже не поняла, сдал ее Браунингу, сидят сейчас, рубятся в игрушки, — ответил Марат.

Юта меж тем размяла кисти, сосредоточилась, нахмурилась, сжала в нитку губы...

...и Вселенная вздрогнула. Мир как будто приподняло, а потом плавно опустило обратно, что-то произошло. Что-то очень странное и страшное, но далеко отсюда, очень далеко...

— ...все, — сказала она через несколько секунд. — Сделано. У них там, правда, несколько пожаров возникло, да шарахнуло тех, кто в бассейне купался, скорее всего сейчас утонут. Ну да это к лучшему. Скачок электричества, массовые пробои, генератор там у них расплавился в подвале, ну и вся техника тоже, парочка трупов. Пусть гадают что произошло, полезно для ума и здоровья. Слышишь, ты тут потом прибери, когда я закончу...

— Ладно, — ответил Марат. — Сильно только не задерживайся.

— Часа через два буду, — пообещала Юта, и закрыла за мужем дверь.

По пути в спорткомплекс Марат ещё раз обдумал ситуацию.

Конечно, взялись они рьяно. За эту зиму он в одиночку ликвидировал несколько сотен высокопоставленных чиновников — уже не просто управленцев, но и представительных фигур. Несколько тысяч сейчас, через пень-колоду, кое-как — но сотрудничают. Но трупов слишком много — в основном, конечно губернаторы или начальники полиции иди федеральной службы безопасности, иногда их замы. Иногда — мэры и главы депутатских корпусов. Заместители министерств и ведомств. Крупнейшие банкиры и экономисты, заседатели советов директоров. Сотни, если не тысячи сотрудников, которые пытались расследовать эти дела.

А сейчас они взялись за самую настоящую элиту. Ведь она, в большинстве случаев — невидима. Это одна из особенностей любой элиты. Её не видно на поверхности, они отнюдь не куски дерьма, которые всплывают тут и там. Они — крупная рыба.

Конечно, все это вызвало жуткий переполох, но следов не было, все мероприятия заводили следствия в тупик. В лучшем случае — выводили на версии об иностранном вмешательстве, Марат всегда пользовался только заграничными ингредиентами.

Ведь в какой-то момент стало слишком хлопотно — доставлять каждого в лабораторию, опрашивать, после допроса вставлять ему взрывчатку, доставлять обратно. Зачем? Если во многих случаях все было как на ладони, надо было просто ликвидировать опасность от того, или иного служащего.

Если это был огнестрел — то находили пулю и гильзу натовского калибра "пять пятьдесят шесть". Если яд — то настоящий кураре из Бразилии. Внезапную остановку сердца Марат инициировал, просто увеличивая его вес примерно в сто раз, чтобы сердечная мышца даже не могла сдвинуть с места такую тягу. Большая часть остановок сердца пришлась на посещения своих любовниц и любовников. Ходили высокопоставленные лица налево часто, даже чересчур. Наверно, стресс снимали.

Кто-то утонул в бассейне. Многие вываливались из окон. Еще несколько улетели на своих бронированных мерседесах с моста, или лоб-в-лоб с многотонным грузовиком, и тот и другой на скорости больше «сотни». Все как и раньше. Только теперь с другой стороны.

Одновременно Марат организовывал службу «зачистки». Вот когда ему пригодился инопланетный октокоптер, который он уменьшил и размножил на редупликаторе, получив в итоге сотню смертоноснейших «машинок». Пока еще отдел насчитывал трех сотрудников, но на примете был еще десяток кандидатов.

Скоро он сможет освободиться от этой работы. На дестабилизацию государственного аппарата, на которую у народовольцев более ста лет назад уходили годы и десятилетия, десятки если не сотни погибших и казненных товарищей — у Красной Армии ушло полгода,

без каких либо серьезных потерь, и даже проблем.

Понятно, что почувствовав опасность, элита затребовала от государственных спецслужб хоть каких-то результатов, и, конечно же, они решили подстраховаться, убрать хотя бы тех, кто для них непонятен, и потенциально опасен. Решили дернуть за ниточки...

И два Сергея поехали в город N...

* * *

— Что там у нас? — спросил Марат, как только вошел в помещение спорткомплекса.

Навстречу ему уже спешила товарищ Овод, и выражение лица у нее было совершенно не радостным.

— Товарищ Манлихер пропал в Москве. Пошел на встречу, и не вернулся. Найти не можем. Товарищ СВД ранен, и находится в больнице в критическом состоянии. Ночью произвели аресты, в нескольких областях взяли несколько десятков товарищей, — Ира докладывала спокойно, без всякой истерики, даже, пожалуй, с задором. — Я же говорила, что и всем нашим надо внедрять Наблюдателей. Человек пропадает, а мы узнаем об этом на второй день, и понятия не имеем, что он, где и кому рассказывает. Самая тяжелая ситуация в Челябинске, там похватили вообще всех, кроме этих млядских...

— ...капэрэфов..., и, думаю, местной партии Трудящихся России, старперов поганых, чтоб их корова в задницу всех лягнула..., - продолжил Марат за помощницу. — Да, это ты права, ладно, нужны Наблюдатели, причем в идеале каждому. Так и будем делать, сегодня же вызываем основные звенья ячеек, и внедряем их в структуры наблюдения. Если отказывается — убедить. Если не убеждается — насильственно. Рисковать мы не можем.

— Если их начнут колоть и расколют — под опасностью вся сеть, начнут хватать всех подряд.

— Не волнуйся, я сегодня же займусь вопросом, будет решено в течении трех суток. Распорядись подобрать документы — кто за этим может стоять, и к кому стекается вся информация непосредственно.

— Уже сделала, — отозвалась Ира. — Исходная точка — большой палец правой руки нашего президента. Пурдаев Андарбек, известный еще как...

— Бобров Святослав, мать его так! — закончил в сердцах Марат.

Теперь понятно, почему утро началось вот так, «мордой об стол». Кругломордый, известный на всю страну помощник президента любил, как и Марат, действовать жестко и нестандартно. Хотя на всех производил впечатление человека умного, мягкого, этакий изобретатель глупых ситуаций. Типа — убили одного оппозиционера прямо в центре города, а все СМИ обсуждают, что в эти минуты тот прогуливался под ручку с женщиной легкого поведения. И всех интересует только эта женщина, живая-здоровая вертихвостка, чем труп видного политика...

Марат прошел в кабинет к Тренеру, пожал руку, дал в двух словах понять, что сейчас будет крайне занят, и начал колдовать над одним из установленных в кабинете компьютеров.

Первым делом отдал распоряжение Базе-шесть искать, и найти, и установить слежку над Бобровым. Придется его похищать, разговаривать, и смотреть куда пристроить. Вообще то у них были большие планы на этого человека, фактически через это кругломордое лицо, (а отнюдь не через секретаря, и уж тем паче через пресс-секретаря) — передавались президентские поручения и приказы. Вот и пусть приказывает, в нужном русле.

В первую очередь срочно нужен свой человек, то есть настоящий революционер-штурмовик на очень большой должности в центральной федеральной службе безопасности. Желательно — глава этой конторы. Через него можно будет посадить на любые ключевые должности кого угодно, и когда угодно. Вот только жаль, что большинство подходящих бойцов, внедренных в эту службу, не достигли пока нужного уровня. Да и вообще, завербованных в данной структуре крайне мало. Если говорить по честному — всего двадцать семь человек получают кроме федеральной зарплаты еще и нелегальную от Красной Армии, при этом четверем доверять вообще нельзя, а оставшиеся в таких маленьких должностях, что и говорить смешно... Хотя, вон, нынешние министры и главы комитетов — вообще сопляки, министр обороны — и смех и грех, ни одного дня в армии раньше не служил. И ничего, справляется как-то. Правда, больше преуспел в части пылепускания в глаза. Современная российская армия не в силах даже с вермахтом образца 1941 года справиться, однако большинство населения четко уверено, что российские вояки чуть ли не сильнейшие в мире. Меж тем как даже турки бьют эту "сильнейшую" армию и в хвост, и в гриву.

Дальше Марат оповестил всех челябинских "красных" о пресс-конференции через видеочат на восемь вечера.

Пришел ответ с Базы-шесть. Манлихер найден. Точнее... то что от него осталось. А осталось немного — горстка пепла.

Ладно, сволочи, ответите еще за Антона, по полной программе ответите.

Связался с СВД. Тот был уже в сознании, хотя словил две пули крупного калибра. СВД сейчас шел на губернатора, вышел во второй тур, до выборов — десять дней. Черт бы побрал этого Боброва, головку президентского члена... На Базу-шесть пошел еще один приказ — следить за главным конкурентом СВД, как только будет ясно, что он у любовницы, или в прямом эфире на телевидении, или ведет машину сам-один самостоятельно — немедленно сообщать. Немедленно!

Меж тем в интернете уже пошли кадры о происшествии на улице Гривозубовской. Появилась пара видеозаписей с регистраторов — прямо с неба в середину семиэтажного здания ударила громаднейшая бело-голубая молния, от звукового удара машину видеосвидетеля аж тряхнуло. Блогеры уже делились мнениями по поводу «божьей кары» и «грома среди ясного неба», обрушившегося на главное здание штаба военной разведки. Хотя кто-то уже высказал здравую мысль о том, что произошло «нестандартная аномалия магнитного поля земли». Да уж, мысль действительно здравая, и абсолютно верная. Это тебе даже не молния-спрайт, бери выше, тут мощности магнитосферовские постарались, тысячи

кулонов. Новые записи уже показывали дым, подъехали пожарные, несколько скорых. Здесь все вроде хорошо. А... нет, надо будет еще этого генерал-майора Никодимова выцепить, хотя... Генерал, конечно организовал покушение, но всего лишь посредник. С главным заказчиком Марат сегодня ночью уже поговорит. Да и глупо думать, что Юта оставила этого Никодимова в живых.

Марат был абсолютно уверен, что злосчастный обладатель большой звезды на погонах и являлся точкой, куда целила "божья кара". Невероятно жаль, люди в ГРУ обычно работали нормальные и трезвомыслящие, это вам не федералы, свихнутые на теориях заговора. И не дипломатические представители, которые в основном занимались распиливанием и распихиванием серых денег по офшорными зонам да заграничным банкам. Взять тех же двух Сергеев, отличные профессионалы, скорее всего мастера своего дела, как быгодились, а пришлось — тупо и страшно, в расход.

— Я все, — прозвучал в голове голос Юты. — Прибери тут. И сразу давай в гостиницу, у нас пополнение, человек десять сразу в финансовый отдел, надо будет их жильем обеспечить...

— Да я ж там целый этаж лишний сделал, — притворно возмутился Марат. — Куда вам столько?

Хотя на самом деле он был рад. Люди едут, не смотря ни на что — приезжают, и толпами. Хорошая зарплата, хорошие условия, сразу вон целую квартиру дают, с огромной комнатой-кухней-студией; ванной, в которой можно утонуть, и дополнительной комнаткой-спальней. Но не это главное, сюда попадают только те, кто хочет заниматься революцией, кто осознает, что чем больше работаешь — тем толще клин под этот говномир, где все продается и покупается. Никто пока еще за полгода работы прибавки к жалованию не просил, даже не заикался. Все ребята проверенные, все прекрасно понимали — зачем, и во имя чего работают.

Марат в мгновение переместился в комнатку-кабинетик, откуда в него час назад стреляли. Здесь пахло перегоревшим озоном, горелым мясом и почти осязаемым ужасом. Он перевел взгляд на тела.

Мда-а...

Лучше вам никогда не попадать в беспомощном состоянии в руки женщины, ребенка и мужа которой вы только что держали на прицеле. Категорически не рекомендовано никому в такую ситуацию попадать, товарищ Маузер вам зуб даёт.

Марат раскинул руки, обвел закопченные стены взглядом...

— Товарищ Маузер, губернатор выступает в студии телекомпании "Русь" в прямом эфире. Чрезвычайный выпуск, в связи с нападением и тяжелым ранением своего конкурента, Максима Головина.

— Принял, — отозвался на сообщение Марат, и пошевелил пальцами раскинутых рук. Через несколько секунд уже ничто не напоминало о разыгравшейся здесь драме. Ни копоты, ни вещей, ни тел на полу, разве что слишком чисто, даже пыли нигде нет, как будто по каждой поверхности здесь провели тонкой шкуркой. Марат закрыл глаза, оставив руки раскинутыми. Вот теперь займёмся и губернатором. В здании телекомпании Марат бывал не раз, и не два, все очень просто, не потребуется даже точных координат искать и уж тем более точку привязки. Создаем энергетически-силовой контур, входим в студию... А вот и наши «орлы»....

Как удачно, в студии не только губернатор, но и новый заместитель начальника

полиции здесь, и парочка маститых депутатов, и московский смотрящий, типа заместитель губернатора, по общим вопросам, по фамилии Карпов, и зрители кое-какие присутствуют. Эх, господин губернатор, как же ты любишь оружие с собой носить. Оно, конечно, не воспрещено, и даже положено.

Марат, в позе распятого Христа с закрытыми глазами, опять пошевелил пальцами. Поехали, сейчас будет вам прямоэфирное шоу, в лучших традициях идеала капитализма — Дикого Запада, а в роли главного стрелка — настоящий российский губернатор...

Новый виток

* * *

Выйдя из кабинета Тренера через десять минут, Марат застал тренировку в самом разгаре. Прошло время, когда они тренировали десять человек в день. Сейчас комплекс дрожал от звуков и шагов сотен людей. Везде установлены мощные динамики, воздух пропитан ритмом. Товарищ Тренер очень любил ритмичную музыку — хотя когда то был певчим в церковном хоре. Хотя он и сейчас предпочитал протяжные напевы — но под мощный ритм, который заставлял любое сердце тревожно биться. Станный и очень необычный человек все таки наш товарищ Тренер. Бывший спецназовец, бывший священник, отец множества детей, победитель многочисленных рукопашных и военизированных соревнований, стены увешаны грамотами и его личными дипломами. Убежденный коммунист.

Они встретились, на улице, можно сказать — случайно. Товарищ Тренер, тогда еще Владимир Александрович, был в легком и длинном демисезонном пальто, которое очень удачно скрывало его мощную фигуру. Он показался тогда обычным бородатым мужиком, один из миллионов. А потом произошло чудо. Оно происходило с каждым, кто сталкивался с Тренером. Через несколько секунд, совсем небольшой человек превращался в атланта, в древнегреческого героя, который занимал полнеба, и был настолько могуч, что сам Геракл, если бы был жив — наверняка показался на его фоне козявкой.

Марат хорошо помнил, как к Тренеру приехала делегация из пяти казаков — все огромные, трое даже выше. Показывали именные шашки, включали видеозаписи на телефонах. А потом начал говорить товарищ Тренер. О том как обучают в спецназе. О том, как штурмуют город. И о том, как из под огня вытаскивают людей. Как их раскатывают в фарш танками, чтоб не опознали... Он говорил об этом буднично, просто приводя как примеры. И казаки становились все меньше и меньше, уже совсем не такие большие. А потом Тренер стал рассказывать как тренирует ребят, какие результаты, и как этого можно добиться. Здоровенные дяди стали ему чуть ли не по пояс, маленькие и внимающие каждому слову. Каждое движение Тренера, каждый звук исходящий от него были исполнены силы, величия и какого-то бесконечного оптимизма, то есть полной и абсолютной уверенности, что все получится.

— Я сказал — встать на линию! Товарищи, что у нас теперь что с глазами? Где линия, на которой вы должны стоять двумя ногами? — басом, перекрывая всё и вся вещал Тренер. — Неужели слово «линия» вызывает у кого-то ассоциации с чем-то страшным?

— Товарищ Тренер, где у нас московские? — спросил Марат.

— Вон там, на шинах тренируются, — ответил тот, и снова закричал:

— Отходим с линии, удар-блок. Удар! Блок! Отходим, раз-два!

Марат подошел к группе из четырех ребят и двух девушек. Они стояли на шинах, и пытались друг друга столкнуть, и при этом удержатся самим на ненадежных резиновых

покрышках.

— Москва?! — привлек их внимание Марат. — Я товарищ Маузер. Пошли за мной...

— У нас тренировка! — возразил один.

— Да, — поддержало несколько.

— Молодцы, — невольно похвалил Марат. — Но придется прервать. У нас сегодня убили и сожгли товарища Манлихера, он занимался по Москве покупкой недвижимости, и на нем были завязано формирование московских штурмбригад. С вами в Москву поедет кто-то из наших товарищей, скорее всего — со своей семьей, и своей же боевой группой.

Шестерка переглянулась. Лица стали угрюмыми. Потом парень, который хотел продолжать тренировку, соскочил с шины. Остальные, не колеблясь, последовали за ним.

— Товарищ Вепрь, — представился он, подавая Марату руку. — Что, реально Антона убили?

— Мы что, здесь будем разговаривать? — поинтересовалась одна из девушек.

Марат хмыкнул. А команда, кажется, реальный «ураган».

— Все на улицу, говорить будем там, — скомандовал он. — Времени мало, объяснять буду практически на ходу. В первую очередь вам нужно будет завершить сделку. Которую не завершил Манлихер. То есть получить в собственность спортивного общества «Евпатий» торгово-развлекательный центр «Полесье». Пойдем ко мне в кабинет, подождете там на стульях, я быстро. Вепрь, у тебя кроме штурмового позывного еще какой есть?

— Сергей. Товарищ Сергей.

— Прекрасно...

Два Сергея в минус — у них. Один Сергей в плюс — у нас...

* * *

Пройдя в кабинет, Маузер встал во главу стола. По его правую руку, уже сидя в кресле, сосредоточенно ковырялась в смартфоне Юта. Остальные стояли.

— Прошу всех садится, — предложил Марат. — Представляю... Это товарищи Глок..., - Алексей коротко кивнул. — ... и товарищи Кольт и Сенсей. Товарищ Магнум. Также сегодня у нас товарищи Сапрыкин, Стечкин, Капитан, Вепрь и товарищ Овод, а также товарищ Маузер, двадцать второй. Все называют себя по позывным. Напоминать, надеюсь, не надо.

— Маузер? — хмыкнул гигант-Магнум. — Двадцать второй?

— Да, — ответил Марат. — Что в этом такого? Давно уже так работаем. У нас вот прямо здесь три Алексея, между прочим. Если бы назывались по именам, то добавляли бы к их имени отчества, а может и фамилии. А тут добавляем только числительный номер. Организация растет, привыкаем, все идет согласно плану и графику.

— Ладно, знает он, просто пошутить хотел, — проскрипел Глок. — Давай, что там у тебя...

— Так, — Марат достал записную книжку, за ним остальные. — Кольт и Глок больше не занимаются организацией ячеек, а на правах комиссаров, то есть полномочных представителей, берут на себя развитие групп и бригад, которые они сами и сформировали, в посещенных городах. Товарищи Сапрыкин, Маузер двадцать второй, Стечкин и Капитан будут вместо них. Поедут по областям, задача такая же — две недели и полноценная ячейка. За Кольтом в качестве подопечного закрепляется Сапрыкин и Стечкин, за Глоком — Маузер и Капитан. Объясните им все, особенно мелочи, подбираете людей, сроку вам всего три дня и поскакали...

— Какая у них степень проверки? — подал голос Кольт. Парень серьезно возмужал за

последние несколько месяцев. Ведь пацан-пацаном был, не смотря на рост, возраст и опыт. А сейчас прямо настоящий командарм — взрослый, опытный, аккуратный, одет с иголочки в полувоенный френч, который на удивление ловко на нем сидел.

— Четвертый, — подала голос Юта. — Да, четвертый уровень, и нечего так на меня смотреть. Парни прошли испытание кровью, и с честью его выдержали.

Теперь уже даже Глок смотрел на новичков не с ухмылкой, а с напряжением и оценкой в глазах.

— Нормально, — наконец пробурчал он. — Вроде ничего, пойдет.

— Теперь самая сложная часть. Магнум едет в Москву, вместо Манлихера. Возьмет сколько нужно ребят, из своих. И с ним будет Вепрь. Он, насколько мне известно, уже прошел третий уровень подготовки...

— Марат! — повысил голос Магнум. — Ты чего? У меня же жена, дети, как я объясню? У меня бригада, рабочие, наконец. Я так то их работодатель, деньги плачу.

— А вот так и объяснишь, — Марат достал из под стола большую сумку. — Вот здесь много денег. Большую часть за недвижимость, которую Манлихер подобрал, уже уплачена. Здесь остатки, и средства на то, чтобы ты там официально купил себе и своим людям жилплощадь, и открыл «типа дело». Посоветуешься с москвичами, они тебе подскажут оптимальный план. Там один как раз в строительной фирме работает, правильно, товарищ Вепрь?

Тот кивнул.

— Ну и оформите это как деловое долговременно предложение, — закончил мысль Марат.

— Маузер, ты в курсе, что с Манлихером? — повысил голос Магнум. — Ты в курсе что его сожгли? Убили и сожгли. И ты хочешь меня, с женой и детьми, туда теперь кинуть?

— Слушай меня внимательно, Андрей. Во-первых — опасность ликвидирована. Во-вторых — ты там на нелегальном положении в режиме не просто строгой конспирации, а самой настоящей "тени". Всё через москвичей, они твои руки, а ты у них даже не голова, а мозг. И в третьих — это приказ.

Магнум набычился, опустил голову.

— Все мы знаем, — Марат повысил голос буквально на четверть тона. — Что товарищ Манлихер был отчаянный парень, и уровень борзоты-тире-храбрости у него постоянно зашкаливал. Это не есть хорошо. Нам нужны холодные трезвые головы, которые ведут дело не к бесполезному бурлению, а к выполнению поставленной задачи. И у тебя, товарищ Магнум, как раз такая голова.

— Если что, мы за тебя отомстим, — усмехнулась Юта. — Да не трусь ты. И не думай, что здесь безопасней, чем там. Сейчас везде может быть опасно. СВД ранен. Я сегодня лично убила двух стрелков, которые приехали в наш город, по наши с Маратом головы. Что ты на меня смотришь? — она заводилась с каждым словом. — Вот такой сегодня расклад, товарищ Магнум. Будешь думать головой, а не пятой точкой — и тогда все будет хорошо.

— Да кто хоть трусит? — возмутился Магнум. — Я же по делу говорю, что у меня...

— С губернатором ваша задумка? — проскрипел Глок, перебивая друга.

— Да. Наша, — не раздумывая и секунды отозвался Марат.

— Круто. Уж не знаю как у вас так получилось. Но реально круто. Четыре трупа в настоящем прямом эфире. Новость на первой полосе всех главных газет за рубежом вышла. Как он... А? — Глок пихнул Кольта кулаком в плечо. — Я случайно смотрел прямой эфир, и

этот наш губернатор, жирная пугливая задница, вдруг выхватил свой шпалер, и давай пулять.
У меня челюсть аж до пупка отвисла...

Вокруг засмеялись. На секунду показалось, что этот смех смыл напряжение, повисшее в воздухе.

— Да, конкретно. Даже сказал бы что чересчур круто получилось, — поддержал товарища до этого молчавший Сенсей.

Марат повернулся к нему:

— Так, теперь Сенсей, у тебя будет тоже та еще задачка. Ты у нас как раз и полиглот, и по заграницам покатался. Поедешь в Америку.

— Куда? — поперхнулся Илья.

— В Америку, а именно в Соединенные Штаты, — спокойно повторил Марат. — Сроку тебе на подготовку месяц. Средства у тебя будут более чем серьезные. И задачи просто нереальные. Организовать там подпольную криминальную сеть. Для начала. А потом мы ударим по ним их же планом.

— Каким планом? — спросил Сенсей.

— А как они нас валили, много лет назад... Во-первых, вяжем их в масштабную, но локальную войну, типа Афганистана. Во-вторых — создадим внутри переизбыток наличных денег, и дефицит товаров по некоторым позициям, начнем экономическую типа реформу-перестройку. В-третьих — техногенная катастрофа крупного порядка. Что-то типа нашего Чернобыля. В-четвертых — восстание в одном из штатов, вплоть до применения армии с танками, типа нашей Чечни. Ты как раз по таким вопросам спец, со своим национал-социализмом. Ну и естественно замена руководящего состава, что в их Сенате, так и в администрации президента. Крупные перестановки, похожие на передел собственности, и очень желательно установление марионеточного руководства, как у нас сейчас действующее правительство и президент. Они, кстати, и двадцать лет назад, и сейчас были и продолжают оставаться агентами внешней разведки, и работают, в кавычках, по прямым указаниям из-за океана, и это вовсе не шутка. Пусть в Штатах занимаются своими проблемами, своими Техасскими и Чикагскими народными республиками, а к нам не надо лезть. У нас в ближайшие месяцы полная смена руководства, и новый курс, социалистическое государство. Нам всякие придурки-организаторы гражданской войны и протестных движений, особенно из-за океана — ну никак не упали...

— Да ты, Маузер, что? — только и сумел ответить Сенсей. — Сбрендил? Какой на хрен «типа Чернобыль»? Какой к черту национал-социализм в одном из штатов? Ты чего?

— Я — ничего. У меня все нормально. Это у тебя проблем будет выше крыши.

— Кадровым вопросом теперь полностью занимается товарищ Овод, поможет подобрать команду, — Марат жестом указал на девушку, как будто уже и забыл о Сенсее.

— Они же с Люгером занимаются и финансовым вопросом поступления и отмывания денег. Плюс на нас лежит перевербовка, как часть кадрового вопроса, и функционирование Виртуальной Красной армии, по тем же принципам что и пять лет назад, но с гораздо лучшим финансированием, возможностями, и объемом наличных кадров, — продолжал Марат. — Для примера — наша ударная хакерская команда состоит из нескольких десятков высококлассных специалистов, причем некоторые напрямую пришли к нам из компаний, занимающихся охранными и противовирусными технологиями. Сейчас мы можем "провесить" и даже уничтожить любой сервер. Можем достать любую информацию с

любого устройства, подключенного... скажем так... в электрическую розетку. Скажу прямо — мы даже электронные комплексы для голосования можем заставить работать так, как нам надо. Блок пропаганды и уничтожения противника в виртуальном пространстве насчитывает сотни специалистов и десятки тысяч учетных записей уже сейчас. В последующем к этой работе планируем подключить товарища Желчь и его людей. Некоторые, наверно, его еще помнят.

Кольт, Магнум и Глок непроизвольно кивнули.

— Мне потребуется этот, как его... ваш беглец в царство тюльпанов, товарищ Максим, — выдохнул озадаченный Сенсей. — И средства просто невероятные. О каких суммах может идти речь?

— Миллиарды, товарищ Сенсей, миллиарды, — ласково произнесла Юта.

— Если не десятки миллиардов, — подала голос Магнолия. — Причем долларов.

— Да вы издеваетесь, — выдохнул Илья.

— У нас сейчас будут просто невероятные поступления, — сказал Марат. — Если раньше, сто лет назад, средства в наличной форме необходимо было напрямую экспроприировать, то сейчас все проще. И сложнее одновременно. Из России было за последние двадцать пять лет вывезено несколько триллионов долларов. Вру, несколько десятков триллионов долларов, и огромная часть средств просто осела за рубежом, мы сейчас как раз начали заниматься их возвратом. Суммы поступают просто гигантские. Если первые средства мы добывали с огромным трудом и риском — сейчас все гораздо проще, достаточно найти, и убедить носителя ресурсов отдать их нам, одним росчерком пера и парой тычков по клавишам.

— Убедить? — ухмыльнулся Глок.

— Да, убедить. Мы иногда бываем очень убедительными, — жестко сказал Маузер.

— Да я так то в курсе, — хмыкнул Алексей.

— Кроме того все должны быть в курсе, что идет самая настоящая, полномасштабная финансовая война, между социалистическим и капиталистическим миром, — продолжал Марат. — Пушки там не стреляют, и солдатики с криками "банзай" на амбразуры не бросаются. Но там средства... из области научной фантастики... и потери на уровне и порядка чисел с семью нулями никто даже не считает. И даже не учитывает, при таких то масштабах, ни с той, ни с другой стороны. Само содержание Красной армии со всеми спортзалами, штурмгруппами и штурмбригадами, и их тапочками, и даже дополнительно в виртуальном пространстве — копейки, несколько сотен миллионов рублей в год. Рублей, а не долларов. То есть любой заваливший долларовый миллиардер спокойно может содержать не одну, а парочку Красных армий, включая десяток виртуальных. Но мы, слава тебе великий бог Вицлипуцли, сами по себе, и ни в чьих средствах не нуждаемся. А когда нуждаемся — берем сколько надо, никого не спрашивая.

Марат повернулся к Сенсею:

— Это тебе так. Информация для размышления. Инструкций не будет, придется самому, и с множеством импровизаций...

— Так, у меня все, — подвел итог Марат. — Завтра, в это же время, снова собираемся здесь, для более детального обсуждения. И... Магнум, удержиись... Все остальные свободны.

Разговор с Магнумом получился недолгим. В принципе, все оказалось гораздо проще, чем казалось на первый взгляд. Андрей как мальчишка влюбился в Иру-Овод. И, похоже, взаимно. Такое бывает часто, если каждый день — на адреналине. После того, как Марат

пояснил, что буквально через несколько дней они с Ютой и половиной штаба тоже отбывают в столицу, и большие дела не за горами — Андрей сразу успокоился.

— Ты думаешь почему я наших лучших бойцов, Кольта и Глока — освободил от метаний по городам, и работы с ячейками? Да потому что они тоже с нами поедут.

— Вот так бы сразу и сказал, — проворчал Магнум. — Темнишь постоянно...

— Просто количество возможных вариантов всегда возрастает, как начинаешь объяснять всем сразу. Лучше всем поставить задачу, кто начнет артачиться, как ты — с тем индивидуальный разговор. Времени так меньше уходит, — пояснил Марат.

— Темнило ты татарское, — только и махнул рукой круглолицый богатырь.

Сразу же после разговора с Магнумом Марат практически с места перенесся в славный город Челябинск. В здание местного центрального ОВД. Разузнав обстановку, он сразу метнулся в камеры предварительного заключения. Сегодня здесь взяли практически всех бойцов Красной армии, скопом, и, как обычно — на митинге. Некоторых — прямо с площади. Некоторых — по дороге домой.

— Ого! — невольно удивился Марат, приобретая человеческий облик прямо в камере. Нечасто увидишь, чтобы в КПЗ сидели вместе девочки и мальчики. В "собачниках" сидят, а на предварилровке обычно нет. Это значит что вы, ребята, кого-то очень сильно заинтересовали. И кто же у нас такой любопытный, интересно мне знать...

Все «предварительно заключенные» в изумлении наблюдали, молчали, и ждали дальнейшего развития ситуации. Их молчание означало многое. Это были уже не гражданские лица. Это — уже бойцы Революции, их телепортированием не очень то и удивишь, тем более что многие знали, что им помогают силы, превышающие возможности человеческой цивилизации. Из уст других это казалось сказкой, но теперь сказка обрастала реальностью.

— Вы кто? — спросил один из парней.

— Я — товарищ Маузер.

— Ага, — с недоверием произнес парень. — А я — Фидель Кастро. Если ты Маузер, то должен знать, где мы в первый раз встретились с товарищем Кольтом.

Марат вытащил телефон, набрал номер и спросил в трубку.

— Кольт? Ты с Фиделем Кастро первый раз где встречался?

— Торговый центр Магнит, — через пару секунд сказал Марат, глядя прямо в глаза парню. — В кафе. Заказали чай и чебуреки.

— Ничего себе... Вот это да... Прямо настоящий товарищ Маузер?

— Настоящий, — подтвердил Марат. — Давайте без обнимашек. Я вам проясню ситуацию. На пальцах. В общем так, ребята. Раз уж вы здесь сидите, то теперь у вас три выхода. Первый... слушаем внимательно... Вы уходите в полуправильное положение. Причем будете жить уже не здесь, а на базе, в Москве.

Марат обвел взглядом присутствующих:

— Все понимают что я говорю? Или кому то надо время для осознания реальности происходящего?

— Все нормально, — сказал Фидель. — Мы слушаем.

— Всем кто заинтересуется скажете, что пригласили на хорошую зарплату, она действительно будет хорошей. Бросаете здесь свою работу, учебу. Если у кого есть девушка, либо молодой человек — прекрасно, берем с собой, то есть делаем вызов, из Москвы. В общем — всё, оторвались и уехали. Второй выход — мне нужны несколько человек,

желательно крепких, пусть не физически, но душевно, и психически устойчивые, готовые взяться за очень нестандартную, и, сразу говорю, опасную работу. Не в Москве. Ну и есть третий вариант, для тех, кто не согласится на любой из первых двух.

— Какой? — спросил один из парнишек, когда пауза чересчур затянулась.

— Внезапная остановка сердца, — сказал Марат. — Вот прямо взяло, и остановилось. Прямо сейчас. Обещаю — больно почти не будет. Меня лично интересуют первые два варианта. У нас крайне, просто катастрофически не хватает настоящих бойцов, способных..., — Марат на мгновение задумался. — ...на многое, в общем, способных.

— Вер-ба? — сказал он с изумлением через секунду. — Вер-ба, это ты? Или я сплю? Какими судьбами?

— Верба у нас достопримечательность, она стрельбой занимается, а сейчас так и вообще все нормативы сдала, на олимпийскую сборную замахнулась. Мне ее тренер сказал — она вообще перестала промахиваться...

— Верба, ты Тауртирита помнишь?

Девушка склонила голову, как будто вслушиваясь внутрь себя.

— Что то очень знакомое, — сказала она своим обычным, ровным голосом, который, однако, выдавал огромное внутреннее напряжение. — Нет, не помню конкретно, но что-то очень-очень знакомое.

— Тауртирит — командир пограничного отряда лесных эльфов, — пояснил Марат, замечая недоумение не только в ее глазах. Но слава Митре, сейчас ролевые игры и переодевания не только в эльфов но и гоблинов с присвоением соответствующих имен — событие ординарное.

— Дыбенко. Штанга. Поход к порталу, вспоминай, — попытался настоять Марат.

— А вы кто такой, молодой человек? — вдруг спросил кто-то со шконки. — Какой такой нах Маузер, и чем подтвердите свой статус? Вы, насколько понимаю в сговоре в местными органами — я вижу, доступ в камеры вам свободный, круглосуточный, — торжествующе произнес пожилой человек, который в отличии от "красноармейцев" оставался лежать под одеялом.

— А вы, — произнес Марат, выделяя именно местоимение "вы". — Вы, так понимаю, первая из здешних подсадных уток. Смотрите, ребята, и учитесь. Вас выгнали на улицу, чтобы вы все попали на камеры — ваши лица, ваша повседневная одежда, походка, жесты. Срисовали всех, особенно убежденных, готовых к действию. То есть теперь большинству из вас поручать в этом городе какие-либо серьезные дела уже нельзя. Теперь, когда вы здесь, в одной куче, в одном помещении — смотрят на вас, оценивают — кто из вас реальный лидер, кто просто так, случайно зашел. Но это еще не все. Работа с вами в полном разгаре. Вы сидите, скучаете, ничего не подозреваете, а среди вас уже есть подсадная утка. Вот он, — Марат указал на лежащего под тонким одеялом. — Но и это даже еще не все. Во всем мире, в любом уголке и любой камере уже работает схема с двумя подсадными. Один обычно брюзга, либо грубый, его можно легко вычислить, и никто с ним ничем делиться не будет. Но прикрывает его второй, разговорчивый, добрый, опытный. Они могут даже ссориться, и очень сильно, и симпатии сокамерников переходят обычно к проигравшему. Сегодня кто ссорился с этим господином, не припомните?

Ребята расступились и Марат увидел невысокого мужчину, с простым, незапоминающимся лицом.

— Прекрасно, — сказал он и щелкнул пальцами. Мужичок схватился за сердце,

попытался вскрикнуть, а потом рухнул как подкошенный с изумленным выражением лица. Лежащий под одеялом вскинул голову, попытался прыгнуть с верхней шконки, но было такое впечатление, что одеяло на нем вдруг стало весить несколько тонн. Он отчаянно боролся, пытаясь стащить с себя тонкий полог, но не мог, и в конце концов захрипел, обмяк, а из уголка его рта потекла тонкая струйка слюны, перемешанная с кровью.

— Кто крикнет — отправится вслед за ними, — буднично сказал Марат. — Без паники. Настоящая угроза ликвидирована. А вы получили урок.

— Верба пойдет по второму варианту, — продолжал он дальше обычным голосом, спокойным тоном, словно в камере и не было двух трупов. — Еще кто есть, способный на экстремальную работу с холодной головой? Нет? Все остальные согласны на первый вариант — полулегальная работа в Москве? Мне требуется слово каждого...

— Да. Согласен. Конечно, без вопросов, — произносили голоса.

— Прекрасно, — сказал Марат и щелкнул пальцами еще раз. Вместо входной двери возникла колыхающаяся черная поверхность. — Это портал, который перенесет вас в торговый центр Полесье. Подойдете к товарищу Лебедю, он там пока исполняющий обязанности... Вам выделяют помощника командира, он все объяснит. Прошу, проходите.

— По одному? — задал кто-то вопрос.

— Да хоть всей кучей, если уберетесь. Верба, оставайся, мы пойдем последними, и совсем в другую сторону.

— Это опасно? — спросил первый подошедший к колыхающемуся входу, похожему на абсолютно черное, переливающееся желе.

— Совершенно нет, — ответил Марат. — Можно было бы обычным ходом, через двери, собрать вещи, поехать на поезде. Но я предпочитаю более короткие и простые пути. Да, и не забудьте сразу получить себе новые документы. По этому вопросу спросите товарища Призрака, объясните ему ситуацию...

Верба

— Вот твое новое рабочее место, — сказал Марат, обводя руками просторное помещение с огромным окном на улицу.

Из окна было видно шоссе, лес, горизонт, и само окно находилось, по ощущениям, на втором или третьем этаже здания.

— Если тебе интересно, мы находимся в городе К-а, в здании опять таки торгово-развлекательного центра, в помещении офиса 319, под нами находится офис 219, который является нашей штаб-квартирой для разведки и контр-разведки. Рядом с тобой находятся такие же офисы, в которых сидят или будут сидеть такие же как ты, и выполнять примерно то же что и ты. Можешь знакомиться, но лучше не рекомендую, потому что если что-то пойдет не так — лучше бы ты никого не знала, и тебя никто не знал, особенно то, чем ты будешь заниматься. А вот твое непосредственное рабочее место, — он указал на игровое компьютерное кресло, которое еще называли "кресло 5D реальности".

— Здесь джойстики для обеих рук, клавиатура, шлем, местное кондиционирование, есть даже система подачи жидкости, чтобы попить. Вот, если что, в шкафчике памперсы, но это слишком тяжелый случай, не думаю что они потребуются...

— А это что? — спросила девушка, обходя просторное помещение, и останавливаясь перед постаментом, на котором стояло тяжелое на вид сооружение, напоминающее колокол на лапах, только с винтами в защищенных кожухах — четыре сверху, четыре снизу.

— Ты такую штуку уже видела, правда, тогда она была маленькая, но скорее всего не помнишь, — загадочно ответил Марат. — Это октокоптер, боевая модель, но мы к нему вернемся чуть позже. Смотри сюда. Вот здесь комнатка, есть кровать, шкафы для одежды. А вот здесь туалет. Душа или ванной нет, есть просто раковина, горячая и холодная вода, есть холодильник, пока пустой. Вот здесь просто компьютер, вот твой новый телефон, симка лежит отдельно, вставишь.

— А как же родители, друзья? — тихо спросила Верба.

— Ты, хоть и на полном нелегале, поедешь к ним, один раз и буквально на несколько часов. Объяснишь, что получила приглашение за границу, на полгода. Будешь им звонить, контакты только по телефону, личный приезд исключен, даже если кто-то из твоих родителей, сестер или братьев — умрет. Это может быть провокация чтобы тебя вытащить, да..., вытащить, через смерть твоих родственников. Привыкай, это уже не игра. Искать вас в ментовке откуда я вас вытащил — обязательно будут, но недолго, уж поверь. Сегодня к тебе придет человек, вместе с ним выберешь себе новое имя, фамилию, и даже, если потребуется — внешность. Документы получишь, спустишься вниз, в любом офисе банка получишь новую карточку, туда тебе будет приходиться зарплата. Если хочешь, то после оформления документов либо снимешь, либо купишь себе квартиру, желательно не очень далеко отсюда. Ты запоминаешь? Два раза повторять не буду...

— Я запоминаю, — тихо сказала Верба. — Я видела тебя. Во сне. Там мы много тренировались, много шли, и много стреляли, а потом ты дрался среди камней.

— Это был не сон, — буркнул Марат.

— Теперь я знаю. Было так интересно. Все девчонки влюбились в тебя, как первоклассницы, мы шли за тобой как за пророком, я помню, скажи ты каждой бросится со

скалы — и бросилась бы, не раздумывая...

— Вот только этого не хватало, — с досадой отозвался Марат.

— Здесь сейчас тоже придется много тренироваться, много идти, и много стрелять?

— Ну, много идти никуда не потребуется, все же цивилизация сама шагнула достаточно далеко. Давай посмотрим теперь на октокоптер, твое, так сказать, орудие труда.

Они подошли к постаменту с «колоколом» и винтами.

— Вот смотри, — объяснял Марат. — Камеры сбоку, камеры снизу, камеры сверху, все дублировано, с микрофонами. Датчики вот здесь и здесь — дадут сигнал если обнаружат что тебя сканируют, практически во всех диапазонах, включая рентгеновский. Когда ты сидишь в кресле и вращаешь головой, сигнал переключается от камеры к камере, и будет такое ощущение что ты висишь в воздухе.

— Вот здесь, смотри, — Марат распахнул дверцу на корпусе. — Встроен пулемет АЕК "три девятки", без приклада, естественно. Зато со штатным прибором малошумной стрельбы. Пламени нет, звука считай тоже, тем более что все находится внутри корпуса, что еще больше погашает импульсы, что звуковые, что световые. Патрон винтовочный, после выстрела октокоптер хорошо качнет, учитывай это. Вот здесь, пониже, вмонтированы две "Мухи". Это гранатомет такой, одноразовый, так что как отстреляешься — надо будет их вытаскивать, и вставлять новые, это просто. Дальше — огнемёт, это самоделка, обычный садовый аккумуляторный опрыскиватель с обычным бензином плюс жидкое мыло, зажигание от пьезоэлемента. Второй баллон — с угарным газом, именно угарным, а не углекислым. И учти, на вид он маленький, но давление там..., - Марат на миг задумался, — полторы тысячи атмосфер, скажем так. Хотя, если ты откроешь вентиль, то тебе покажется что там их всего три-четыре, не больше, объяснять сейчас не буду, но ты потом поймешь. Даже если этот баллон сейчас прострелить — нас по стенкам не размажет, а вот крепко заснут все кто есть в помещении точно. Ты — абсолютно точно и навсегда, а вот на меня не подействует. И третий баллон — обычный метан, как в каждом доме в газовой плите, ну что это такое — надеюсь понятно...

— Далее, — рассказывал и показывал Марат. — Ампуломет. Или стреломет — кто как хочет, так и называет. Стреляет он и тем и тем. Пневматический. По сути — обычная духовая трубка. Три вида ампул-стрелок. Транквилизатор, снотворное и вот здесь самый настоящий кураре. Выбираются на кресле, через клавиатуру. Еще есть шприц и дозатор, просто плюют струйкой, там тоже можно выбрать — снотворное, цианид или целый коктейль из аманитинов и фаллоидинов. Первые признаки от третьего варианта начнутся минимум через шесть часов, но обычно — на вторые сутки. Через три-пять дней — смерть, противоядий нет. Обычный экстракт бледной поганки, и обнаружить, если не знаешь что искать — очень трудно, особенно сейчас, когда у нас в стране наука с лабораториями в полной прострации, стали жертвами стабильности и вставания с колен. Можно прыснуть экстрактом объекту в кружку, а можно прямо и в рот. Что еще? А вот у нас телескопический шокер, обычная удочка с контактами, напряжение и силу тока можно регулировать. А вот здесь лежат таблеточки — это взрывчатка, вот эта с магнитиком, а эти просто... Взрыватель уже вмонтирован, взводится как только таблеточка покидает корпус, а взрываешь уже дистанционно. Эти же таблеточки взорвутся, если подаешь сигнал на самоуничтожение, но это крайний случай.

— Так, что еще... Инфразвуковой направленный динамик, если его просто включить — то покажется что стены качаются. Прочтешь инструкцию, там указано, какая частота на что

влияет. Можно человеку сердце остановить, а можно и дураком сделать, но это оружие ближнего действия. Вот это — лазер, промышленный, на двести ватт, таким не то что ослепить — пополам разрезать можно за несколько секунд. Заряда от электрических батарей хватит на месяц автономной работы, но подзаряжать все равно приходится. Ну вот... примерно все.

— Машина смерти, — сказала Вер-ба совершенно спокойно. — Вот только она... огромная...

— Да, — криво усмехнулся Марат. — Сейчас она огромная. Но смотри...

Он вперил взгляд в октокоптер, и тот стал сжиматься. Три секунды — и он размером с футбольный мяч. Еще три секунды — и это едва видимая точка, чуть больше комнатной мухи.

— Еще чуть-чуть, — напряженно сказал Марат, и точка превратилась почти в "ничто", тля-однодневка в воздухе — и то заметней.

— В боевом состоянии он будет вот такой, — сказал Марат как будто ничего не произошло. — На нем можно будет проникнуть и в форточку через сетку, и в замочную скважину. Но он остается такой же машиной смерти, то есть пуля, как только покинет корпус — станет обычной, диаметром в поперечнике семь шестьдесят два миллиметра. Из ничего вырвется струя пламени. Из пустоты вылетит реактивный снаряд, или капнет капля в стакан, выдвинется удочка с электродами, а помещение наполнится угарным газом.

Повисло почти осязаемое молчание. Офис уже не казался светлым и жизнерадостным. Исчезновение октокоптера, пустая площадка от него — создавали впечатление, что в комнате притаилась смерть, причем в каждой пылинке воздуха.

— А если я откажусь? — спросила Вер-ба.

— Постарайся не отказываться, — серьезно сказал Марат. — К сожалению, из твоей ситуации только два выхода. Первый — нормальный, то есть берешься за работу, и работаешь. Во втором случае тебя не найдут. Никогда не найдут.

Марат сжал кулак, потом разжал, и дунул на ладонь, будто сдувая неведомую, одному ему видимую пылинку.

— Твой ответ? — спросил он.

— Да, конечно, согласна, — просто ответила Вер-ба. — Какие тут могут быть сомнения?

— Да я вообще-то и не сомневался, — с облегчением произнес Марат. — В общем, дальше по благоустройству. Внизу, как я сказал, торгово-развлекательный центр. У тебя будет полный допуск ко всем помещениям, как у руководящего сотрудника. Тут есть сауна, бассейн, тренировочный зал. Последний посещать обязательно, заниматься не менее двух часов в день, хоть на велотренажере катайся, хоть штангу тягай, но не меньше ста двадцати минут в сутки, иначе вылетишь с работы, а в твоём случае это чревато, пойми меня правильно, обычного увольнения не будет. И еще вот что, товарищ Верба. Так как ты на особом положении, на особо важной работе, и фактическиходишь в руководящий состав — то в тебя будет вживлен специальный блок "Наблюдатель". Стандартная процедура, под местной анестезией, это не больно, тебе в бровь будет введена тонкая трубочка с камерой и микрофоном, аккумулятором и генератором электричества от твоих движений. И, говорю сразу, с зарядом взрывчатки, и если он взорвется, то погибнешь не только ты, но и тот кто рядом, тот на кого ты смотришь. И все это будет находится в конструкции тоньше человеческого волоса, и в твоей височной кости. Демонтировать эту штуку на уровне

человеческих технологий почти невозможно. Вся твоя жизнь отныне будет записываться на информационный носитель. Так надо, и это тоже не обсуждается. Это не ампула с цианидом, вшитая сотруднику в воротник, и зависящая от его индивидуального желания пожить подольше. Это — надежная гарантия, что ты понимаешь что делаешь, и осознаешь, какая на тебе лежит ответственность, и что может последовать, если ты об этом забудешь.

Коды доступа к каждому "Наблюдателю" надежно зашифрованы, и известны только двум человекам, и я в их число не вхожу. Один из этих людей — твой непосредственный наблюдатель, не имеющий практически никаких прав, и тем более возможностей вмешиваться в твою деятельность. То есть он... а точнее — она, это потому что если носитель «Наблюдателя» женщина, то и оператор будет женщина, — пояснил Марат, — просто смотрит, на очень большой скорости прокрутки, что произошло с тобой за день, проверяет и анализирует твои параметры — пульс, давление, температуру, уровень адреналина... да, там есть и такие датчики, и делает отчет — нужна дополнительная проверка, или нет. А вот решение о каких либо вмешательствах в твою деятельность принимает совсем другой человек, и поверь мне, это настолько стабильный и надежный человек, что стабильность и надежность термоядерной реакции на Солнце — это детский лепет.

— А теперь, товарищ Верба, слушай свое первое задание. На сегодня я назначил скайп-конференцию со всеми революционными движениями в твоём родном Челябинске. И ты тоже будешь присутствовать. Смотреть, молчать, слушать, анализировать запись, делать выводы. Связь будет отличная. Там будут все группы и люди, которые присутствовали или убеждали присутствовать на злосчастном митинге. Конечно, там будет несколько комиссаров и командиров челябинских групп и ячеек Красной Армии, которые сейчас уже в Москве. Слушай меня внимательно, — дождавшись кивка Вербы, Маузер продолжил:

— Не смотря на все указания и инструкции, кто-то подбил вас в полном составе и приказом порядке выйти безоружными на это сборище. Внутренний враг попытался вас ликвидировать. И не важно по какой причине. Важно — найти этого врага, и уничтожить...

— Уничтожить — значит убить? С помощью вот этой штуки? — девушка кивнула себе за плечо.

— Да, совершенно верно, — жестко ответил Маузер. — Ты сядешь в это кресло, поднимешь октокоптер, прилетишь по маршруту в Челябинск, и уничтожишь разными способами все намеченные цели.

— Вот просто на основании результатов интернет-беседы? — вдумчиво спросила Верба. — Без суда, следствия и прочего?

— Вот когда мы победим, уже в мирное время — будет суд, следствие и прочие расследования. Но сейчас — война. Ты сидишь в этом, довольно комфортабельном окопчике, — Марат повел рукой вокруг себя. — И ведешь бой. Тебе не нужно решение суда, чтобы выстрелить во врага. И я надеюсь что ты не промахнешься, и удержишь оборону на своем участке. Все ясно, боец Верба?

— Так точно, товарищ Маузер, — четко ответила девушка, и Марат чуть усмехнулся, услышав знакомые нотки в голосе.

— Всё, что осталось непонятным, спросишь у товарища Кнута, командир группы зачистки. Он живет через комнату, тоже в курсе ситуации, и будет на конференции. Голубые глаза, рост сто восемьдесят, сухощавый, мелированные волосы. Удачи тебе, снайпер Верба...

Бобров

Андарбек Пурдаев, известный более как Святослав Бобров, левая рука действующего президента Тарасова, сосредоточие хаоса и интриг — сейчас лежал, по всей видимости — на полу, упакованный с головой в довольно жесткий кокон.

Не сказать, что похищение застало его врасплох. Он знал, что за ним придут. Святослав принадлежал к видимой части государственной элиты. Люди часто видели его — что в обществе, что на страницах газет и журналов, ему посвящено немало статей в интернете. Все догадывались о его роли рядом с первым лицом государства. Их догадки чаще всего были верны. Он был советник, настоящий консилиери при крестном отце. В его обязанности входили как разгребание грязи, так и создание её.

Сейчас он решил на самую рискованную аферу в своей жизни. Вполне возможно — смертельно опасную. Но в случае позитивного исхода выигрыш от игры намного превышал стоимость свеч.

Два протестированных существа, достигших максимального, сотого уровня! Вы представляете, что это такое?

О, Святослав очень хорошо представлял. Ведь эти «офисы тестирования героев для спасения человечества», внезапно появившиеся по всей стране, и даже по всему земному шару — не удалось взять не то чтобы под контроль, но даже не получилось установить за всеми наблюдение. А когда сообразили — было уже поздно. Двери в Тесты перестали открываться. По всему миру. Это значило — что кто-то из «тестируемых» достиг совершенства, и найден годным для выполнения пока непонятного задания.

Бобров находился на той ступеньке управления, где приказы и указания никогда не приобретают материальной формы. Все только голосом. В самом крайнем случае — единственной подписью. Сказал — сделали.

Когда он решился на это мероприятие — именно он чувствовал себя Спасителем человечества. Ему необыкновенно льстила эта роль, и он раз за разом проигрывал, что будет говорить, как отвечать на вопросы, и что предлагать. Именно поэтому он был одет именно так — в костюме от Версаче, без галстука, в ботинках за тридцать тысяч долларов. Но без излишеств, без всяких сверкающих побрякушек. Костюм он не снимал вообще, только пару раз в день его менял. Даже спал в ботинках. Будет немного неудобно разговаривать с похитителями в пижаме.

Хотя поволноваться ему пришлось. Молния среди белого дня, которая, по оценкам специалистов, начиналась из магнитосферы, длиной в несколько сотен километров и толщиной почти в полтора метра — это серьезный аргумент. То, что эта молния ударила, пробив окно, прямо в генерал-майора Никодимова, от которого остался только пепел на стенах — говорило, что Марат и Юта Нечаевы уже через пять минут после рокового выстрела знали, кого им надо брать «за жабры».

Столь быстрая расправа с такими последствиями на мгновение устрашила Андарбека, который уже давно забыл что такое страх. В главном корпусе ГРУ после этого акта возмездия не работало ничего из электрики и электроники. Создались странные магнитные аномалии. Ты мог зайти в здание, и у тебя сразу отключался-перегорал телефон, останавливались часы, причем и механические тоже. В некоторые кабинеты можно было

зайти с лампочкой в руках — и она загоралась. Обычная лампа накаливания горела у тебя в руке без всяких проводов. В одном месте в воздухе могли левитировать магниты или намагниченные предметы. А кое-где можно было потерять сознание и умереть, за несколько секунд. Потому что там железо плавилось... а железо есть и в человеке, и оно тоже плавилось, прямо у тебя в крови, вызывая почти мгновенную смерть...

Здание главного управления ГРУ превратилось в маленькую Зону, прямо как в «Пикнике на обочине». Это было непонятно и страшно. Это явно было предупреждение. И Бобров этому предупреждению внял. Были несколько горячих голов, которые прямо пылали решить уравнение по старинке, с применением спецгрупп, танковых соединений и ракетного оружия. Но Бобров то как раз знал, что это будет бесполезно.

Окститесь, граждане, какие боеголовки? Вы видели возможности ребят, которые достигли восьмидесятого или девяностого уровня? А тут перед вами — две настоящие «сотки».

Поэтому строго настрого запрещается их трогать, и уж не дай Всевышний — пытаться запугать.

Да, они не ангелы. Нет, они не демоны. Они убивают направо и налево, внедряют своих Наблюдателей, от их рук уже пострадали тысячи полезных и нужных людей, они забирают наши деньги, бредят своей «красной армией» и революцией. Ну и что? Пусть побалуется. От государственной машины — не убудет.

Осознание того, что он — фактически единственный, кто осознает масштаб и потенциал ситуации — буквально щекотало Святославу мозг.

Боялся ли он? Ещё как, не боятся только дураки. Тем более что в первую же ночь он видел тень, которая стояла у кровати. Святослав лежал поверх одеяла, в костюме и ботинках, готовый к похищению во всеоружии... А тень постояла... и исчезла. Вот тогда Бобров испугался по настоящему. Этот Марат Нечаев оказался не так прост. Святослав точно знал, что это был он.

Маузер.

Небольшого роста, худощавый. И пусть у тени не было лица — но она не привиделась, это не было игрой разума или света. В комнате кто-то был, хотя ни одна камера или датчик не зафиксировали ничего необычного.

А чего вы хотите от "сотки"? Бобров повидал два десятка ребят, которые специально были посланы на "тестирование". Пятеро из них дошли до семидесятого уровня. Потом двое из пятерки — не вышли из очередного испытания. Из оставшейся тройки только один дошел до девяностого уровня. Этот человек поднимал рукой танк. Не меняясь в лице, играючи, одной рукой, причем левой. Это был высококлассный специалист. Один из лучших в группе Альфа. Мастер от бога во всем — в стрельбе, в борьбе, в выживании. Он прошел двадцать четыре теста. Двадцать четыре! Достиг девяносто второго уровня. А на двадцать пятом — не вышел из двери. Чего-то не хватало им всем, этим специалистам, этим людям, хорошо подготовленным в разнообразнейших областях. Ни широкий профиль, ни узкая специализация, ни оборудование — не спасали. Такие результаты были у всех, не только в России.

Правда, ходил слух, что в Китае одному удалось получить "сотку", но этот слух требовал серьезного подтверждения. И вдруг — сразу двое, при этом — муж и жена. Но вот незадача: они оба, безо всяких уровней, еще задолго до тестирования уже были крайне, невероятно опасны для государства.

А вообще — для чего их готовят?

Для прогрессорства? Или человечеству реально грозит серьезная угроза? Почему неведомая цивилизация дала возможность именно этой парочке? Они же, с точки зрения Боброва — абсолютно бесполезные асоциальные личности, маргиналы, без хватки, с трудом зарабатывающие себе средства даже на пропитание, что уж говорить даже о банальных развлечениях и путешествиях. Они же ничего не видели, не знают и не понимают этот мир даже в малой части. Уткнулись, подобно кротам, в свою идиотскую идею, и тыкаются туда-сюда, как несмышленные котята.

О, как бы сам Бобров хотел бы пойти на тест. Он ведь пошел, правильно заполнил анкету. Но чертова дверь не открылась. Просто не открылась — и все...

Черт бы побрал этих Маузеров и Люгеров вместе взятых! Что в них такого, чего нет у него, Святослава Боброва, который движением руки управляет миллионами людей и миллиардами долларов? Какая нелепица. Какая несправедливость! Вот теперь лежи, как куколка бабочки, и думай, что этим уродам придет в голову, как с ними разговаривать, подчинить себе. Но сначала то придется унижаться, заискивать... Ничего, это он умеет. Уж чего-чего, а в морально-интеллектуальном поединке ему нет равных. Наверно, в нем пропадает гениальный театральный актер...

— Расстегни его, — сказал чей то голос.

Тьма пропала, и Святослав зажмурился от света, бьющего в лицо. Его распутывали, ворочая словно бездушную куклу.

— Надо же, ни разу ни пискнул, пока лежал, — удивлённо сказал все тот же голос.

Наконец, Боброва освободили из его кокона, человек отступил, и пленника оставили лежать на полу.

— Чего разлётся, — сказал второй голос от луча света. — Вставай и раздевайся дальше.

— Догола, Бобров, догола, — подтвердил первый.

— Мне нужно увидеть ваше руководство, — сказал Святослав как можно внушительней, спокойным и преисполненным силой голосом, выделяя каждое слово.

В какой то момент ему показалось что он своим тоном ввел пока невидимых собеседников в ступор. Молчание продлилось секунд десять, а потом безо всякого предупреждения раздался хлопок, и Бобров согнулся от боли. Сгоряча он даже подумал, что пуля вошла в живот, а потом увидел резиновый шарик, какими сейчас пользуется полиция для разгона толпы.

— Твари, — прошипел он. — Вы хоть знаете, кто я?

Ему ничего не ответили, зато сильные и чрезвычайно умелые руки начали освобождать его от одежды, сняли пиджак, рубашку, ботинки, штаны, а затем и трусы. Руки завели за спину, и защелкнули наручники. Затем подняли, и усадили на стул. Со скрипом к Боброву прямо под нос подъехала тележка с мокрым песком. Две грубые ладони обхватили его голову, и резко нагнули. Лицо Святослава ушло в песок, руки кто-то вздернул вверх, что стало не пошевелиться, и тотчас же в затылочную ямку уперлись электроды шокера. Бобров закричал, чувствуя как песок гасит крик, попытался вывернуться, но тело почти не слушалось, содрогаясь от разрядов. Боль была неожиданная, и совершенно нетерпимая.

Самое обидное, что Бобров сам придумал этот метод пытки, двадцать лет назад, ещё на войне, много раз опробовал его на врагах, солдатах и офицерах вражеской тогда ещё армии, только вместо шокера он применял раскалённый докрасна нож...

Минут пять он лежал на полу, отходя от боли, пытаясь унять слюну, произвольно

текущую из рта.

— Что вы хотите? — спросил он сипло, не узнавая собственного голоса.

— Понимания, — ответила темнота со вздохом. — Обычного понимания ситуации. Дело в том, господин Бобров, что люди вашего склада сначала не понимают, что происходит. Они пытаются угрожать, находясь полностью в наших руках. Они не понимают простых человеческих слов. Им говорят — раздевайтесь, а они как будто не слышат. Спрашиваешь их по хорошему, а они начинают играть, словно не понимают, что тут не игровая площадка. А ты не ребенок, а взрослый человек. Тебя спросили — ответь, пожалуйста, прямо, скажи что знаешь, тогда никаких претензий. Почему вас всех надо приводить в чувство? Чем ты отличаешься от других людей? Это риторические вопросы, не надо на них отвечать. Мы скажем тебе, когда от тебя потребуются простые и честные ответы. А пока...

— Не надо! — закричал Святослав, но его лицо снова зарылось по уши в мокрый песок, и на этот раз разряд был мощнее и дольше.

Андарбек потерял сознание. Когда пришел в себя, то понял, что продолжает сидеть на стуле, поддерживаемый чьими то руками, а в лицо снова бил слепящий луч.

Минут пять все молчали. Бобров признался сам себе, что боится даже громко дышать.

— Я вижу, — сказал неизвестный из темноты. — Что вы разумный человек, и не станете усложнять ваше положение бессмысленными вопросами и угрозами. Это хорошо, я впечатлен, обычно люди осознают реальность гораздо дольше.

— Давайте тогда поговорим. Сразу предупрежу — молчание тут не котируется. Человек не желающий отвечать на простые вопросы сразу определяется как бесполезный, с соответствующими последствиями. Разговаривать будем так — мы задаём вопросы, вы как можно короче и честней на них отвечаете. Вы меня поняли?

— Да, — ответил Бобров.

— Ваше имя и фамилия? — спросил равнодушный голос.

— Бобров Святослав.

— Как вас звали раньше, до совершеннолетия?

— Андарбек Пурдаев.

— У вас есть жена?

— Да.

— У вас есть дети.

— Да...

— Сколько?

— Четверо. И одна внебрачная. Дочь.

— Вы когданибудь убивали людей?

— Да.

— Сколько? — задали ему следующий вопрос.

Что за дебилизм? Он должен сейчас говорить с вождями этих "шестёрок"! Должен быть мудрее удава Каа, коварней дона Рэбы и хитрей кардинала Ришелье.

— Я должен поговорить с товарищем Маузером и товарищем Люгером. Доложите им об этом. Мы зря теряем время. Если обнаружат, что я отсутствую больше часа, сюда выдвинется несколько батальонов настоящих головорезов... — преодолевая страх проговорил Бобров.

— Да, мы знаем, — сказал непонятный собеседник. — Мы ждём их. Пусть они приходят. Мы с удовольствием встретим ваших... головорезов. Они обязательно придут, и

погибнут. Без единого выстрела и потерь с нашей стороны. А пока...

Лицо Святослава снова уткнулось в песок...

— А теперь послушайте, Святослав Бобров, Андарбек Пурдаев. Вы не настолько уж важная персона, как сами себя считаете...

Слепящий свет исчез, и теперь Бобров видел своих мучителей. Два совсем молодых молокососа, в берцах, синих джинсах и темных куртках. Насколько Бобров знал — это стандартная форма штурмовиков, повседневная одежда, делающая их невидимыми в любой толпе. Но у этих поверх "формы" были надеты фартуки. Видимо — чтобы не забрызгаться. Наверно, они встречали и куда более упорных людей, чем советник президента.

— Вы понимаете, что я вам говорю, Бобров?

— Да, — сказал он сипло. — Воды. Дайте.

Ему протянули стакан с минеральной водой, и он выпил ее залпом, всю до доньшка. Теперь он уже не думал ни о каких интригах, ему просто и бесхитростно хотелось оказаться как можно дальше отсюда.

— В вас внедрят стандартных Наблюдателей. Причем один — совершенно новая модель, с гибкой оптоволоконной камерой. Скажу прямо, вы — очень плохой человек. Вы напрямую повинны в смерти очень многих людей, в том числе — наших товарищей. Жертвы, к которым вы причастны косвенно — не поддаются подсчету. Не скрою, что многим из нас очень хотелось бы убить вас, но однако вы ещё можете быть полезны. Мы даём вам единственный шанс.

— Это не красивые слова, это факт. Как только любое ваше действие даже покажется нам потенциально опасным — в ту же секунду вы умрёте. И смерть ваша хоть и будет быстрой, но не сомневайтесь — при этом очень мучительной. С сегодняшнего дня вы будете исполнять все приказы, которые услышите через Наблюдателя. Исполнять быстро, четко и слово в слово. И запомните, смерть трех тысяч ваших бородатых "головорезов", которые сейчас находятся типа инкогнито в сорока километрах от города, на полигоне воздушно-десантной бригады, и через пять минут получают приказ выдвигаться... — их смерть тоже на ваших руках. Сейчас я вам сделаю укол, — в руках говорящего появился шприц. — И вы очнетесь через несколько часов, в своей кровати. Мы понимаем, что вы хотели от этой встречи гораздо большего, но ваши желания сейчас не имеют никакого значения и смысла. В свою очередь, вы видели наши возможности, точнее — самый краешек этих возможностей, и постарайтесь не делать ошибок. Скоро здесь произойдет революция, начнется постройка совершенно нового общества. Оценивать каждого будут совсем не по статусу, и не по количеству денежных единиц на счетах, а по делам его. Запомни это накрепко, Андарбек...

Через десять минут, когда все процедуры были проведены, а Бобров аккуратно облачён обратно в костюм, в помещение вошёл Марат. Он посмотрел на мирно спящего помощника президента, потом перевел взгляд на штурмовиков.

— Отличная работа, товарищ Гриф. Вряд ли кто смог лучше, — искренне похвалил он.

— Рады стараться, товарищ Маузер, — отозвался тот, кого называли Грифом.

— Думаете, это дерьмо будет сотрудничать? — спросила сразу у всех материализовавшаяся прямо из стены Юта.

— Это не имеет большого значения, — пожал плечами Марат. — Не понятно на что он надеялся, вроде умный человек.

— Вот так единоличник губит даже самые лучшие начинания, — вставил свое слово Гриф.

— Ладно, я его сейчас обратно перенесу, и потом сразу на шоссе, встречать колонну наших моджахедов. Ют, сразу всех их в асфальт плющить, или в порядке очереди, посмотреть, может кто пригодиться?

— Кто там может пригодиться? Закатывай сразу, — мрачно ответила Юта. — Всех.

— Мда, — только и сказал Марат, подхватил Боброва на руки, и исчез.

Молодцовы

Обычный вечер. Правда, сегодня воскресенье, и так не хочется никуда идти... Но такова уж доля публичного лица. Надо. Постоянно надо. И не тебе, а кому то другому. Эти встречи пожирали очень немалую долю и так нищего бюджета организации. Хотя, какой там бюджет? Фактически — случайные перечисления. Нерегулярные взносы. Подачки от крупных, а чаще средних и мелких рыб бизнеса, или даже от власти — типа, чтобы не загнулись. И это в стране, которая чуть больше полувека назад была оплотом коммунизма, социализма и революционного движения.

— Стась, ну что ты там?

— Сейчас, уже все, — раздался голос из ванной.

Через пять минут они уже шли по московскому бульвару, чтобы потом спуститься в метро, проехать несколько станций, и приехать в торгово-развлекательный центр «Полесье». Громадное здание, пять этажей и черт знает сколько уровней, эскалаторы, лифты, магазины и бутики, отделения банков и шикарные машины, развлечения для детей и взрослых — все под одной крышей.

Их узнавали. С ними здоровались. Не смотря на майскую жару, Сергей Молодцов был одет в свою неизменную черную кожаную куртку, застегнутую наглухо. Имидж обязывал. Всегда собран, всегда готов к действию — и в жару, и в холод. Под руку он вел свою жену и давнего боевого товарища, Стасю Молодцову, фигуру не только известную, но и имеющую авторитет, и зачастую больший чем у него, в некоторых кампаниях. Потому что его всегда подозревали — в двойной игре, в ненадежности, даже в предательстве, не смотря на то что ничего никогда не подтверждалось, не смотря на гонения власти, и серьезный срок в тюрьме. А она... просто любила его, и была рядом, хотя и сама, совсем недавно, возглавляла отделение отнюдь не миролюбивых ребят.

Позвонили и пригласили на встречу, кстати, именно ее, Стасю. С мужем, естественно. Давняя боевая подруга, Юта, просто позвонила и сказала быть в воскресенье в восемь вечера в «Полесье», зайти в офис 2017. Вопрос «жизни и смерти», на миллион рублей. Предложение от которого не отказываются, и возражения даже не принимаются. Стася и Сергей Молодцовы хорошо знали и понимали кто такие Марат и Юта Нечаевы.

Хороший такой номер у офиса, но Сергей Молодцов знал, что у штурмовых групп непонятной до сих пор организации «Красная армия» была такая фишка. Любили они эти странные даты, цифры, совпадения. Пятница, тринадцатое. Даже представитель штурмовиков-красноармейцев на любых съездах и собраниях всегда договаривался выступать в одиннадцать часов десять минут. Это для того, чтобы потом, если кому интересно — всегда можно сказать — «смотри по реальному времени, когда «стукнет» шесть единичек — как раз наш человек и выступает».

С одной стороны — вроде бы и смешно, ребячество. А вот если с другой... Ведь таких дат, совпадений, «тринадцатых пятниц» — пруд пруди. Первое число первого месяца, час ночи. Или одиннадцатое число одиннадцатого месяца, одиннадцать утра, одиннадцать минут. Это для обычного человека ничего не значит. А для спецслужб, которые знают, что некая политически активная группа любит устраивать акции именно в такие даты — ужасная головная боль. Сами то штурмовики над цифрами и совпадениями на самом деле не

сильно «заморачивались». Просто у них была акция, и они, проработав детали, привязывали ее по времени к любой дате. Шестого июня, в шесть утра ровно вылетают стекла в пенсионном фонде. Три шестерки. Что, трудно было предусмотреть? Как отчитываться перед вышестоящим начальством ...если все знают что «штурмовики» работают именно по таким датам? Три шестерки, ну надо же... почему не предусмотрели, не предугадали, смех и позор, гражданские в открытую смеются над специалистами в погонах. А вот как угадаешь? Да в каждых сутках есть как минимум шесть «единичек» и шесть «двоек» — утром и вечером..., и что, дважды в сутки аврал объявлять, и всеобщую готовность оранжевого уровня?

Они приехали вовремя, без десяти восемь. Самостоятельно нашли нужный офис. У всех офисов вход-витрина были прозрачными, а у этого — затянута зеркальной пленкой.

— О, камраден, привет! — радостный оклик принадлежал Кузьме Васильеву, бывшему и закадычному другу, причём другу для обоих Молодцовых. Кузьма, после того как Сергей сел в тюрьму — не пытался перехватить бразды правления, а организовал собственное движение, назвал его Левый Авангард и сейчас имел больше сотни активных членов только в столице. Хотя и провинциальные "авангардисты" тоже были не промах, и Сергей точно знал что взрывы в некоторых губерниях — их рук дело.

— Вас тоже вызвали? — продолжал Кузьма после обмена рукопожатиями. — И мне тож Юта звонит, приходи, говорит, «дело жизни и смерти, на миллион рублей».

Он дернул дверь, та не поддавалась. Но уже через секунду что-то глухо клацнуло, и всё легко открылось. Они все вместе протолкнулись в проем, зазвеневший колокольчиками, и оказались в магазине.

Здесь продавали оружие. Десятки винтовок, карабинов, автоматов, пистолетов и ножей — висели и стояли в стеллажах и полках. На вешалках громоздилась амуниция и одежда. Сергей скосил глаза. Слева под самым потолком на сервоприводе висел ленточный пулемет, его слегка прикрывал рекламный постер. А вот справа... там, справа, на треноге расположился самый настоящий ракетный комплекс, четыре тупоносые ракеты в пусковой коробке. Ничего себе, это что, все — настоящее? Не может быть. Это, наверно, макеты...

В помещении находилось четверо. Двое — явно молодые, и двое куда старше, бородатые. Первый из «молодых людей», здоровенный, круглолицый улыбчивый парень с металлодетектом пошел сразу к вошедшим, а второй остался стоять за кассой. Типа за кассой, потому что сам аппарат не был даже подключен к сети.

— Здрасти, — сказал здоровяк. — Сергей...?

— Молодцов, — закончил за него фразу сам Сергей.

— Класс, — восхищенно выдохнул здоровяк.

— А я Андрей, то есть товарищ Магnum.

— Очень приятно.

— А мы, это..., и не думали что вы придете, прямо неожиданно, — тут круглолицый спохватился. — А это товарищи Тренер и Вепрь (он указал на «старших»). Вепрь — типа хозяин магазина. И товарищ Вальтер, второй, знакомьтесь.

— А почему Второй? — со смехом по интересовалась Стася, но тотчас убрала улыбку, заметив как вытянулись лица встречающих.

— Ну... был как-то первый, — неуверенно протянул Магnum.

— Ясно, — коротко ответила Стася.

Был, да сплыл.

— Куда проходить? — спросил Сергей, здороваясь с мужчинами рукопожатиями.

— Да вот сюда, в палатку.

Действительно, на входе в подсобное помещение стояла самая настоящая палатка, очень маленькая.

— Да тут же... и двое не поместятся, — подал наконец голос Кузьма.

Магнум хитро заулыбался:

— Ещё как поместятся, вы дальше только там проходите... Она проход прикрывает, считайте что там проход, в стене... Только... э-э, мне надо вас проверить, формальность, правило такое у нас.

— Руки расставлять? — теперь уже улыбался Сергей.

— Да, конечно, и если есть что железное в одежде — сразу складывайте на стол.

— У, а у нас все серьезно, — улыбнулся Молодцов, выкладывая на стол ключи, кошелек и мобильник.

Андрей-Магнум, не смотря на явную неловкость ситуации, добросовестно провел металлодетектором по всему контуру Сергея.

— Следующий, — сказал Магнум.

Следующей была Стася. Она отложила в сторону сумочку, предварительно открыв ее, и сложив туда тот же набор предметов что и муж. Магнум провел детектором по контуру... и напротив груди тот противно пискнул. Не понимая, Андрей еще раз провел перед ее грудью. Раз-два. Пип-пип.

Магнум напрягся. По его лбу поползли морщины. Несколько секунд он размышлял, и было видно, что он добросовестно перебирает в голове все возможные варианты.

— Мэм, — сказал он наконец. — Бронежилет? Со стальными вставками?

Стася, не мигая, смотрела прямо в глаза гиганта, снизу вверх. Однако казавшийся простаком увалень — легко выдержал ее взгляд. Магнум ждал объяснения, и игрой в гляделки его было не пронять.

— Бронеливчик, — сказала наконец Стася. — С вставками типа «бронесоски».

Кузьма сзади прыснул, оценив шутку. Сергей тоже улыбнулся. А вот взгляд Магнума из растерянно-простоватого — стал жестким, и очень неприятным. Он как-то весь подобрался, и теперь это был не рыхлый добродушный толстяк — а налитый силой гигант, с которым лучше бы... не шутить.

Стася вздохнула, и вытащила из внутренних карманов куртки (Сергей чуть не присвистнул от удивления) — маленький шокер, и баллончик с надписью «нервнопаралитический». Кузьма сзади заржал уже в полный голос. Ну... натуральный конь. А вот Сергей смотрел на жену с удивлением. У него то при себе ничего не было. А она... она же эти штуки взяла чтобы защищаться! Нет, не так. Чтобы его защищать. Вот этим шокером, который с ног и кошку не свалит, и этим баллончиком, который собаку только раззадорит — она собиралась этими штуками сопротивляться всем спецслужбам мира, если те окажутся у них на пути. Это настолько жалко и наивно смотрелось на фоне жутких пушек на стенах. Среди мужиков, каждый из которых убивал то наверно не раз... и даже не два.

А вот Магнум, стоявший напротив Стаси, хотя и понял шутку, но даже не улыбнулся.

— Мэм, — сказал Андрей очень серьезно, и выдернул из под мышки какое-то длинноствольное, хромированное барабанное чудовище. — Уважаю ваш выбор, но вам явно нужно что-то более серьезное.

— Мэм, — повторил он. — Это Смит и Вессон, модель шестьсот двадцать девять,

специально разработан под сорок четвертый патрон Магнум. Это самый мощный пистолет в мире, круче него только автомат Калашникова...

— Ну нет, — вдруг подал голос молодой человек из-за стойки. — Не верьте ему, Стася.

— Вот, смотрите, это для вас! — горячо продолжил он, и выдернул из под своего пиджака чудовище еще больших размеров. — Мой. Личный. Вам в подарок. Кольт Дезерт Игл, легендарный, калибр пятьдесят, патроны «экшен экспресс»...

— Какой... нахер... экшен экспресс? — прервал его тот, кого называли «Товарищ Вепрь». — Какой нахер... сорок четвертый магнум? Вот вам настоящее оружие...

И он одним движением выбросил на стол перед собой что-то похожее на автомат, только чуть-чуть поменьше.

— Скорпион. Семь шестьдесят два, практически без отдачи, вот это машинка достойная...

Стася стояла и улыбалась. Да, ей явно нравились эти ребята. Простые и веселые. Готовые каждую минуту нести смерть, или принять ее. Без заморочек, без комплексов...

— Да что вы, лоси безрогие! Опомнитесь! Какие «иглы»? Какие «легендарки»? Какие «скорпионы»? — бородач постучал себя пальцем в лоб. — Мадам нужен плоский, небольшой калибр, бесшумный. Замшевая кобура, не ремни, а зажимы, легкий выхват. Да вашими губицами руки вывихнешь, пока вытаскиваешь. А от отдачи ей кисть оторвет, и плечо вылетит из суставной сумки! Вы бы еще ей миномет предложили..., - последний из присутствующих, названный Тренером, явно превосходил своих товарищей — что статью, что опытом. Даже гигантский Магнум выглядел не таким уж и большим рядом с Тренером.

— Вот, — он подошел к одному из стеллажей, поднял стекло и вытащил... самую настоящую игрушку, да еще и в маленькой сумочке.

— Беретта Пико, триста двадцать пять грамм, девять миллиметров, самый тонкий пистолет из серийных, с лазером. — Тренер подошел к Стасе и вручил ей это маленькое чудо. Даже в ее руке пистолет казался маленьким.

— Мы вам оформим лицензию. На постоянное ношение. Но если требуется — можно вас записать в органы. Можете выбрать — дипломатическая служба, спецподразделение ГРУ, министерство чрезвычайных, просто частное охранное... Документы настоящие, люди будут предупреждены и подтвердят, все дела займут полчаса. Никакой нелегальщины, настоящее удостоверение, все абсолютно законно. Если кто-то прикопается — получит по шапке, и очень больно.

Стася посмотрела на Сергей. Тот недоуменно кивнул. И с явной неохотой (а ведь в начале этого представления она вообще не думала соглашаться) — вернула Тренеру «игрушку».

— Ну так что? — спросил он. — Оформляем?

— Вы что, вправду можете меня записать как дипломатического работника? Легально?

— Совершенно легально, — серьезно отозвался Тренер. — И даже зарплату вы будете получать. По ведомостям. В реальности, как понимаете, денюжки вам не поступят. Издержки обстоятельств, сами понимаете... Так устроит?

— Устроит...

— Тогда отчество и дату рождения, пожалуйста...

Маленький спектакль. Штурмовики показали свою силу. Магазин. Охрана, вооруженная автоматическим оружием и ракетами. Бойцы, которые свободно носят здоровенные пушки, пока под одеждой. Связи во всех государственных структурах. Возможность легальной

деятельности.

Опасно, все это очень опасно. Обыватель вообще считает, что это невозможно.

Формирование Верховного совета

* * *

Они протиснулись сквозь полотняный вход, потом преодолели ещё полотнище, и крайне неожиданно оказались в просторном помещении. И Сергей, и Стася, и Кузьма первое время недоверчиво разглядывали открывшуюся картину, но Юта уже шла к ним, улыбаясь приветливо и ободряюще.

— Хороший фокус, — оценил Кузьма. — Полноценный пентхауз внутри торгового здания.

— Ну, — отозвалась Юта. — Здесь нам точно никто не помешает. Здешние камеры под нашим контролем. Охрана тоже. И это помещение абсолютно не проницаемо для чужих глаз и ушей.

Раздался детский визг и гостиную сбежала девочка в кудряшках, в одной майке. Позади неё бежала растрепанная девица.

— Люгер! — в сердцах обратилась она. — Эта маленькая бестия сняла трусы, и не даётя!

— Сабрина, — строго обратилась Юта к дочери. — Тебе сказано, что надо слушать тетю Браунинг? Повторяю — надо слушать. Сейчас другим дядям и тетям надо обсудить взрослые дела.

— Мам..., - начало чудо в кудряшках.

— Никаких "мам", — произнесла Юта так внушительно, что стены дрогнули. — Слушай тетю. Включите себе на экране игру, я разрешаю. И надеть трусы!

В последнем призыве уже слышалась не дрожь стен, а реальные раскаты грома.

— Прошу знакомится, — вновь повернулась Юта к гостям. — Хотя скорее всего вы друг друга знаете. У нас уже пришли Вера Сергеева и Алексей Сергеевич, соответственно главы ВКПб и Рот Фронта.

Молодцов кивнул представленным. Сильно пожилую Веру Сергееву он, конечно, хорошо знал, женщина-легенда, которая более четверти века назад сумела опубликовать в центральной прессе разгромную статью, обличающую, и во многом предсказывающую поведение и события, связанные с верховным руководством новоиспеченной коммунистической партии. После этого на неё обрушилась как раз вся страна, Сергееву обличали, клеймили и преследовали буквально все, которым казалось что свобода и процветание так близко, что только протяни руку. Такого шквала ненависти не выдержал её муж, и скончался от инфаркта... Сама же она выстояла, и даже возглавила партию большевиков, но никому это было уже не интересно, да и сама партия на сегодняшний момент о своей деятельности в последний раз заявляла очень давно, пять лет назад. Алексея Ватова, руководителя Левого Фланга знал куда хуже, пару раз встречались и один раз даже разговаривали. Другое дело что в Рот Фронте все были идейными, большинство — офицеры, отколовшимися от "официальных ручных коммунистов". Анафема от КПРФ фактически ставили на человеке клеймо: "Настоящий товарищ".

— Теперь те, кого вы не знаете, — продолжала Юта. — Товарищ СВД, наш официальный полномочный представитель, фактически единственный, кто действует полностью легально на высоком уровне. Товарищ Овод, наш руководитель отдела кадров.

Товарищ Магнум, вы уже познакомились, наверно..., - Юта указала рукой на гиганта, который появился из проёма тканевой "двери", — ...командарм боевого крыла. Товарищ Браунинг у нас руководит юридическим отделом, но сегодня занимается ребёнком...

Вокруг заулыбались.

— ...и, наконец, товарищ Глок, комиссар технических групп.

— Технических групп? Техникой-механикой занимаетесь? — переспросил Молодцов. Вообще то раньше, у революционеров столетней давности, "технические групповики" занимались разнообразнейшими делами, но в большинстве случаев связанными отнюдь не с механикой. Глок, сидевший в тёмном уголке, после представления поднялся для рукопожатий, и ответил на вопрос.

— Нет, занимаемся ликвидацией..., - он выдержал паузу. — ...всяких технических проблем. Возникла минутная пауза, связанная с пожиманием рук, а потом Сергей спросил:

— А где товарищ... Маузер?

— Здесь, я здесь, — отозвался голос, потом открылась дверь, выпуская небольшой клуб пара и человека в халате.

— Прошу прощения, я только приехал, не мог отказать себе в человеческом удовольствии по быстрому сходить в баню...

— Ну ни фигу себе живут нынешние революционеры, — пророкотал Кузьма, обнимаясь с Маратом. — Ты совсем заматерел.

— Да, есть такое, а ты, блин, гляжу брюхо отрастил, кабан... Так, ждём последнее звено, он уже проходит осмотр... Прошу любить и жаловать, Колокольцев Илья Николаевич, депутат высшего уровня, КПРФ. При этих словах портьера, представляющая здесь дверь, заколыхалась, и вышеуказанное лицо, с невнятными проклятиями ввалилось в помещение.

— Что хоть за бред? — спросил Колокольцев, непонятно к кому обращаясь. — Что за обыски? Пароль? Клятва пионера?

Позади депутата, горой возвышаясь над отнюдь не маленьким Колокольцевым, маячала довольная фигура Тренера:

— А я смотрю к нам кто-то явно "левый" ломится, хотя одет не по-нашему, явный капиталист или контра, — прогудел бородач. — Ну я его решил проверить, спрашиваю "Будь готов?", а он молчит, ну я его про пионерию начал гонять...

— Благодарю за проявленную бдительность, — сказал улыбаясь Марат.

— Да я чего? Я ничего, служу Революции, товарищ комиссар. Разрешите идти? — лицо Тренера прямо таки лучилось от едва сдерживаемого смеха.

— Конечно, товарищ Тренер... Мы, кстати, с Ильей Николаевичем знакомы давно, я ещё мальчишкой сопливым был, мы встретились с ним, когда он приезжал за выборы агитировать, в захудалый провинциальный районный городишко, — рассказывал меж тем Марат. — Он уже тогда депутат госдумы был, мы ждём его у вокзала, я то думал подъедет лимузин... А тут раз, поезд остановился — и он выпрыгивает, в шляпе и с портфелем.

— Да, было такое, — улыбка наконец тронула лицо Колокольцева.

— Я, кстати, сам извиняюсь за свой наряд, — продолжил Марат. — Сейчас переоденусь, но, кстати, наши политические оппоненты поступают очень умно, решая самые серьёзные проблемы в бане. Или в сауне, обнаженные, при шуме огня, воды и пара.

Он вышел из зала-прихожей, и уже издали крикнул:

— Товарищи, камрады, кто что будет? Есть кофе, чай, вино, квас, коньяк, пиво, водка... Ладно, всем чай, я понял!

Буквально через несколько секунд он вновь появился, но уже полностью одетый в чёрное, перетянутый португеей, неся на трёх пальцах вытянутой руки огромный поднос с чайником, сахарницей и кучей разномастных кружек.

— Прошу занимать места за нашим круглым столом, — сказал он. — Похоже на круглый стол в Камелоте, ну да мы, наверно, и есть рыцари. Только не короля Артура, а ее величества Революции... Да, и пробуем чай, уверен, вы такой никогда не пробовали. Я пока возьму слово, чтобы прояснить ситуацию и крайне просто объяснить, зачем, собственно, мы здесь собрались.

Марат с шумом отхлебнул из своей кружки и начал, с места в карьер:

— Все дело в том, что примерно год назад, мы с товарищем Люгером получили от неизвестных пока нам сил крайне серьёзные ресурсы. Разнообразные ресурсы. Я говорю очень серьёзно, и вот до сих пор не совсем понимаю, кто нам помогает.

— Но, — Марат сделал паузу. — Нам, как настоящим революционерам, абсолютно равнодушно, кто вдруг такой щедрый вздумал помогать. Главное для нас результат, остальное вторично. Итак, благодаря предоставленным ресурсам мы сейчас представляем из себя серьёзную силу. На сегодня в нашей организации более тысячи членов (Марат немного лукавил, их было больше, и гораздо больше тысячи), все бойцы на полном довольствии. Расходы на организацию превышают семизначную цифру. В ближайшее время, благодаря косвенной помощи китайских товарищей, — здесь Маузер лукавил гораздо больше. — ... ожидается значительное увеличение поступления средств. Прошу обратить внимание на два слова — "косвенной" и "значительное".

Марат перевёл дух и отхлебнул еще чаю.

— Дополнительно, — продолжил он. — Мы перевербовал и несколько десятков высокопоставленных чиновников и офицеров. Ведем работу в военных и полицейских академиях, там преподают ещё старые кадры, они сейчас ведут интенсивную работу по выявлению курсантов с социалистическим мышлением. У нас есть преданные и верные люди практически везде. Полиция. Армия. ФСБ. Прокуратура, суды, налоговая, приставы и спасатели, во всех областных администрация, думах, министерствах и прочих...

— А не хотите ли вы сказать, что эти странные исчезновения и убийства по всей стране — ваших рук дело? — громко вмешался в монолог Колокольцев.

— Да. Наших, — Марат выждал паузу, чтобы до всех дошёл смысл сказанного. Глок в это время злобно оскалился.

— Мы сейчас. Полностью готовы. К планомерному перехвату власти. — Марат рубил и задавал ритм, как будто выступал с трибуны. — И удержанию её. По всем, самым важным, направлениям. По сути дела, в стране, на сегодняшний момент, создана и действует, настоящая армия, профессиональных революционеров.

На этих словах представитель Рот Фронта недоверчиво хмыкнул и отрицательно покачал головой.

— Позвольте я вас прерву, молодой человек. Вы вот тут много и красиво рассказываете о взаимодействии с властью и органами, что уже подозрительно. А как у вас дело с работой в трудовых коллективах, и вообще как обстоят дела с массами?

— Работа с массами, — чеканил в ответ Марат. — Состоит в том. Что вы целенаправленно ищете в массах. Отдельных индивидуумов. Находите и обучаете. Революционному мастерству. Выделяете из масс тех, кто уже готов стать, профессиональным революционером.

Ватов недоверчиво хмыкнул:

— А как вы собираетесь проводить революцию, не имея широкой поддержки пролетариата?

— При чем здесь..., - продолжал ритмично говорить Маузер, но уже понимая, что тон революционного оратора на этих людей ничуть не действует. — ...поддержка пролетариата? Три условия революции все помнят? Верхи, низы и организация... Широкая поддержка пролетариата — это низы. А организация — это отдельное условие. Ферштейн? Я не собираюсь здесь спорить, о прописных истинах. У нас предложение. Извольте его выслушать.

— Да, мы внимательно слушаем, — вмешалась уже Вера Сергеева.

— Люгер, принеси сумку.

Когда объемная кожаная сумка оказалась на столе, Марат начал выкладывать из нее пачки денег.

— Здесь собрались представители самых известных социалистических движений на сегодняшний момент. Мы предлагаем прямо сейчас собрать президиум Верховного Совета этих социалистических организаций. В последующем Верховный Совет станет руководящим органом социалистического государства. Пока же вам предлагается взять денежные средства, по миллиону — на каждую организацию. На эти средства вы снимете помещения, наймете работников. То есть товарищей, которые будут на зарплате заниматься организацией, управлением и отработкой вопросов и задач, которые перед ними и будет ставить Совет. Пока будет миллион, в месяц. Дальше, пока не возьмем власть — будет еще больше.

— И что, эти деньги — китайская помощь? — старую большевичку ситуация явно веселила.

— Конкретно эти деньги — пожертвования колумбийского наркокартеля. Или это немецкая императорская семья прислала? — Марат наморщил лоб, словно вспоминал. — Не помнишь, Люгер, откуда деньги?

— Да по-моему это выручка от проданных органов. Ну когда землетрясение на Филиппинах было, помнишь, сколько их там нарезали? — мрачно отозвалась Юта.

— Да нет, что вы! — вмешался до сих пор молчавший Магнум. — Это же из партии, которую нам присылают браконьеры, ну... которые на черной икре специализируются.

— Враки, — прокаркал из своего угла Глок. — Это я конфисковал у тех гадов, которых мы последний месяц кончили.

— Экспроприировали, товарищ Глок, — поправила его Магнолия. — Экспроприировали... Конфисковал — это официально, по конкретной статье закона, судебным порядком или же без него, но таможенным контролем. Еще можно без суда конфисковывать наркотики и оружие.

— А что? — весело сказала Вера Сергеева. — Я беру. Особенно если это конфискованные немецкие императорские деньги переданные сюда через наркобаронов с помощью китайских товарищей в бочках с черной икрой. У вас еще случайно запломбированного вагона с вооруженными до зубов боевиками на запасном пути на завалилось?

— Будет, товарищ Вера, обязательно будет, — серьезно ответил Маузер. Вроде, лед тронулся. — И не вагон, а несколько полных составов, как пассажирских, так и грузовых.

— Кузьма?

— Да ноу проблем. Надоело голой задницей за светлое будущее бороться. У меня только на московском молодняке штрафов висит на пару миллионов, — сказал Васин, и потянулся за долей.

— Товарищ Цезарь? Стася?

— А я тут при чем? — удивилась Молодцова.

— Ты представляешь нацбольшевиков, НБП, помнишь? — напомнила Юта.

— Меня там давно нет, — жестко отрезала Стася. — Там давно уж старпер Помидоров засел и сидит, да еще и скурвился под власть, хронов любитель молодых кавказских мальчиков...

— Да, на счет Помидорова и Сюганова, — вдруг и как будто вспомнил Маузер. — Сегодня же восьмое число, восемь вечера, восемь минут восемь секунд... Уже прошло?

— Да, уже стукнуло, — подтвердил Глок.

— Ну что, товарищи, можно и помянуть. Сегодня у нас двойная утрата, в один день, в один час, минуту, и даже в одну секунду, после долгих и продолжительных болезней скончались господа Помидоров Вениамин Эдуардович, руководитель бывшей партии национал-большевиков, переименованных с легкой руки в «Иную Россию». От инфаркта... И бессменный лидер официальной коммунистической партии, оно же КПРФ, Андрей Геннадьевич Сюганов, тоже после долгой и продолжительной, хотя тоже скоропостижно, и тоже от инфаркта...

Марат покачал головой и продолжил:

— Кстати, не только эти двое, почему то и Киргинян Ерванд Сергеевич, главный раскольщик и «суть-временщик» всех времен и народов, тоже сегодня скончался, у себя в театре. Случайно, только что. Этот без инфаркта обошелся. Просто яблоком, говорят, подавился...

— Земля стекловатой..., - пробормотал кто-то.

— Бред какой-то, — произнес Колокольцев. И тотчас же, словно отозвавшись на слова хозяина, у него пискнул сообщением телефон. Илья Николаевич взглянул на него, и лицо его из красного и округлого стало вытянутым, и совсем бледным.

— Мне надо идти, — поднялся он. Точнее, попытался подняться.

— Да никуда вам не надо идти, товарищ Колокольцев, — сказал Маузер, пристально и тяжело глядя на депутата. — Померли, и кол им в горбатые спины, каждому свой, чтоб случайно не воскресли. Ваша задача сейчас — согласится с товарищами, войти в Верховный совет, а уж потом вы станете главой партии ностальгирующих пенсионеров, в этом даже не сомневайтесь.

— А вы, молодые люди, — Колокольцев приходил в себя. — Вы то что из себя представляете?

— Раньше мы были малочисленны, и представляли собой некую группу штурмовиков, так и назывались — «Штурмгруппа». Создались стихийно, на базе молодежного движения как раз вашей партии, Илья Николаевич, — охотно отозвался Марат. — Изначально все было хорошо, до того момента, как мы осознали себя силой, и даже имели неосторожность представить лично господину Сюганову планы по созданию движения «Красная армия», с учетом опыта «Штурмгруппы». Мы просто учились, учились и учились, как и завещал Владимир Ильич. И научились. Теперь мы действительно Армия. Красная армия. Со своими бойцами, командирами и комиссарами, с уставом и присягой. Со своим транспортом, оружием, системами связи, разведки и контрразведки, легальным и нелегальным

движением, со своей бухгалтерией, базами и снабжением. И мы намерены дать бой всякой контре, которая в избытке расплодилась за последние десятилетия...

— Вот что, молодые люди, слушайте сюда, — Колокольцев еще раз безуспешно попытался встать, не смог, и продолжил сидеть. — Я вижу тут какую-то абсолютно бандитскую террористическую организацию, маскирующуюся под социалистов, которые имеют непонятную поддержку, вероятно незаконную, и очень вероятно — из-за рубежа, возглавляемую полными сумасшедшими, с сумасшедшими идеями и безумными действиями. Вы знаете, что эти ваши пропажи и убийства людей подняли целую бурю в некоторых органах? Вы понимаете, что вас через неделю поймают? Всех! И упрячут за решетки, и в психбольницы, а большую часть вообще перестреляют... И вы предлагаете мне присоединиться, и куда то там войти, и взять ваши деньги? Да вы просто сумасшедшие!

Марат разглядывал депутата несколько секунд, словно принимая решение.

— Послушайте, — сказал он бесцветным голосом. — Вы здесь не для того, чтобы кого-то убеждать. Время убеждений закончилось. Сейчас наступило время действий. Мое предложение из тех, от которых не отказываются. Вы понимаете смысл идиомы «Предложение, от которого нельзя отказаться»?

Колокольцев, честно говоря, вообще не воспринял эти слова всерьез. Он несколько раз пытался подняться, и думал, что пора прекращать эти глупые шутки. Штаны ему к дивану приклеили. По крайней мере все ощущения того, что, действительно его собственные штаны приклеены к этому чертовому дивану, это вообще за гранью! Придется рвать... Немыслимо! Поэтому Колокольцев только отмахнулся.

— Я уже не обращаюсь к Илье Николаевичу, — произнес Марат, глядя на безуспешно трепыхающегося Колокольцева. — Просто... много лет назад, мы были молоды и неопытны. Мы думали что наши враги — перед нами. Что достаточно сокрушить врагов, и будущее откроется перед нами. Но настоящее показало, что мы били не тех. Когда ты становишься сильным, когда ты был «номер три», и пора становиться «номером один» — приходит время бить своих. Никто не любит сильных. А ручные оппозиционеры, кто находится на балансе — они в первую очередь заинтересованы, и даже направлены, чтобы никто, кроме них, не был сильным. Они всегда на втором месте, и никому его не уступят. Это их цель, задача и миссии — быть на втором месте. Им его назначили. И для того, чтобы стать первым, ты должен уметь вовремя убирать тех, кто на втором...

Произнеся это, он сделал жест, как будто что-то подбрасывал. Невидимую монетку. Колокольцев со вздохом облегчения наконец то оторвался от дивана, улыбнулся, но в это же мгновение его подняло вверх. Невидимая сила вздернула его, а потом начала выжимать, как будто прозрачные гигантские ладони выжимают половую тряпку. Колокольцев даже не мог вскрикнуть — легкие сжало так, что воздух не мог не войти, ни выйти. Он раскрыл рот, выпучил глаза, и тотчас же раздался глухой страшный хруст, с которым ломаются кости, очень толстые кости внутри тела. Висящий в воздухе Колокольцев обмяк, а потом бесформенной кучей рухнул снова на диван, костюм его топорщился, из уголка рта потянулась тонкая струйка крови.

— Я же говорил, что не надо было их звать, — скрипуче проговорил из своего угла Глок. — Даже самые лучшие в этой КПРФ — просто глупые...

— Мам! Пап! — раздался вдруг звонкий голосок, потом топот маленьких ножек. — У вас все хорошо?

Марат выставил руки вперед, будто защищаясь от чего-то. На лице его отобразилось

сначала недоумение, а потом самое настоящее изумление.

Девочка вбежала в зал, где сидели взрослые. Юта стояла с раскрытым ртом, изумленная не меньше чем муж.

— Она прошла через мой гравитационный барьер! — громко сказал Марат.

Юта повернулась.

— Там была моя магнитная аномалия, — растерянно пробормотала она. — Её должно было остановить...

— Тут у вас кто-то умер, — безапелляционно заявила девочка. — Только что был живой, а сейчас нет.

Все скосили глаза на Колокольцева. Тот уже не лежал, а сидел на диване, не касаясь спинки, никакой крови не было, даже складочки на пиджаке гладко расправлены. Только глаза остекленевшие.

— Вот он! — заявила Сабрина, указывая пальчиком на депутата.

Она твердо подошла к телу, заглянула в глаза трупу, и положила свою маленькую ручку ему на колено. Илья Николаевич вздрогнул, мелко потряс головой, и закряхтел.

— Вот теперь все хорошо! — удовлетворенно произнесло чудо в кудряшках. Ее рука, Марат мог поклясться, на мгновение стала зеленой, и из нее ударил вверх маленький, пока еще абсолютно невидимый лучик, как струйка зеленого пара... И Маузер уже видел такой, однажды, только гораздо больших размеров.

— Люгер... где, млять, амулет? Зелененький такой, с изумрудиком? — просипел Марат.

Юта подошла к дочери и одним движением стащила с нее цепочку. На цепочке ничего не было. Простая, обычная, серебряная цепочка...

— Марат, у нас просто невероятные проблемы..., - сказала Юта.

— Нет, — сказал он. — Они подстраховались. Она была нашим слабым местом. Теперь нет... Она теперь маг жизни, черт подери.

— Сабрина, — сказал отец строго. — Послушай меня. Увижу, что ты кого-то..., или как Нефертум что-то там оживляешь, без нашего разрешения — получишь ремня. Я не шучу...

— А что такое Нефертум? — радостно спросила девочка.

— Так. Браунинг! — Марат уже пришел в себя. — Забери Сабрину, и глаз с нее не спускай... Почитайте там про Нефертума. Все, товарищи, спектакль закончен. Сейчас еще раз поговорим с Ильей Николаевичем, и вернемся к формированию Верховного совета, с голосованием по каждой кандидатуре...

Девятое мая

* * *

Желтое такси затормозило напротив входа в торгово-развлекательный центр «Полесье». Из такси выпрыгнула женщина, одним рывком преодолела три ступеньки, ведущие к стеклянным дверям. Охранники на входе проводили ее удивленными взглядами, но не остановили. Почти бегом по пустынному вестибюлю, и игнорируя эскалатор — наверх, на третий этаж.

Что то слишком много охраны — привычно отметила по пути Стася Молодцова. И слишком мало посетителей. Точнее — посетителей вообще нет. Никого. Только охранники в форме. Очень много охранников. Группами по три, четыре, а то и пять человек. Причем все козыряют, только завидев ее. А, ну да, она же член Верховного Совета...

А вот и знакомый уже оружейный магазин без вывески. Двери не закрыты. В магазине оказалось опять четверо. За прилавком — незнакомый молодой человек. Да и остальных Стася видела в первый раз.

— Здравствуйте. Юта или Марат здесь? — спросила в лоб Стася.

— Здравия желаю, товарищ Молодцова, — отозвался молодец за прилавком. — Товарищ Люгер здесь, а вот товарищ Маузер с утра отсутствует.

— Позовите Юту, — сказала Стася.

— Здесь я, здесь — отозвался знакомый голос, полог палатки затрепыхался и из открывшегося проема сначала вихрем, заливисто хохоча, выпрыгнула маленькая Сабрина, а потом показалась и Юта. Легким кивком головы она указала одному из охранников следовать за девочкой, которая, не переставая смеяться, преодолела дверь и побежала по коридору. Охранник козырнул, и молча выскользнул из помещения. Третьим из палатки выбрался еще один молодой человек, Стася уже видела его сегодня, правда тогда он еще был без заплывшего глаза, и без крови на голове.

Значит, этот ушел, сообразила Стася. Только вот как он оказался здесь раньше ее? Она же прямо с площади взяла такси и поехала напрямик в Полесье, фактически добралась без пробок, за каких-то полчаса.

— Что, не утерпел товарищ Цезарь? Зачесалось? Таки решил, как всегда, сходить на какой-нибудь гребанный митинг? — со злостью проговорила Юта.

— Юта, это же день Победы! Понимаешь? Ты что? Ты чего? — заводилась Молодцова. — Это же святое. Вы тут нормальные все?

— С нами все нормально, — холодно ответила подруга. — Мы выполняем приказы и договоренности, которые вчера сами и утвердили. Никаких митингов. Никакой публичной деятельности. Мы — подпольная организация, работаем фактически в партизанских условиях, в окружении тысяч и тысяч настоящих врагов. Мы не клоуны с шариками на площади... Цезарь вчера лично сказал, что все будет нормально, что он все понял. Тем более у него судебный запрет на посещение таких увеселительных мероприятий. Что такого сложного в том, чтобы сдержать собственное слово, не говоря уже о нарушении прямых приказов и дисциплины?

Стасю было уже не остановить:

— Пошла ты знаешь куда со своей дисциплиной, Люгер! Ты сначала на себя и своих

боевиков посмотри! Все было нормально, пока ваши придурки не начали пулять во все стороны!

— Нормально? — тихо переспросила Юта. И продолжала не дожидаясь ответа, все более и более повышая голос:

— Да я видела, как это было «нормально». Там ментов в форме и гражданке было в пять раз больше чем митингующих. А журналюг — раз, два и обчелся. Это ловушка была! И что — мозг оппозиционера в такой ситуации отказывается распознавать провокации? А Серега что, не понимает что он член правительства? Не понимает, что он видел и знает слишком много, что нельзя ему шпяться вот хрен знает как... где любой ментенок может его сгрести в охапку, и начать колоть? Как последнего сывку. И расколет...

Тут Юта щелкнула пальцами, и указала на плазменный экран, который только что беззвучно показывал рекламу очередного пистолета-пулемета, а сейчас переключился, и показывал какой-то кабинет. Послышался мощный голос Молодцова:

— Да не знаю я ничего, сколько раз уже можно повторять... Вы так спрашиваете, как будто это я их нанял. Я этих робин гудов вообще впервые в жизни вижу, и малейшего предположения не имею, почему они вдруг начали такое чудить...

Стася от удивления открыла рот. Картинка показывала так, как будто у ее мужа во лбу была вмонтирована камера. Причем — очень мощная камера, с хорошим разрешением и захватом, и даже, похоже, системой стабилизации. Видна была каждая пылинка, каждая черточка. Молодцов, по всей видимости, сидел на стуле, нога на ногу, сложив окровавленные руки на колене, и, похоже, изо всех сил старался делать вид невозмутимый, и даже равнодушный. По крайней мере голос его гремел как обычно. Перед ним был стол, за столом сидел человек в гражданском, и очень пытливо смотрел в лоб, а точнее прямо в глаза задержанному.

— Послушайте, Сергей Вячеславович, положение очень серьезное. Убиты четыре сотрудника полиции, еще трое в тяжелом состоянии в реанимации, и один точно не выживет, а двое навсегда останутся инвалидами. Задержан боевик, вооруженный профессиональным оружием, со спецпатронами, причем с лицензией... Охранник, так сказать, из частного охранного предприятия, которое, как оказалось, существует только на бумаге. Вы вообще осознаете, насколько все плохо...?

Под картинкой было несколько строк. По всей вероятности, камера имела не только хороший микрофон, но и медицинский блок, который сейчас показывал характеристики носителя: пульс, давление, температуру тела.

Картинка мигнула. Теперь на экране были только обшарпанные стены, бетонный потолок, и еще слышалось тяжелое дыхание. Эта видеокамера была вмонтирована другому человеку, и, судя по свистящему, хриплому с бульканием дыханию — человеку было крайне нехорошо, что подтверждали пульс и давление.

— Кабан совсем плох, — сказал мальчик за прилавком. — Четыре пулевых, два опасных. Мы ввели ему коагулянты, но кровотечение продолжается. Даем еще плазму, и успокаивающие. Но долго он не протянет, печень задета.

— Черт, — выругалась Юта. — Этому дураку сейчас, в камере да без сознания, даже Уником активировать нельзя... Черт бы вас подрал всех... Мы еще будем разбираться, с какого черта он этого не сделал раньше.

— Да, — продолжила Юта, подтверждая догадку Стаси. — Мы внедрили в Цезаря стандартного «Наблюдателя». Мы видим все, что он видит. Слышим, что он слышит.

Чувствуем, что он чувствует. Вложены гигантские ресурсы. Передовые технологии. Уйма времени. Просто колоссальная работа. От Сергея зависит судьба не только его организации, но и всех нас. Он член правительства. Вам самим переданы неслабые средства. Мы даже нашли вам помещение недалеко от места жительства, подобрали людей, приставили охрану, лучших специалистов. Договорились, что вы работаете, отбираете из масс уникальные кадры, ищите их в провинции, привязываете, устраиваете к себе на работу, даете задания, внедряетесь во все организации... Приобретаете власть, а не популярность... И через день такой залет! Через один гребанный день!

— Его же там убьют, я слышала, не выпустят его оттуда, его взяли то просто ужас как жестко, первый раз так, разбили все в кровь... — начала Стася.

— Да его бы и убили там! — Юта почти кричала. — У них приказ был — убить его. Члена Верховного совета! — было видно, что она в бешенстве. — Ногами бы затоптали, и сказали — так и было. Да если бы наши робин гуды не вмещались — лежал бы сейчас Цезарь, в белом помещении, под лампами, больше похожий на отбивную котлету, чем на человека. И что? Что я вижу, товарищ Стася? — Юта смотрела подруге прямо в глаза. — Где организация? Где дисциплина? Где подчинение общему решению, за которое Цезарь, со всеми вместе — тоже голосовал?

В установившийся тишине стало слышно как зло гудят люминесцентные лампы над головой. Ощутимо пахло озоном и перегоревшей проводкой.

— Ладно, что делать будем? — резко спросила Юта. И продолжала, не дожидаясь ответа:

— Для нас это ситуация стандартная. Вариантов не очень много. Поэтому мы сейчас узнаем, есть ли в том месте где держат нашего героя — наши люди. Сразу скажу — есть один, но не в том звании, и не в тех полномочиях. Так что этот вариант отпадает. Одного бы вытащили, но двоих сразу, причем второй не ходячий... И не вытащим, и своего «крота» подставим...

— Вариант второй. Если бойца нет возможности вытащить, — продолжала Люгер. — В «Наблюдателя» сейчас кроме взрывчатки монтируется специальная капсула, с природным нервно-паралитическим ядом. Если боец начинает колотиться, или вообще говорит не то — яд впрыскивается в кровь, через секунду он уже не может вообще ничего говорить, через тридцать секунд замирают легкие, через две минуты — останавливается сердечная мышца. Мы с тобой, Стась, сейчас представляем Верховный Совет в миниатюре, в кризисной ситуации, и сейчас проголосуем за этот вариант. Я — «за». Кончаем и товарища Цезаря, и товарища Кабана. Как, товарищ Стася, устраивает тебя такой вариант?

Ошеломленная Стася помотала головой.

— Вот видишь, не устраивает. Тем более Кабана мы оставить у них не можем. Они скоро поймут, что мы ему удаленно медицинскую помощь оказываем..., и вообще бойцов с «уникомами» сдавать нельзя...

— Поэтому мы принимаем третий вариант. Штурм. Освобождение товарищей. Теперь даже люминесцентные лампы замолкли.

— Товарищ Стася, не спим, голосуем. Я — за!

Стася согласно помотала головой.

— Да, я тоже...

— Комендант! — рявкнула Люгер.

— Я, — отозвался паренек за стойкой.

— Прекрасно, товарищ Кольт. Я очень рада что это именно ты, — спокойно сказала Юта. — Готовь команду к штурму.

— К чему? — переспросил парень.

— Коля, тебе сколько лет? — мягко спросила Юта.

— Двадцать шесть, — пришел незамедлительно ответ.

— Видишь, тебе двадцать шесть. Ты прошел всестороннюю подготовку. Ты комиссар, комендант данной базы. Получил указание членов Верховного Совета — освободить товарищей Цезаря и Кабана из местного «ровэдэ», с помощью штурма. На полную готовность тебе даю — полчаса. Что неясного, Коля?

— Все ясно, товарищ Люгер.

— А мы со Стасей пока пойдем поьем чайку, успокоимся...

Штурм районного отдела

* * *

Ровно через полчаса, когда они действительно попили чаю и спустились в фойе первого этажа, их ждала команда. Около сотни бойцов, запакованных в дутые черные комбинезоны (Стася знала теперь, что именно это и есть «уникомы»), обвешанные оружием разного размера. У всех серьезные и жесткие лица.

Кольт торопливо докладывал:

— Готово четыре группы. Отобраны лучшие из Штурмбригад Тренера, Магнума и Глока.

— А четвертая?

Николай едва заметно порозовел.

— Четвертая моя...

— Ну надо же, — насмешливо сказала Юта. — Прискакали, кони, только свистни... Элита. Ну..., - это она уже говорила Стасе. — Эти ребята и черта из преисподней достанут.

— Люгер, выглядишь просто обалденно, — взревел уже знакомый гигант-Магнум. Они обнялись, осторожно похлопали друг друга по спинам.

— Тренер, привет! Глок, спасибо! — кивнула по очереди Юта.

— Да без проблем, завсегда рад... — в скрипучем голосе вечно-мрачного Глока прорезались участливые нотки.

— Магнум, я уже оповестила контрразведку, чтоб увели от точки всех наших перевербованных, и чтоб не думали туда соваться, — меж тем перекрывала Люгер общий гвалт. — Кольт, как приедем обратно, согласуй действия, чтобы ни одна журналюга поганая, ни на одном своем бложке, не вздумала даже пискнуть. Иначе — удушю, каждого, лично. Бойцы! Ша!

Гомон затих. Стася обратила внимание, что подруга успела переодеться, только вот когда? Теперь на Юте был плотно облегающий ее невероятно стройную фигуру костюм, словно сшитый из черной змеиной кожи. Чешуйчатая ткань начиналась от самого горла и заканчивалась под неизменными берцами. Она не имела ни единого шва, и даже намек на застежки или молнии, и, закрывая все тело, скорее показывала наблюдательному взгляду, что на хозяйке, кроме самого костюма и высоких ботинок — ничего больше и не было.

— Бойцы, — повторила Люгер тише, но казалось что в установившейся тишине сами стены завибрировали от ее негромкого голоса.

— Сегодня, девятого мая, в День Победы, мы возьмем штурмом полицаев. В их собственном логове. Освободим наших товарищей. В приказном пор-рядке! Запр-рещаю

сегодня, — чеканя сталью в голосе рычала черноволосая богиня смерти. — Хоть кому, по любому поводу, запр-решено — ссать, срать и спать. Сегодня мы покажем, что никого из нас нельзя трогать безнаказанно. Сегодня наш день. Проживем его достойно. Пленных мы не берем, и свидетелей сегодня — не оставляем. Всем ясно?

— Да, ясно...

— Что то я не расслышала... Что, кому-то не ясно?

— Ясно! — хор голосов стал гораздо тверже, мужики улыбались.

— Так что, задача всем ясна? — голос Юты уже звенел сталью.

— Ясно! — рывкнул дружный отклик из десятков глоток.

— Выполняйте!

— Бригада Глока берет тыл здания, — звонким мальчишеским голосом командовал Кольт. — Тренер — левой крыло. Магнум — правое! Я — в центре!

— А почему я всегда правое? — медведем заревел Магнум.

— По машинам...

В машине Стася постоянно озиралась. И посмотреть было на что. Снаружи это был микроавтобус. Обыкновенный «Фольксваген-транспортёр». Снаружи в длину пять метров, а вот внутри, в глубину — все пятнадцать. Длиннющий, как вагон поезда. Сидений — штук двадцать. С каждой стороны. Это внутри. А снаружи — куций минивэн. Стася даже проверила несколько раз. Заглянет внутрь — потом посмотрит снаружи. Волшебство какое-то.

— Пакуемся, Анастасия Игоревна, это спец-авто, не удивляйтесь — подбодрил сзади голос юного Кольта. Чувствовалось, что парень здорово волнуется, но виду не показывает.

— Так то не сильно хорошо, что комендант базы сам возглавляет штурмбригаду — проворчала Юта, мягко впрыгивая в одно из сидений. — Кто-нибудь, упакуйте Молодцову в уникем.

Тотчас же на запястьях Стаси клацнули два широких черных браслета.

— Нажимаете вот на эту красную кнопку на левом браслете — комбез активируется, — пояснил Стасе боец, совсем юный, еще младше Кольта, но изо всех сил старающийся казаться взрослым и опытным. — Зеленая клавиша на правом — деактивирует уникем.

«Да он как минимум вдвое меня младше» — сообразила Стася.

— Как зовут? — произнесла она вслух.

— Меня? Товарищ Мцырь.

— Мцырь?

— Да он Лермонтова начитался, вот и решил такое выбрать, — со смешком пояснил сосед напротив.

— Чего тебе не нравится? — огрызнулся Мцырь. — Оружие есть?

— Что? — не поняла Стася сначала. — А, да, есть, — и вытащила свою «беретту пико». Мцырь хмыкнул, но ничего не сказал. А по виду так и вообще — доволен. Он то голову ломал — чем бы её вооружить, а тут одной проблемой меньше...

— Ага, и боезапас тоже доставай, — деловито пояснял Мцырь. — Как только уникем активируется — к телу будет сложновато попасть. Он практически все удержит. Пулю бронебойную из дэшэка — только так держит, макаровские пульки даже не заметишь... Нажимай.

Стася нажала наширокую красную клавишу. Тотчас же из обоих браслетов, накладываясь друг на друга — потянулись металлические черные пластины, плотно

охватывая сначала руки, потом плечи, грудь, живот, бедра, икры, шею, затылок, пальцы. Еще через секунду пластины начали надуваться, как будто воздухом. Своя одежда под уникалом чувствовалась, но как-то — размазанно, словно ее разгладили на теле.

— Нормуль, — сказал Мцыр. — Теперь шлем. И ствольник свой куда нибудь пристрой. Просто приткни к телу, где удобно, уникал сам под него крепеж и форму подберет.

— Двухминутная готовность, надеть головные уборы, проверить связь, — скомандовал Кольт.

Все послушно нахлобучили на голову легкие пластиковые шлемы, и стали похожи на какую-то зондер-команду — одинаковые, грозные, лица скрыты черными забралами.

Стася почувствовала, как у нее пересохло в горле. Поискав глазами вокруг, она обнаружила в боковом кармане своего кресла стеклянную бытылку, на этикетке которой было написано: «Минеральная вода». Молодцова решительно потянула бутылку к себе, свинтила алюминиевую крышку и поднесла к губам.

— Оп-па, — глухо вскрикнул Мцыр через шлем, и неловко вырвал бутылку из рук женщины, так что расплескал содержимое. — Не надо. Это с прошлого задания осталось...

Стася уже почувствовала запах бензина, смешанного с керосином. Стандартная смесь для самодельных «коктейлей Молотова».

— Возьмите, — кто-то протянул фляжку, в которой оказалась какая-то мятная приятная газировка. — Хорошо хоть не глотнули, а то ублевали бы нам тут все...

— Минутная готовность, — раздался голос Кольта уже в шлеме.

— Стася, под скулой в шлеме переключатель каналов. Четвертый — наш. А то ты будешь на общем сейчас сидеть, один гвалт слышать. Цифра канала видна внутри шлема в правом верхнем углу, — консультировал новенькую Мцыр.

Женщина прекрасно понимала, что не смотря на то, что чуть ли не вдвое старше любого из рядом-сидящих юных бойцов, она проигрывает им в опыте во много раз. Особенно вот в таких, кризисных ситуациях. А чтобы произошло в настоящей, революционной обстановке? Холодок пополз по спине Стаси. Да любой из этих юнцов, поняла она, даст ей и ее мужу — сто очков вперед. Это при том, что Стасю с Сергеем считают чуть ли не самыми радикальными, самыми опытными революционерами.

— Не дрейфь, подруга, я прикрою, слушай меня внимательно — и все нормально будет..., - спокойно говорил Мцыр.

— Всем пользоваться глушителями. Никаких гранат. Никакого шума. Головы пооткусываю, — гремел в шлеме Кольт. — Готовность десять секунд. Три... Два... Один...

— Поскакали, клоуны, — прозвучал в голове ворчливый голос Юты, и она первая выскользнула в открывшийся проем...

Вся роль Стаси свелась к тому, что она, поддерживаемая со все сторон услужливым Мцырем, добралась до здания с напроць свороченной, и даже кое-где оплавленной дверью.

— Товарищ Люгер, — уважительно сказал мальчишка. — Её работа. Она их нестабильным магнитным полем вырывает. Зрелище еще то, я вам скажу...

Вокруг, на улице, не было никого. Бойцы просто выскользнули в дверь автомобиля — и растворились. Словно бы их и не было. И прихватили с собой всех зевак, потому что людей вокруг тоже не было. Ни празднующих, ни бегущих, ни лежащих, вообще никаких. Хотя недалеко все так же жил своей жизнью большой город, шли колонны по улицам... А здесь все вымерло.

Внутри здания мерцал свет, двери кабинетов были открыты, и вот тут уже деловито

сновали черные, раздутые от уникомов фигуры. Вдоль стен лежали тела — немного, их подхватывали, паковали в черный полиэтилен, куда-то волокли. Вытаскивали такие же полиэтиленовые свертки из кабинетов.

— Сюда, — подсказывал Мцырь. — Вот сюда, не наступите, ножку ставим на сухое... Как самочувствие?

— Да ничего, нормально, — отвечала Стася.

А вот и знакомый спуск к «собачникам», мимо проносят на носилках хрипло дышащее тело в уникоме.

— Кабан, — коротко пояснил Мцырь.

Около одной из дверей стоял богатырь Магнум. Он был без шлема, лицо его было красным от прилившей крови. Обоими руками он ухватился за сваренное толстое железо, и с натужным хрустом просто вырвал дверь из косяка. Аккуратно приставил к стене.

— Товарищ Цезарь, на выход! — прогремел Магнум.

— Шлем сними, — толкнул Стасю в бок Мцырь.

Маленькая Победа

* * *

Вернувшись всей гурьбой в Полесье, бойцы втекали в помещение фойе и там останавливались. Последними, как и положено капитанам-командирам, вошли Люгер, Кольт, Стася и Цезарь. На последнего напялили уником, и на всякий случай страховали два человека, по бокам. Мало ли что?

Прямо посередине фойе стоял Маузер, в обычных холщовых штанах и такой же рубашке. За руку он держал маленькую Сабрину. Девочка сосала чупа-чупс, и выглядела на удивление серьезной и спокойной, пока их окружали громадные бойцы в черных скафандрах.

— Все здесь? — спросил наконец Маузер.

— Бригада Глока осталась для зачистки, — отозвался кто-то.

— Хорошо, — задумчиво сказал Маузер.

Но все понимали — хорошего мало. Каждый чувствовал себя так, как будто на плечах лежат две огромные ладони, и дают — мягко, а в животе сосет, и ноги ватные.

— Сабрина, смотри, вон дядя Кабан, ему плохо... Сможешь его на ноги поставить? — наклонился Марат к дочке.

— Ага.

— Ну иди, мое солнышко.

— Ну что? — выпрямился Маузер в полный рост, хотя все равно оставался здесь самым маленьким. Но голос его, глухой и глубокий, заставлял легкие сжиматься от страха. — Как повеселились, на праздничке?

Взгляд его уперся прямо в Сергея, и Стася непроизвольно сделала шаг вперед, чтобы заслонить мужа. Штурмовики поспешно отходили от них, оставляя в одиночестве. Только один Кольт остался стоять рядом, незыблемо, упрямо стиснув челюсти так, что лицо его сейчас казалось высеченным из камня. Стася сделала еще шаг, стараясь прикрыть и его. На ее плечо легла тонкая сильная рука в перчатке из змеиной кожи.

— Не лезь, — сказала Люгер.

Двенадцатым женским чувством-чутьем Стася понимала, что она сама ничего здесь не решает. Все очень серьезно. Только что умерло очень много людей. На этом фоне ее жизнь, да и жизнь Сергея — не больше чем смысл существования микробов. Причем на стенке унитаза. Смоют. Вот этот маленький человечек, безоружный, похожий на крестьянина позапрошлого века... в дерюжной одежде — моргнет глазом и смоеет их к чертовой матери.

— Чего разорался? — спросила Юта теперь уже Марата. — Ты в календарь то смотрел? Да, тупанули товарищи с непривычки. Здрав хвосты пошли на праздник. Со всеми бывает. У всех свои принципы. Они к подполью не привычны еще.

— Вас бы выпороть, как сидоровых коз, всех... для профилактики, — сказал Маузер, но прежней тяжести в голосе уже не было. Вокруг облегченно завздохали, утирая лбы.

Юта сдернула с руки перчатку, и показала Марату розовый кулачок. Медленно высвободила из кулака средний палец в неизменно-непристойном жесте. Затем высунула язык, так же медленно поднесла руку к губам, и кончиком языка аккуратно облизала верхушку развратно оттопыренного пальца.

Послышались смешки.

— Выпорешь, — пообещала Юта Марату. — Вечером. Не при всех.

— Эй, бойцы, — задорно вскрикнула она светлым голосом. — С победой вас, товарищи! Хорошо отработали, долго мы ждали этого дня, чтобы при свете солнца, все вместе, и всех нагнули... Ну!

— Погоди еще, с победой поздравлять, — напряженно сказал Маузер, а сам глядел не на нее, а вдаль, на автостоянку, через стекло витрин комплекса. Там подъехало несколько машин, частью легковые, но в основном — бронированные полицейские «камазы», из которых уже сыпались фигуры в черной форме, с большими круглыми шлемами.

— Всем стоять, — буднично и спокойно сказал Марат. — Комендант, примите меры к обороне базы. Я поговорю с ними.

— Не надо за мной ходить! — рявкнул он, заметив что несколько бойцов явно нацелились прикрывать ему спину. — Вас еще мне не хватало... Люгер, держи эфир под контролем, пожалуйста...

Он вышел из комплекса, поднял руку, привлекая внимание «омоновцев». Что-то спросил, и уже через несколько секунд к нему шел высокий офицер, тоже в черном, увешанный всевозможной амуницией.

Молодцовы меж тем осталась в холле фактически одни, почти никого не было, кроме Юты и Кольта, который вполголоса командовал в рацию:

— Пятерку Борзого на крышу. Мутанты на первом этаже. Олень, дорогая, проверь подвал...

Маузер за стеклом что-то говорил офицеру, который был чуть ли не вдвое выше и шире его, они о чем-то спорили, но спокойно, почти лениво. Марат тер лоб на каждый вопрос офицера, потом что-то говорил, и по выражению лица омовца — сказанное ему сильно не нравилось. После пяти минут пантомимы, они наконец пожали друг другу руки, и офицер, свистнув так громко, что слышно было и за пуленепробиваемыми стеклами, жестом показал своим: «собираемся, сворачиваемся, уходим, спектакль закончен».

Подождав пока последняя из бронированных автомашин покинет стоянку, Маузер развернулся и все так же, не спеша, вошел в здание.

— А вот теперь победа, — сказал он, и в этих словах мелькнул мальчишеский задор. Он поднял вверх руку, в которой, между пальцами, были зажаты три бутылки невесть откуда взявшегося шампанского.

— А вот теперь мы отпразднуем...

* * *

Джон Силверстайл

Джон Силверстайл, советник президента Соединенных Штатов Америки по вопросам с Россией, глава отдела центрального управления разведки (по этому же вопросу) — сидел и барабанил пальцами по столу. Это был высокий, представительный мужчина, в светлом старомодном костюме-тройке, но без галстука.

Он был далеко не дурак, наш Джон, и много повидал, а ещё больше знал. Но сейчас он нервничал. Рука сама собой потянулась к мышке, и на мониторе ещё раз открылась страница с выводами. Выводы были печальны. Они требовали увеличения внимания, и, соответственно, увеличения сотрудников и финансирования. В текущей ситуации это фактически невозможно.

Несколько дней назад грузовик, с усиленным бампером, и десятью тоннами метана — пробил ворота атомной станции. Водитель был уже мертв, когда сработали заряды. Первые

пробили цистерну несколько раз, а второй инициировал объемный взрыв. Четыре энергоблока встали. Они повреждены не были, а вот сами здания... Скорее всего, тут даже капитальный ремонт не поможет.

Десятки миллиардов долларов вылетели в трубу. Самое страшное — никто не знал, чьих это рук дело. На девяносто девять процентов — постаралась какая-нибудь очень крохотная арабская террористическая организация. Командиру которой пришел в голову простой и "гениальный" план. Но оставался один процент.

Все службы стояли на ушах. Какая уж тут Россия? Тем более что там, в стране неубираемого снега, на первый взгляд все замечательно. Все работает как часы. Даже количество протестных акций упало за последние месяцы в три-четыре раза. А в некоторых губерниях так и вообще полный ноль. Но разве это хорошо? Это могло означать что население или довольно, или наоборот, перешло к подпольной работе. Количество митингов должно быть стабильным, чтобы знать что, кого и насколько беспокоит, и как с этим беспокойством справляться.

Можно было бы все списать на смерть престарелого лидера коммунистов России. Можно подумать, что коммунисты, давно и прочно сидящие в глубоком месте, сейчас вместо запланированных протестов заняты внутрипартийными разборками. И это действительно так. Если бы ни одно "но". Вместе с многолетним вождём, который находился под абсолютным контролем, за последние полгода умерло более двухсот партийных лидеров помельче. А ведь каждая кандидатура там согласовывалась и одобрялась. Нет, не самим Силверстайлом, для этого есть другие сотрудники в его отделе. Схема была почти беспроблемной. Джон сам подписывал приказы, десять и пять лет назад, в которых указывалось какими характеристиками должны обладать мелкие вожди-крупные партийные работники коммунистической партии России.

В первую очередь — конечно, — возраст. Коммунист не должен быть молодым. Он должен быть старым пнем, желательно пропахший мочой. Если ещё пятнадцать лет назад ты мог попасть в руководители, если тебе как минимум сорок пять лет, то за прошедшее время планка поднималась дважды — то есть до пятидесяти, а потом и шестидесяти лет. Только с такого возраста в русской коммунистической партии тебе дадут действительно серьезный пост. Конечно, были и исключения, без них правило не может быть верным...

И тут — двести престарелых трупов. На первый взгляд — ну а что вы хотите от коллектива, средний возраст работников которого — семьдесят шесть лет? И сразу второй вопрос — тогда почему половина из них умерла при крайне странных обстоятельствах?

Да, можно понять — упал с высоты, разбился в машине, остановилось сердце, задохнулся во сне, сгорел при пожаре... Бывает. Но кто будет убивать из снайперской винтовки престарелого старика, седого как лунь? Кому потребовалось травить эту старую развалину цианидом? Взорван в лифте, разорван выстрелом из гранатомёта, разрезан лучом, вероятно высокоэнергетическим лазером! Как вам это нравится? Как?

Нет, друзья мои, эти смерти отнюдь не случайность. Кто-то очень жёсткий и невидимый хорошо почистил ряды русских ручных коммунистов. И их заместителей, кстати...

Никто не отдавал таких приказов — Джон знал это наверняка. Кроме их отдела компартиями занимался много кто, в том числе в самой России. Но все как воды в рот набрали, или действительно — не знают ничего. Да как можно быть таким слепым и легковёрным?

Это была и есть самая настоящая, жестокая и принципиальная чистка!

Такой объем работы, за такой короткий срок, в каждой области России — могла произвести только могучая спецслужба. Зачем? Ведь было все нормально, просто прекрасно все было...

Китайцы? Вполне... Но Силверстайл запросил данные, и... нет, китайцы вообще уменьшили свое и так очень скромное присутствие в политической жизни заснеженного соседа.

А эти странные то ли слухи, то ли домыслы о взрывающихся головах, о министрах, взятых под контроль с помощью микроаппаратуры? Кто то в святой для русских праздник, на девятое мая — вырезал целый полицейский участок! Данные не подтвердились, конечно... Но что-то там случилось, что-то произошло нехорошее.

Агенты, сидящие в каждом министерстве и ведомстве, в каждой российской партии, в каждой службе — не могли сообщить ничего конкретного, несли такую откровенную чушь, что им бы всем в писатели податься. Фантастическо-шпионских романов. А некоторые, наоборот, словно язык откусили, или вообще воды в рот набрали. Сидят на местах как куклы, словно боятся чего то, до ужаса и непроизвольного выделения слюны.

Но было у всего этого что-то общее. Да же не что-то, а кто-то. Некий Маузер. Товарищ и камрад Маузер. А ведь Джон знал одного такого... Маузера. Перед тем как взойти на должность начальника отдела, он по долгу службы совершил небольшое турне по России. Полезно для понимания мыслей и чувств потенциального соперника.

Конечно, сейчас Россия никакой не соперник, смешно даже думать. Но порядок есть порядок. Если инструкция предусматривает — надо делать, а не читать её тогда, когда все пропало. Так вот, примерно в середине их путешествия, Джона и его помощницу просто уговорили встретиться с некими... Как их там, вроде бы их называли штурмовиками, хотя сама организации пафосно называлась «красной армией». Или «красной гвардией»... Не важно сейчас.

Они встретились с глазу на глаз, на втором этаже какой-то забегаловки. Что вообще было необычно, потому что и инструкция, и программа турне предусматривала либо официальные приемы у местных властей, либо шумные и не очень официальные выступления-беседы со студентами, школьниками, трудовыми коллективами и даже заключёнными в тюрьмах. Но это всегда были массовые мероприятия, в специальных залах.

А тут — мелкий городок, кафе, даже не ресторан. Помощница дозвонилась до этого Маузера, произнесла, как учили — idiotский набор слов в трубку, рассказала что и как, и запросила встречу. На том конце промолчали, а потом сказали время и место. Вот даже так. Ей пришлось согласиться. А Джону — срочно менять расписание и программу, и звонить по отмену нескольких встреч. Время товарищ Маузер выбрал вечернее, поэтому утром Силверстайл сначала встретился с местным губернатором и приближенной "элитой", а в полдень провел лекцию в тамошнем университете, при полном аншлаге, естественно. В обоих случаях. И уж потом, после этой официальщины, они пошли в кафе. Где их уже ждали. Товарищ Маузер, и еще один... товарищ. Со странным прозвищем Двадцать Четвертый.

Как только Силверстайл увидел их, он сразу понял, кто в этом городе на самом деле хозяева. Оба были невысокого роста, с короткими стрижками, в темных куртках и синих джинсах, похожие как братья. Не только одеждой и сложением. Но и выражением лиц, уверенными движениями и голосом. Они были похожи на капитана авианосца и его старшего помощника, у которых под рукой находится сила, способная снести с лица земли

целую цивилизацию. Они были настолько уверены в себе, как могут быть уверены полководцы, начинающие генеральное наступление, подготовившие всё и вся, ни на секунду не сомневаясь в победе, или в своих умениях, возможностях и людях. Оба довольно неплохо говорили по английски, и устроили Джону натуральный перекрестный допрос. Ни капли подобострастия или барского бахвальства — этих странно сочетающихся противоположностей характера у русских.

После часа достаточно активной беседы оба коммуниста поблагодарили за уделённое время, встали и ушли. Как будто встречаться с сотрудниками ЦРУ и устраивать им допросы — обычное дело. С ними вместе поднялись и ушли ещё несколько посетителей, до того момента не проявлявшие никакого интереса к беседе на английском языке. Джон остался с помощницей один в большом зале, и он оторопело подумал, что находился в очень серьёзной опасности рядом с этими людьми. Которые, как он запоздало понял, не ставили ни в грош ни его положение, ни полномочия, ни даже тот факт что он скоро станет полновластным управляющим России в целом, и всеми коммунистическими партиями в ней — в частности.

Ну а что вы думали? Ведь в прошлом веке многие спецслужбы, с послужным списком ещё даже покруче чем у центральной разведки — и те много раз тупо прохлопали ушами коммунистов и в России, и в Германии, Китае, Кубе, Вьетнаме. Коммунисты это очень странные люди — семь, девять, дюжина человек договариваются о совместных действиях — и вот уже через десять лет вся страна с воодушевлением размахивает красными флагами, и устраивает "кузькину мать" всем недовольным, не взирая на статусы, титулы, деньги и международную поддержку.

Именно поэтому отдел по работе с коммунистическими и социалистическими движениями в ЦРУ был такой большой, на пике насчитывал десятки тысяч человек и бюджет маленькой страны. С такими вещами не шутят, промахи в таких делах стоили для США уже десятки тысяч солдат, и сотни миллиардов долларов.

Конечно же, в первом же отчёте по работе Джона Силверстайла на новом посту содержалась информация и о Маузере, и Двадцать Четвертом. Это действительно были крайне серьёзные и опасные люди, и если их не остановить — они дойдут куда угодно. Точнее — дошли бы, в прошедшем времени. На счёт того, что Двадцать Четвёртый выбыл из игры — Джон был полностью уверен. А вот его старпом...

Уж не тот ли самый «товарищ Маузер» мутит воду? Надо обязательно проверить.

За прозрачной дверью кабинета послышался шум, как будто вставало со стульев множество людей, кто-то увеличил звук телевизора.

— Джон! — просунул голову в дверь Чарльз, один из заместителей. — Включайте быстрее новости. Тройной теракт, нигерские братья, банды латинос и арабские фанатики заявляют о начале совместных действий!

Силверстайл выругался. Сначала на родном языке, потом почему то по немецки. И, подумав, завершил монолог русскими крепкими выражениями.

— Соси туй с пьесдой тебья в рот! — произнес Силверстайл.

По новостям шли сюжеты. Показывали горящий танкер, подожженный арабским матросом. Потом пошли кадры с разрушенными пролетами моста через Миссисипи. И уж затем, на десерт — на экране замелькали окровавленные тела, которые выносили из синагоги. Все произошло в один час. Шесть ноль шесть вечера. Шестого июня. Ничего забавного. Вдобавок к вчерашней взорванной атомной станции все это выглядело катастрофичным. Для очень и очень многих высокопоставленных чинов. Какая уж тут Россия? С Россией уже несколько десятков лет все ясно, и отдел остаётся таким большим и нерушимым только потому что русские коммунисты много лет заставляли обычных американцев трястись от страха перед всеобщим уничтожением.

Такое трудно забыть. Но можно. Если потихонечку... Если есть другие отвлекающие факторы.

— Вы, наверно, забыли, Силверстайл, о том что мы целиком и полностью контролируем буквально все процессы у русских, — говорил буквально неделю назад шеф, когда Джон только ещё начал словесную подготовку о необходимости вмешательства. — Не надо делать из мухи слона. Поручите все это их собственным спецслужбам, и проконтролируйте результат. Как там они говорят? "Отличное враг хорошего", правильно я помню?

Да, Джон и сам все прекрасно помнил и понимал.

Особенно эту необыкновенную, фантастическую удачу, которая потребовала невероятных усилий, но завершилась блестящим результатом. Это была даже не вербовка. Силверстайл ещё только родился, когда американским спецслужбам удалось заинтересовать, увлечь первого президента тогда ещё Советского Союза... приворожить его сладким запахом свободы. Бывший генеральный секретарь, практически самое всемогущее существо на планете — хотел жить как обычный свободный человек, передвигаться по всем странам, заходить в рестораны и театры, не хотел и не желал сгнить за "железным занавесом". Они предоставили ему эту свободу. И человек, фактически безраздельно и почти единолично владеющий самой мощной индустрией, армией, партией на планете — променял все это на паспорт гражданина Германии и личный замок! Чудовищная сделка! Невероятная! Силверстайл даже подумать не мог, как на это можно согласиться. Но нашелся тот, кто согласился, и с радостью!

Дальше было куда как проще. Следующий приемник на пост значительно ослабевшего «Полюса Зла» уже внимательно слушал и тщательно исполнял все то, что ему говорили. Ну а следующие за ним вообще изначально напрямую получали подготовку и инструкции от сотрудников центрального разведывательного управления. Россия давно и прочно марионеточное государство и любые более-менее важные вопросы решались далеко от её границ.

Джон Силверстайл мог приказать сделать текущему президенту России все что угодно. Разогнать и запретить все коммунистические и социалистические организации. Взорвать несколько домов. Предоставить российскую армию в распоряжение союзного командования. Отказаться от любых государственных требований. Развязать войну. Что тут какой то Маузер? Вы что, издеваетесь? Был — и не стало... Это даже не фактор, не проблема и не дружеская просьба. Это песчинка, с которой можно сделать все что угодно.

— Окей, — сказал сам себе Джон, и потянулся за мышкой, чтобы нажать на экране значок " Печать".

Но как только он нажал на левую кнопку, экран мигнул. Буквы в отчёте побежали тоже влево, исчезая строчка за строчкой.

— Что за дерьмо! — воскликнул Джон, и выдвинул клавиатуру. Наверно, клавиша бэкспейса запала...

Силверстайл почувствовал тяжесть. Не на плечах, а где-то внутри, под ребрами. Словно кто-то держит руку на его сердце. Джон боялся даже пошевелиться. Инсульт или инфаркт? Да просто невралгия, наверно... — это последнее, что он подумал, прежде чем мешком без малейшего шума свалится под стол. Буквы на экране продолжали быстро убегать, пока не остался чистый лист текстового редактора. Стрелочка дернулась.

"Сохранить изменения".

"Выйти".

"Откат системы до месячной давности, с уничтожением всех созданных за это время файлов".

Компьютер точно выполнил все полученные задания, и выключился.

* * *

— Черт, он чуть все нам не испортил, — в сердцах сказал Марат. — Котёнок, ты просто молодец.

Юта посмотрела на мужа, прищурила глаза до зелёного цвета.

— Ты тоже не промах, — промурлыкала она. — Надо будет Сенсея эвакуировать из заварушки, которую он устроил, национал-социалист, блин...

Марат на мгновение задумался:

— Наверно, это лишнее. Сенсей совершил невозможное. Объединил негритянские братства, вместе с латиносами, арабами, индейцами.

— Заодно немцев им поставил в руководители, — с усмешкой произнесла Юта.

— И правильно, — сказал Марат. — Немцев в руководство — это очень мудро на самом деле. Они сейчас в рот ему смотрят, считают чуть ли не мессией.

— Вторым фюрером они его считают, — рубанула Юта. — Тебя это не напрягает?

— Ни капли, — отозвался Марат. — Товарищ Сенсей очень трезво оценивает ситуацию и понимает, что все его «фюрерство» скоро закончится. Спецслужбы уже висят над его головой, а Моссад вообще дал приказ на его ликвидацию.

— Тем более его надо вытаскивать... Ну... или хотя бы усилить и защитить...

— Не хочешь его сама об этом спросить? — невинно поинтересовался Марат, хотя оба прекрасно знали ответ, и общались последнее время с Ильей-Сенсеем чуть ли не каждый день. Правда, по электронной связи...

— Давай действительно, сядем втроём тесным кругом, и обдумаем ситуацию.

— Ладно, я быстро, — сказал Марат. — Одна нога там...

Он исчез, как будто растворился в воздухе, а потом появился, держа на руках как невесту — никого иного, как штурмовика с позывным Сенсей.

— ...другая здесь, — закончил Маузер фразу.

— Привет, товарищ Сенсей, — усмешкой обратилась Юта к прибывшему.

— Дьявол, — проворчал Илья, становясь на ноги и разглаживая свой костюм. — Никак не могу привыкнуть к вашим фокусам.

— Ну, что опять? — спросил он уже совершенно другим тоном, как только последняя

складочка на его полувоенном френче была разглажена.

— Тебя ликвидировать хотят, дорогой. Приказ отдан. Причем заказчики и исполнители — политическая разведка, специально заточенная на таких как ты...

— Жиды что ли? Да я в курсе. Хрен они до меня доберутся. Ручонки коротковаты.

— Слушай, Сенсей, — голос Маузера стал предельно серьезным. — Эти ребята и не дотаких сумели добраться. Мы тебе предлагаем усилиться и защититься, с помощью технологий, которыми мы с Люгером владеем. Ты как?

— Я только «за», — отозвался Сенсей. — Давно уже вам хотел сказать.

— Пока ты был слаб и не замечен, — подхватила Люгер. — Тебе такая защита была ни к чему. Но сейчас ты слишком важная персона, на тебя считай все завязано, а твои результаты впечатляют даже меня. Но тут и другая сторона есть — с нашей защитой ты полностью в наших руках. Мы с Маузером, что вместе, что по отдельности сможем убить тебя мгновенно...

— А я будто не знаю, — насмешливо отозвался Сенсей. — Можно подумать, что от вас спрячешься. Да вы любого даже из задницы дьявола достанете. Мгновенно, или в течении суток — какая, по сути, разница?

— Логично, — усмехнулся Маузер. — Тогда не будем времени терять... Я тебе сформирую «эфирную броню».

С этими словами он раскрыл ладонь и продемонстрировал горстку блестящего порошка.

— Делаем вот так, — Марат дунул, и сверкающее облако на миг окутало Сенсей, а потом исчезло.

— Каждая такая пылинка — это кусок очень неплохой стали размером десять на двадцать сантиметров, и толщиной ровно в дюйм, — с этими словами он протянул «американскому фюреру» только что описанную пластину, но в натуральную величину. Сенсей взвесил ее на руках.

— Отлично, — произнес он.

— По совокупности броневых слоев у тебя сейчас в эпидермисе почти двухметровая броня. Пули в тебе будут застревать. Снаряды — отскакивать. Эта штука — куда лучше чем Уником. Двести тонн железа, в нулевом весе, в виде мелкодисперсной кольчуги. Покрывают все кожные покровы, и даже роговицу глаза. Двести тонн железа это двадцать пять кубометров по объему примерно.

— Меня там не заклинит случайно? А то проснусь раздавленный, — спросил Сенсей, поочередно поднимая вверх правую и левую руку.

— Масса и вес это разные вещи, — ответил Марат. — Масса это вещество. Вес это сила. Если я говорю двести тонн в нулевом весе это означает что ты будешь находиться в шаре с диаметром примерно четыре метра, а весить этот шарик будет несколько грамм.

— Так, физики и лирики, — меж тем вмешалась в разговор Люгер. — Хватит толщиной да объемами хвастаться, — нетерпеливо произнесла Юта. — Теперь я.

По телу Сенсей с едва слышимым треском побежали маленькие молнии.

— Твоя броня приобрела разум, — насмешливо и даже долей ехидства сказала она. — Она теперь не просто железо, она теперь может увеличивать твою силу и ловкость в соответствии с посылаемыми нервными импульсами. Ты теперь на девятый этаж можешь запрыгнуть, если захочешь. Но не советую. Будь человеком, не выделяйся. Только если уж приперло...

Юта на секунду замолчала, покопалась в карманах, потом продолжила:

— Так, еще тебе нужно будет дышать в агрессивной среде. На вот, Сенсей, засовывай себе в нос, — она подала Илье две блестящие горошины.

— Это ещё что? — поинтересовался он.

— Модифицированные воздухоочистители и заодно баллоны хранения воздуха. Если попадешь в агрессивную среду, в воду, или в серной кислоте решишь искупаться... или вообще в расплавленный свинец нырнуть — надо будет активировать эти штуки. А потом — дезактивировать. В стационарном режиме они просто фильтруют воздух, так что умереть от нервно-паралитического газа тебе не судьба. Но если ситуация станет совсем негодной для дыхания — произносишь условную фразу, и у тебя в запасе четыреста литров изолированного воздуха — это всего на час. Если не сильно дёргаться — на полтора...

Она подождала пока горошины исчезнут в ноздрях Ильи, и продолжила:

— Слушай внимательно, товарищ Сенсей. Вначале будет слово, но потом ты сможешь активировать большинство систем не звуками, а собственными импульсами, у себя в голове, надо будет только запомнить те ощущения, которые ты испытываешь. Это называется — ментальное управление. Ферштейн-андестенд?

— Ноу проблем, товарищ Люгер, — отозвался Илья. — Не тупее чемодана.

— Далее, на пальце будешь носить вот это, — теперь уже Марат показал на широкое стальное кольцо на постаменте в углу комнаты. Оно было примерно около метра в диаметре.

— Это, считай, большой магазин для патронов, калибр двенадцать и семь, ровно триста штук в обойме. А сам ствол — вот здесь, сверху, закамуфлирован под драгоценный камень... На кольце действительно находился большой кристалл, внутри которого можно было рассмотреть механизмы.

— Обычная стекляшка, — предупредил Марат. — Из одного отверстия при активации выходит лазерный луч целеуказания. Из второго происходит выстрел. Там не совсем ствол, а соленоиды, это пушка Гаусса в миниатюре, — спокойно говорил Маузер. — Длинным стволом на такой ограниченной ширине кольца заморачиваться не стали, а вот магнитное поле плюс порох дадут тебе на выходе пулю с начальной скоростью полтора километра в секунду. Любой из существующих бронетранспортеров со ста метров будет прошит насквозь.

— Активация изначально идёт тоже голосом, но привыкай запоминать ощущения. Есть ситуации, когда орать, и даже стонать сильно не рекомендуется... Для здоровья может быть вредно, — голосом противной учительницы наставляла Люгер. — И костюмчик свой тоже...

— Что костюмчик? — не понял Илья.

— Твои двести тонн массы не просто железки, а они соединены магнитными полями. Пока ты как обычный человек, но по мере накопления опыта будешь способен этими плюшками и вундервафлями управлять все более и более осознанно. Под конец скорее всего даже летать сможешь, а уж стену рукой пробить — уже сейчас, и без особого напряжения.

— Постарайся сконцентрироваться на ударной поверхности, представь там железный молот, весом в тонну, и ударяй, — подбодрил Марат.

Сенсей подошёл к стене, посмотрел на нее, размахнулся...

— Авада кедавра! — выкрикнул он и через секунду его кулак с грохотом погрузился в сплошной кирпич.

Маузер и Люгер переглянулись.

— Просто неопишуемая крутизна, — произнес Сенсей с восхищением, рассматривая свой кулак, покрытый бетонной пылью. — Не поверите, я в детстве примерно о таком и мечтал.

— Все в детстве примерно о таком и мечтают. Особенно мальчики, — промурлыкала Люгер, и Сенсей вдруг задумался.

— А прямо все поверхности тела и кожи вот такими штуками укреплены? — спросил он задумчиво.

— Сенсей, это вообще то не игрушка, и уж тем более не секс-игрушка, — проскрипел Марат.

— Да понял я, — молодой человек слегка покраснел.

— Чем меньше людей об этом будет знать, о твоих возможностях, тем легче будет жизнь как у тебя, так и окружающих. На всякий случай предупрежу, что вот так как ты оснащены товарищи Магнум, Глок и Браунинг, и ещё парочка других, которых тебе знать не надо...

— Вы мне лучше скажите, товарищи супермены, вот если бы это были не ваши штучки, а кто-то другой мне дал... — Теперь Илья был совершенно серьезен. — Вот сколько я продержусь при прямом столкновении с вами? На максимальном уровне? На ринге, скажем, после команды: «Бокс»!

Воцарилась тишина. Марат и Юта долго смотрели на соратника, будто видели его в первый раз.

— Ну что как воды в рот набрали? — не выдержал наконец Сенсей.

— Нисколько, — быстро и сквозь зубы ответила Юта. — Ты умрешь сразу, даже не поняв, что произошло.

— Ладно, спасибо на добром слове, — хотя тон Ильи был ворчливым, но по виду было ясно что он не сильно разочарован. — Вы тут не думайте чего. Просто слухи дошли. Корейцы опять бомбу ядерную взрывали, слышали такое?

— Да, краем уха, — сказал Марат.

— И мне вот птичка напела, что бомбу они взрывали не для того, чтобы посмотреть как она взрывается, а рядом с бомбой находился человек. Ну... вроде как человек. Вроде вот такой как все. Да не такой. Вы, кстати, знаете, что вас по отдельности не воспринимают? Что я вот разговариваю с тобой, Марат, и кажется что одновременно с Люгером говорю. И наоборот. Вы как одно целое для всех...

— Не подлизывайся, — с улыбкой сказала Юта. — Что там с человечком похожим на нас рядом с бомбой сделалось?

— Да никто не в курсе, — с кривой усмешкой отозвался Сенсей. — Вроде как был, а вроде как и не было. Но история темная, непонятная, хотя для нас то...

— Да, похоже что кроме нас с Ютой есть такие супермены, и может даже не один, это мы давно подозревали. — задумчиво произнес Марат. — Но ты я вижу беспокоишься...

— Да вот чего хотел сказать, если вдруг что с вами случится, — Сенсей говорил прямо и бесхитростно. — Другие пусть продолжают общее дело, а я этих гадов искать буду. Найду... и будь что будет. Вот поэтому и спрашивал — сколько я против супермена продержусь...

— Ты бы лучше о текущей задаче побольше думал, — с отеческой интонацией сказал Маузер. — Но все равно спасибо.

— Это, дорогие мои, вам спасибо. Сколько мы все мечтали о том, как начнем действовать! Я ведь до сих пор поверить не могу... Мы ведь всех в бараний рог гнем, а? Товарищи? Согнем ведь?

— Конечно согнем, — улыбнулась Юта. — Ты даже не сомневайся.

— Вы, кстати, послушайте, какая ситуация наклеывается, — теперь Сенсей говорил

совершенно другим голосом. — Тут такая интересная вещь намечается. Есть у меня друг, — произнес он загадочно. — Хороший друг. Можно сказать — товарищ. Ирландец, то есть американец ирландского происхождения. И у него есть родной брат, генерал, комендант базы на Бермудских островах. Отец у них женат был трижды, эти двое — от первого брака. Так... не отвлекаюсь, говорю дальше... Там две базы, совсем рядом, американская и английская. Так вот, у этого генерала до сих пор жива маман, не мачеха, а настоящая мать... И маман эта, чтоб меня по макушке стукнуло — действующий член ИРА! Не той ирландской республиканской армии, которая была распущена, а как они теперь называют — «реал» ИРА, реальная то есть. Подпольная. Бабуся — боец этой армии, в свои семьдесят лет с хвостиком. И вот узнал я недавно, что мама нашего генерала примерно через месяц хочет прибыть на пятидесятилетие к сыну, прямо на остров, в славный город Гамильтон...

— Ох, Сенсей, доведешь, чувствую, ты меня до цугундера своими затеями, — задумчиво проговорил Марат.

— А вот теперь говори по порядку, товарищ Сенсей. И не упуская ни одной мелочи..., — быстро сказала Юта. — Как и чем мы можем помочь матери, и её сыновьям...

— Приятно иметь с вами дело, товарищи. Редко встретишь такое понимание с полуслова, — удовлетворенно сказал Сенсей, и, откашлявшись, приготовился к долгому рассказу.

Заседание

* * *

В небольшом зале находилось порядка пятидесяти человек. Все они стояли вокруг квадратного стола. На стене висела огромная карта Москвы. Маузер, уперевшись обеими руками в столешницу, произнес:

— Начинаем заседание. Все кто необходим, как вижу, присутствуют. Итак, каждый из вас фактически знает, что он будет делать в час «икс». Теперь согласовываем действия. Предположим, что каждому из вас поступил сигнал. Начнем с первого, по порядку, слева направо.

Марат перевел взгляд на стоящего слева от него человека.

— Итак, называем свой позывной, род занятий и озвучиваем поставленную задачу. Начнем с первого. Товарищ Стечкин «тридцать четвертый», начальник энергетической-ремонтной службы...

— В случае подачи сигнала я прибываю по месту работы, — сказал высокий худой мужчина в сером костюме без галстука. — В течении пятнадцати минут дожидаясь пятерок поддержки, либо формирую бригаду охраны из своих людей. С главного пульта начинаю отключение Западного района от электричества. Прибывающие «тройки» или «пятерки» направляю на центральные и резервные подстанции для блокировки принудительного включения. При необходимости по радио запрашиваю помощь у товарища... — Стечкин окинул взглядом стоящих людей. — У товарища Вессона «одиннадцать». Удерживаю центральный пульт и подстанции до команды «Отбой». У меня все.

— Отлично, — одобрительно сказал Маузер. — Следующий по очереди.

— Я товарищ Магнум «сто пятнадцать». Командующий двенадцатым тэпэ, Кантемировская дивизия. После получения сигнала поднимаю по тревоге полк, наличными силами блокирую южные подступы к Москве. Любые приказы стрелять без соответствующего кода-подтверждения считаю провокацией. Удерживаю позиции до сигнала «Отбой». Всё.

— Прекрасно, следующий.

— Полковник Ваньков, Наган «четыре», сорок пятая бригада особого назначения. После сигнала высылаю мотогруппы до роты для блокировки аэродромов, до взвода — нажелезнодорожные станции, формирую два опорных пункта для помощи по запросам с соответствующими кодами.

— Далее...

— Товарищ КВ «двенадцать». Начальник ровэдэ Останкино. Направляю группу захватана телебашню. Удерживаю силами полиции все подступы к башне. Действую совместно с товарищами Стингером «пять» и Пэпэша «семнадцать». Блокирую выходы из метро. Захватываю районные коммутаторы сотовых операторов, отключаю их, выставляю охрану. Каждый полицейский, направленный из районного отделения, будет расписан в приказе подчиняться только моим указаниям. Только и исключительно моим приказам. Это, в общем, всё...

— Следующий...

— Товарищ Вальтер «сорок семь». Заместитель префекта Северного округа. В первую

очередь с помощью штурмбригады ликвидирую самого префекта, Степана Владимировича, генерал-полковника... С помощью сил полиции блокирую улицу Правды, любым способом и не взирая на потери беру знание государственного хранилища с золотым запасом под контроль... Это мои главные две задачи. Людей от Госхрана не выделяю никому ни при каких обстоятельствах, координирую действия лично с комиссаром Глоком — «один»...

— Достаточно. Следующий...

Примерно через час, после того как был выслушан последний, Маузер похвалил и поблагодарил всех присутствующих, сделал пару незначительных замечаний, и вышел из кабинета. Людей трясло — это было видно и невооруженным взглядом. Бывалые вояки тряслись не от страха, а от напряжения, царившего в воздухе. Под их командованием находились десятки тысяч вооруженных людей, и дело при такой организации казалось не таким и сложным. Но если что-то пойдет не так... Если у противника есть пара козырей в рукаве... то начнется гражданская война. Это понимал каждый.

Конечно, присутствие двух «суперменов», наличие нескольких десятков специально подготовленных комиссаров в эфирной броне, нескольких сотен невидимых и никак не засекаемых «октокоптеров» в воздухе, тысячи бойцов в «уникомах» — все это делает борьбу противоположной стороны почти безнадежной. Но кто знает, на что решится крыса, зажатая в угол? Тут все может зависеть от единственного человека, обладающего силами не менее могущественными, чем у президента.

У капитана атомной подводной лодки, например..., который получит приказ и код на бомбардировку всех крупных городов в стране...

Заседание (2)

Марат тем временем уже открывал дверь в зал кинотеатра, который приспособили под «дворец съездов». Неделю назад все областные комиссары и командиры штурмбригад получили указание назначить себе заместителей, а самим им должно было собраться в столице, в определенный день и час. И кроме того как прибыть самим, им было приказано взять с собой как минимум три «пятерки», из самых надежных и проверенных штурмовиков.

Торговый центр сейчас напоминал гигантский штаб, этакий Смольный московского разлива. На всех этажах, в подвалах и даже чердаке, в прилегающих гостиницах и домах было черным-черно от людей в темных куртках, джинсах и берцах. Они были молчаливы и сосредоточены, подчеркнуто вежливы сами с собой и местным населением. Те кто вздумывал задираться, или не дай бог злоупотребить спиртным — исчезал. Его даже не отправляли домой — он слишком много видел. Не смог сдержаться сейчас — не сдержишься и потом. Так что не обессуди, ты конечно свой... и характеристики у тебя самые лучшие, но все заслуги... они, понимаешь, сгорают в полночь...

В зале было светло от ламп, дымно от сигарет, и шумно от многих голосов. Комиссары громадной армии принимали решение. От их решения зависела судьба уже не просто их самих, или штурмгрупп и бригад, которые они возглавляли, или даже всей Красной армии. Но и судьба страны, а может уже и всего мира.

Момент был куда как подходящий.

Во-первых два «центра» мира, а именно Америка с Европой, снова находились в предвоенном состоянии. События в Гамильтоне никого не оставили равнодушным.

Как и говорил Сенсей, после довольно обильных возлияний, мама начальника американской военной базы вместе с несколькими морпехами, восхищенными яростной старушкой, проследовали вглубь города Гамильтон, центра британской колонии, и там,

прямо с крыши автомобиля, ветеран Ирландской республиканской армии толкнула речь, в духе «смоем кровью со священной ирландской земли всю английскую нечисть».

Конечно же, суровые английские «бобби», не дожидаясь аплодисментов, попытались арестовать боевую женщину. Морпехи, не распуская рук, оказали сопротивление, больше потешаясь, но тут боец ИРА, до этого доблестно уворачиваясь от хватких полицейских рук на крыше машины, нанесла решающий удар — каблуком в лоб. Стальная подковка не причинила особых повреждений, однако оставила длинную рану на розовом толстом лице.

Кровь пролилась.

Взметнулись в воздух дубинки. Морпехи показали свои навыки владения рукопашным боем. Схватка закончилась вничью, и янки поспешно ретировались, но пешком далеко от автомобилей не уйти, их взяли в кольцо. Капитан морпехов, который к тому времени был ранен, но благодаря ирландскому виски продолжал твердо стоять на ногах — запросил помощи.

И помощь пришла.

На текущий момент британская колония была взята в кольцо четырьмя американскими ударными авианосными группами, которые требовали от британцев снять осаду базы, уже почти полностью разрушенную артиллерийским обстрелом. Потери и с той и с другой стороны насчитывали десятки военных и сотни гражданских. Правительства обоих континентов были в шоке, и боялись не то что сделать первый шаг, но даже как-то прокомментировать свои действия, или бездействия. Стараниями прессы, активно освещающих ситуацию — она, чертова ситуация... накалялась все более и более... Если накаливания не происходило — то сразу же находились непонятные средства, чтобы продвинуть то, либо другое нужное и полезное мнение... Которому, естественно, сразу находились другие, не менее нужные и полезные, но совершенно противоположные мнения...

...во-вторых, на фоне этого рухнули биржи и рынки. Что в в Новом, что в Старом свете. А вот китайские, японские и индийские финансовые площадки, наоборот — резко поползли вверх. И не просто поползли, а прям-таки полетели, ровно и весело, что только добавляло угрюмых мыслей и догадок на тему «кому это выгодно».

В-третьих, на фоне всего этого веселья единственный штат США, принятый туда как равноправное государство, вдруг официально заявил независимости и выходе из состава, ввел чрезвычайное положение, и охрану на границе. Чтобы подтвердить свои самые серьезные намерения правительство Техасской народной республики начало эвакуацию белых за пределы штата, и захватило атомные станции, пригрозив их взорвать, если что-то «пойдет не так». А после взрыва в Арканзасе такие угрозы перестали казаться просто угрозами.

До этого никто как-то никак не задумывался что свобода слова отдельного человека или война корпораций на международных биржах вполне может вылиться в самую настоящую Третью Мировую. Все это было в районе гипотез и шуток, но вот шутки кончились, и начались взрослые и серьезные разборки на уровне обсуждения обмена ядерными ударами.

Народ, умело подогреваемый прессой, требовал развлечений, то есть крови и мяса. Причем по обе стороны океана. Политики всех рангов и мастей, почувствовав настроение толпы, серьезно задумались над реализацией этих чрезвычайно популярных во все времена «развлечений». Каждая сторона просто мечтала наяву и бредила вслух — как выйти победителем из данной ситуации, что чрезвычайно мешало любым переговорам.

Момент был просто невероятно подходящим, все спецслужбы смотрели в направлении, противоположном России, и упускать его было преступно.

При появлении Марата шум в зале затих.

Сам же Маузер взобрался на импровизированную сцену, и встал за спиной сидящей на стуле Люгер, положив ей ладони на плечи. Юта с мурлыканьем потерлась о его руку щекой. В зале расцвели улыбки. Напряжение мгновенно спало.

— Мы тут обсуждаем дату восстания, — громко сказал СВД, который после покушения не снимал «уником». Поговаривали, что он даже спал в нем.

— Понял, — произнес Маузер. — Я только что провел совещание с представителями силовых групп, они полностью и абсолютно готовы. А у нас предложения какие есть, по конкретной дате?

В ответ установилась еще большая тишина, стало слышно как лампы под потолком гудят. Они все ждут нашего решения и согласятся с ним, подумал Марат.

Пора.

— Я предлагаю седьмое июля. Как раз в лучших традициях штурмгруппы. Седьмое число седьмого месяца, в седьмой день недели, в семь ноль семь часов вечера, и год сейчас как раз подходящий. Пока проведем захват нужных объектов — будет как раз ночь, и к понедельнику страна проснется на новом курсе...

— Седьмого? Июля? — недоверчиво произнес СВД. — Семь вечера? Так это же...

— Это сегодня, — спокойно подтвердил Маузер. — У нас будет еще почти три часа на подготовку, хотя уже все готово, осталось только проголосовать. Если у кого-то есть другие варианты — пожалуйста, мы готовы их выслушать. Кто ведет протокол? Товарищ Браунинг? А с кем Сабрина? С Глоком? А, тогда ладно... Записываем в протокол, слушаем другие варианты, и голосуем... Нет вариантов? Тогда голосуем...

И снова тишина.

Поднялась одна рука. Вторая. Десятая. Сотая. Последней, едва оторвавшись от протокола, проголосовала Браунинг.

— Кто против? Кто воздержался? — спросила она строгим голосом не совсем опытной учительницы. — Принято при трех голосах против и восьми воздержавшихся!

— Замечательно, — сказал спокойно Маузер. — Люгер, начинай рассылку по силовым группам... и вообще всем... Магнум, собирай группу Альфа, Глока не забудь известить. Магнолия, немедленно выгнать сюда всех членов Верховного совета. Если потребуется — принудительно.

— Чего застыли, парни? — прорезал нарастающий шум голос Люгера. — Подняли жопы и поскакали, или кто-то что-то забыл, напомнить надо?

И тотчас же во всем зале запиликали телефоны, принимая сообщения.

* * *

Уже в коридоре Марата и Юту нагнал штурмовик СВД, действующий легальный губернатор, то есть областной комиссар, если говорить уже по новому.

— Маузер, нас не поддерживает народ, понимаешь? — с ходу начал он.

— Народ? Какой народ? Обезьяний народ, или народ баранов? — оборвал его и отвлекся от раздачи последних указаний Марат. — Товарищ СВД, вот что я тебе скажу. Самый мощный на сегодняшний день народ, если не заикливаться на приматах, это народ насекомых. Да одних муравьев хватит, чтобы человечество в рядок поставить. Или уложить. Силища муравьиного народа — невероятная. Но в итоге любой из нас может прийти, убить

сколько угодно муравьев, и даже загубить сколько угодно муравейников. Вот тебе и самый сильный народ на планете. Ты вот что предлагаешь, если мы искусственно создали ситуацию "верхи не могут", так нам теперь ещё дополнительно создать ситуацию "низы не хотят"?

— Ты этого что ли хочешь? — накалялся Марат. — Главное, чтоб условия были соблюдены? Чтобы как в учебнике, как в теории? Да не бывает никогда, чтобы как в теории! В реальности два яблока плюс два может равняться и трем, и одному, и ничему вообще, если у тебя нет силенок эти яблоки защитить. Ты знаешь, чем я последние полгода занимаюсь, каждый день, каждый час? Я людей калечу и убиваю, сотнями в день. Тысячами в месяц. Они не самые лучшие люди, но большинство не заслуживают такого. Просто оказались не в том месте, не в то время. И что, теперь и этого мало? Давай теперь устроим масштабный кризис в отдельно взятой стране. Вон сейчас нам Люгер сбациает программку, которая на ноль все делит, и запустим ее, чтоб тут ни одна фигня не работала. Ни телефоны, ни кассы, машины не заводятся, карточки в банкомат засовывать бесполезно. Электричество есть, а любая электронная программа — не работает. Так ведь, Ют? Сделаешь нам такое?

Юта в ответ лучезарно улыбнулась и кивнула, а Марат продолжал:

— Чтоб отсюда сотни тысяч народу свалили, и пара миллионов трупов образовалась, и магазины берут приступом, а банкоматы — зубилом и молотком. И тут такой товарищ СВД, весь в белом, сейчас все, мол, исправлю, приструню, правительство которое это допустило — смещу к песням собачьим... и все станет лучше, чем было... Так что ли надо?

— Ну чего сразу так? — насупился СВД. — Я может по настоящему хочу, чтобы всем лучше было.

— Конечно лучше, — согласился Маузер. — А знаешь как совсем хорошо? Давай посидим, год, два, десять, тридцать. Пусть всё идёт своим чередом, как у нас многие любят. Само-собой. Постепенно. Типа эволюционно, это когда проигравших жрут тихо, по одиночке и без громких воплей... Медленно и печально накопим столько проблем, что их только Третьей Мировой и решишь. И как начнем валить людишек миллиардами! Красота! Вот тут уж наша совесть будет совсем спокойна. Вот тут уж никто не захочет жить по старому. Только вот знаешь в чем загвоздка, а? Товарищ СВД? — Марат уже не стеснялся в выражениях. — Загвоздка в том, что я... блин... я сам лично хрен вам дам эту гребанную войну устроить. Дрын вам в жопу, вилку в глаз, а не Третья Мировая, ясно? Тебе все ясно, товарищ СВД?

— Да ясно, все я понял, — по угрюмому лицу было незаметно что штурмовик сильно перепугался, однако дрожь в руках выдавала СВД.

— Так что давай, выдвигайся согласно распорядку, и не волнуйся, все будет хорошо, я обещаю...

— Слушай, Маратище, — слышался теперь голос Магнума. — Полторы тысячи не маловато ли для взятия Кремля? Что то у меня на душе нехорошо.

— Магнум, у тебя постоянно последнее время что-то и где-то нехорошо, — вмешалась Юта. — У тебя полторы тысячи бойцов в "униках". Ты и Глок защищены вообще максимально. Овод с вами пойдет, у нее тоже "эфирка", эфирный доспех. Вы вообще втроем можете спокойно все проверить, даже если встретите сопротивление.

— Так то оно так, — нервничал гигант. — Только вот...

— Магнум, — теперь говорил уже Марат. — Мы с Ютой остаемся здесь. Если что — прикроем на ваших задницах любой слабый участок. Разберемся с любым ЧэПэ. Не дави на нервы. Я тоже, между прочим — волнуюсь и боюсь, не каждый день революции устраиваем...

— Да уж, боится он, я прямо так и поверил, — недоверчиво отозвался богатырь, и махнув рукой, с выражением лица "будь что будет", побежал к бойцам.

Восстание

* * *

Солнце ещё было довольно высоко над горизонтом, а центр столицы начал пустеть. На каждом углу стояли строгие полицейские, с дубинками и штатным оружием. Они разворачивали машины, не пуская их в центр города, начиная уже от Садового кольца. Пеших разворачивали точно также. На выходах из метро угрюмые парни в темно-синем проверяли документы. У всех без исключения.

В какой-то момент погасли фонари. В метро включилось резервное питание, но его хватало только для освещения. Чудо ещё, что никакой из поездов не застрял в тоннеле — удивительным образом свет отключался в тот момент, когда вагоны прибывали на подземную станцию. У выходов пассажиров подземки ждали бесплатные автобусы, ни один из которых не ехал по направлению к Кремлю. Несколько десятков, а может и сотен людей в штатском прошли по магазинам, кафе и ресторанам, которые работали в воскресенье допоздна, и порекомендовали управляющим распустить персонал домой пораньше. Только сегодня. Ничего такого. Все хорошо...

На окраинах города быстро разворачивались патрули в зелёной форме. Некоторые из машин останавливали, владельцев просили выйти, не взирая на костюм, пропуска и документы. Никто особо и не спорил, особенно когда начинали шевелиться башни танков и бронетранспортеров, словно прислушиваясь к разговорам. Этих водителей, зачастую вместе с охранниками, препровождали в обитые железом грузовики. Станным образом из эфира исчезли все музыкальные каналы. Начались перебои с интернетом. А потом начал тухнуть свет и в жилых кварталах. Затих постоянный гул большого города. Самолёты шли на посадку, как обычно, но на взлетных полосах было чисто. Произошла пара десятков инцидентов с частными вертолетами. Двоих даже пришлось сбить, остальные благо разумно вернулись к местам своей дислокации.

Точно такие же события, хотя конечно в более мелких масштабах, происходили и во всех областных и краевых центрах. В каждом большом городе молчаливые люди в полицейской форме и раздутых черных комбинезонах, под покровительством армии, спецслужб и частных охранников — захватывали коммуникационные и управленческие

центры, блокировали все пути, от воздушных до морских, задерживались десятки, сотни и тысячи людей, некоторых из них отпускали, остальных распихивали по казематам предварительного заключения, откуда буквально за несколько минут чуть ли не пинками выпроводили прежних "постояльцев". Стрельба была редким исключением, по всей стране за этот час выстрелили буквально несколько десятков раз, и то — для предупреждения. Охрана была бесполезна, большинство из них откуда-то прекрасно знали что представляют собой эти странные люди в черном. А ещё чаще охранники, произнеся условную фразу, с облегчением сдавали бывшего хозяина в нужные руки...

У Магнума, который вместе с Овод и Глоком стоял прямо на Красной площади, перед Спасской башней — от тишины звенело в ушах.

Нет, тишины как таковой особо и не было, и просто такое ощущение, что сейчас не вечер, а самое настоящее раннее утро. Часа четыре утра, скажем так. И за стенами Кремля тихо. К звону прибавилось посасывание, под ложечкой. Там ведь полк кремлёвских курсантов, двенадцать рот... и как минимум тысяча элитной охраны. Если дело дойдет до драки, она будет очень кровавой.

— Леха, что хоть там? — спросил Магнум у Глока.

— Да я почему знаю? — огрызнулся тот. — Я вижу не больше тебя. Закрытые ворота вижу, стены пустые вижу, своих бойцов вижу, твоих тоже вижу. Рожу твою растерянную наблюдаю. Ротозеев и обывателей — не вижу...

— Ну, так посмотри что там, за воротами...

— Я тебе что, человек-рентген что ли?

— Человек-паук, твою за ногу. Я здесь старший, — внушительно произнес Магнум. — Тебе задачу повторить или на пальцах объяснить? «Тень Ночи» тоже мне нашелся...

Глок неожиданно улыбнулся, и побежал к стене, все ускоряясь. Ничуть не притормаживая он метнулся на нее, и едва помогая себе руками, чуть ли не в три шага — оказался на самой вершине, перемахнул через бойницы...

— Все нормально! — крикнул он уже через несколько секунд сверху. — Нас встречает почетный караул! Они тоже боятся! У них тоже опыта в этом деле с гулькиным носом, боятся как бы стрельба не началась. По рожам вижу, стопроцентно! Мне ворота открыть? Или все по стенам заберемся? У нас, елки-палки, все-таки штурм или что?

— Штурм у нас, штурм! — заорал в ответ Магнум.

— Детский сад какой-то у нас, а не штурм, — пробормотал он уже гораздо тише. — Товарищ Овод, пошли, поможешь мне ворота выбить.

Взявшись за руки они пошли, а потом и побежали к Спасским воротам, и в какой то момент Магнум подхватил женщину на руки, и развернувшись на бегу, всей спиной впечатался с железную поверхность, в самую середину. Четыреста тонн массы, помноженные на квадрат скорости разбега — легко прогнули несокрушимые на вид створы. Потом Магнум, не выпуская подругу из рук, повалился... Вместе с воротами, обломками кирпичей, и отборными матерными выражениями. Когда пыль немного рассеялась, оба комиссара оказались стоящими перед человеком в парадной генеральской форме, изрядно запачканной сейчас.

— Ну и зачем это было надо? — молодцеватым, глубоким и мощным тенором поинтересовался генерал...

Штурм Кремля (часть 2)

Магнум вместе с генерал-лейтенантом, который представился как «Дмитрий Сергеевич

Булкин, комендант Кремля» — прошли несколько десятков шагов, и оказались перед строем кремлёвских курсантов, вытянутых по стойке "смирно", в голубой парадной форме, карабины на плечо...

— Первая рота специального караула и третья рота первого батальона построены для церемонии почетной передачи командования. Остальные находятся в Арсенале, либо по приказу распущены в увольнение. Начальник кремлевского полка особого назначения — полковник Филейчиков, — внушительно пояснил комендант, указав на шеренги. — А что же ваши товарищи? — поинтересовался он через секунду.

— Магнум, это засада, — прозвучал в наушнике богатыря голос Глока. — Наблюдаю множество открытых окон и вооруженных людей. Они скорее всего, отход первого лица прикрывают, и будут прикрывать сколько смогут...

— А мои без команды не двинутся, — как можно беззаботней ответил генералу совершенно не изменившийся в лице Магнум. И в гарнитуру показательно-громко пробормотал:

— Овод, пришли сюда сотню Кольта-один... Для почетной церемонии...

— Кольт же на базе, как я его пришлю... а, поняла, любимый, — голос Иры приобрел тревожные нотки. — Осторожней там... Тебе помочь?

— Я сам сейчас постараюсь помочь нашему герою, — послышался в наушниках насмешливый голос Глока. — Овод, высылай во внутренний двор три десятка моих... Остальные просто блокируют выходы. Птаха один, два и три, приготовится к зачистке площади и помещений...

После этих слов Магнум буквально почувствовал как зашевелился воздух. Комиссар штурмовиков ощутил кожей, как вокруг него пришли в движение если не десятки, то сотни невидимых "октокоптеров".

— Верба докладывает, — раздался у всех в наушниках незнакомый, чрезвычайно спокойный женский голос. — Птаха один, два и три рассредоточены, и готовы к зачистке...

— Магнум, — раздался по внутренней связи голос Глока. — Смотри, как я умею...

Андрей с недовольной миной обернулся, и в тот же момент его округлое лицо вытянулось. Глок полз по отвесной стене красного кирпича головой вниз. Как натуральная муха, только без крыльев. Когда до земли оставалось метра три, "Тень ночи" свалился прямо в можжевельниковые кусты, обильно росшие у подножья.

«Он их пытается запугать, — сообразил Магнум. — Сейчас будет показывать, на что мы способны. Чтобы они почувствовали себя обреченными. А потом предложит выход... Давай, Леха, постараемся без лишних жертв...»

Глок не показывался из кустов, и Магнум повернулся к обоим командирам Кремля.

«Тень Ночи» стоял напротив полковника Филейчикова, буквально в трех шагах, и смотрел тому прямо в лицо. Командир полка играл желваками, и крепко сжимал в руках оркестровый жезл.

— Полковник, не надо, — тихо сказал Глок. — Мы знаем, что вы задумали. Заманить сюда как можно больше бунтовщиков, а потом захлопнуть мышеловку... Это бесполезно. И не нужно, в этом нет ни славы, ни чести.

Полковник молчал.

— Мы даем вам шанс, — продолжал меж тем Глок. — Вы давали клятву, в свое время, я знаю. Горячо любить и защищать свою Родину. Мы даем вам возможность исполнить эту клятву. Защитите нас, помогите нам возродить социалистическое Отечество. Встаньте рядом

с нами. С теми, кто помнит вашу клятву.

Меж тем три «десятки» из бригады Глока вышли из проема Спасской башни, и выстроились позади своего комиссара.

— Вот мы пришли, полковник. Мы — это народ. Посмотрите, вот он, — Глок указал рукой на бойца позади себя. — Учитель. Вот этот — хирург, врач. Следующий — бывший работник Сбербанка. Вот этот — охранник в торговом центре. Студент. Разнорабочий. Программист. Летчик. Тракторист. Моряк. Еще учитель. Рабочие — этот литейщик, а вот этот токарь. Клерк в департаменте. Мастер участка. Вот он, народ. Мы пришли. К вам, в армии. Мы не хотим сражаться против вас. Мы хотим сражаться с вами, плечом к плечу. Мы требуем чтобы вы сражались за нас. Чтобы вы вспомнили, и выполнили свои клятвы и присяги. Это единственное, что мы хотим.

Лицо полковника казалось высеченным из камня. Руки до абсолютной белизны сжимали несчастный жезл.

— Я помню эту клятву, и выполню её, — сказал он вдруг глубоким и сильным голосом. — Но...

Вдруг брусчатка под ногами колыхнулась. Послышался звук, как будто под глубоко по землей взорвался мощный заряд... Магнум, Глок и его бойцы даже не обратили внимания на это, наблюдая за строем курсантов и их командирами.

— Но... — чуть шатнувшись, продолжил полковник. — Я не могу препятствовать присяге и клятве, которую дали другие.

Он высоко вскинул оркестровый жезл над головой. Еще секунду была тишина, а потом курсанты единым, хорошо заученным, волшебным-прекрасным движением скинули карабины со спины... Грянули выстрелы. В Глока, Магнума и бойцов в «уникомах» попали сразу десятки пуль, выпущенных из окон. По верху стен застучали сапоги кадетов, занимающих позиции.

— Убить их всех! — прорычал в воздухе страшный голос, совсем не похожий на обычный голосок Овода. — Убить их всех быстро! Магнум, я иду!!!

Мощный звук ее голоса заставил всех вжать головы в плечи, а башни Кремля содрогнулись от звучащей в нём ненависти.

— Президент ушел! — кричал меж тем Филейчиков прямо в лицо Глоку, преодолевая нарастающий шум боя. — Вход в подземелье — в нашем Арсенале! Но он сейчас завален взрывом! С ним полсотни охранников! Он сам с двойником! Двойник в костюме, Тарасов в женской одежде!

— Спасибо, — сказал неслышимо Глок, и одним выстрелом отправил полковника на небеса.

Стоя во весь рост, не обращая внимания на пули, которые барабанной дробью стучали по «эфирному доспеху», Глок сказал прямо в воздух, прекрасно зная, что его услышат:

— Змея уходит через нору. С ним охрана. Переодет в женское.

— Приняла, — услышал он в глубине головы голос Юты. — Как вы там? Помощь нужна?

— Да уж как-нибудь сами разберемся, — проворчал Алексей, и, выдернув из кобуры пистолет, пошагал под огнем к ближайшему зданию.

* * *

— Да что там такое? Прием, — яростно прошипел в передатчик на плече полковника Семейкина, командира отряда сопровождения.

— Не можем понять, — с хрустом отвечала рация. — Огромный зал, и посередине препятствие. Прием.

— Обходите!

— Да не можем мы, не получается...

— Впереди точно чисто? Прием.

— Нет никого... Прием.

Семейкин матерно выругался, еще раз оглянулся на «сопровождаемых», и принял решение.

— Всем оставаться здесь. Ждать команды. Черников, Загвоздкин — за мной.

В пыльном воздухе свет от фонарей — как лезвия футуристических мечей. Здесь, в подземелье, не часто прибирались. Тайные ходы потому и называются таковыми, что чем меньше людей о них знают — тем лучше. По этому коридору надо пройти почти два километра, открыть несколько дверей, оснащенных довольно хитроумными замками и запорами — и после этого выйти чуть ли не посередине станции метро, дойти до тайного гаража, а дальше — взлетная полоса, самолет, и курс, который знает только пилот. Все отработано и проверено до мелочей, загвоздок и задержек быть не должно... Но тройки авангарда сообщают что-то немислимое.

Нет в этом тоннеле никаких залов. Даже расширений особых нет, чтобы их назвать «залами». Есть несколько боковых отводов, оставшихся позади. Как и полтора километра пути. Осталось пройти каких то пятьсот метров — а они остановились, и ждут уже десять минут. Непростительная задержка.

Тоннель имел несколько фортификационных изгибов, поэтому не просматривался насквозь. Миновав очередной из них, полковник Семейкин увидел впереди яркий белый свет, и действительно... зал, о котором ему уже десять минут как прожужжали все уши.

Медленно, до сердечного пульса в ладонях сжимая пистолет, Семейкин бесшумным шагом двинулся вперед.

Помещение. Большое. Светлое. Ламп не видно. Примерно тридцать метров в длину. Пятнадцать — в ширину. И в высоту метров пять, а то и больше. Вдоль левой стены — какие-то стойки и ящики. Колонн нет, вообще ничего нет. Просто открытое ярко освещенное пространство, пол, стены и потолок покрыты белым мрамором, на первый взгляд. Прямо посередине залы стояли обе авангардные «тройки», выстроились рядком, словно бойцы уперлись в невидимую преграду.

— Командир, прием! — вдруг ожила рация.

— Что еще?

— Командир, сзади огонь! Мы выдвигаемся! Командир, нет возможности стоять! Прием!

— Да чтоб вас разорвало да шлепнуло, — уже в полный голос выругался Семейкин. — Что хоть за дерьмо?

Навстречу ему уже спешили бойцы. Кто в зеленке. Кто в полицейском. А кто и в костюмах-тройках. Правда у всех жилетка была пуленепробиваемая.

Оба сопровождаемых лица на месте. Уже нормально.

Пробежав еще десять шагов и достигнув тактического поворота — полковник почувствовал жар. Сильный жар. Словно там, за поворотом — мощное пламя, отблески которого уже видны и на полу, и на потолке.

Семейкин аккуратно выглянул из-за бетонной кромки. Десяток бойцов оставшегося

арьергарда растерянно, прикрывая глаза ладонями — отступал перед лениво колыхающейся пламенной стеной. Один замешкался, и одежда на нем вспыхнула.

— Отступайте, черти, — гаркнул полковник. — Что вы там выжидаете?

Все вместе они выбежали в залу, попутно сбивая пламя с загоревшегося бойца. Лица у многих опалены, ресниц нет, бровей тоже. Огонь дошел до входа, и остановился. Жар был серьезный, но терпимый. В глубине красно-желтого марева были видны ленивые языки, словно протуберанцы, или пальцы неведомого существа, неторопливо пробующие материал стен на жаропрочность. Прошло несколько секунд — и вот пламя отступило. Недалеко, метра на четыре-пять, но жары уже не чувствуется.

Семейкин поспешил в центр зала.

— Осторожно! — предупредил его кто-то.

Полковник вытянул вперед обе руки, которые тотчас же уперлись в невидимую преграду. Он надавил. По ощущениям — словно руки входят в какое-то мокрое желе, но только до определенного момента, чуть дальше — и словно в стальную стену уперся.

— Попали, — сказал тот же голос, с маленькой ноткой обреченности.

Полковник перевел взгляд на бойца.

— Лебедев, прекратить панику...

— Да никто особо и не паникует, — огрызнулся тот.

— Разговорчики! — это уже командир «тройки» встряхнул молодого Лебедева за плечо. Боец появился у них совсем недавно, двадцать лет всего пацану. Правда реакция у него такая, что он мух на лету китайскими палочками ловит...

— Добрый день! — раздалось под сводами зала.

В ответ заклацало оружие. Десятки стволов уперлись в поздоровавшегося.

— Рад видеть, реально очень рад, — меж тем продолжал говорить человек, вышедший из противоположного входа в зал. За ним шла умопомрачительной красоты девушка, в черном, полностью облегающем костюме, словно в змеиной чешуе. С пышной копной черных как ночь волос, с ослепительной улыбкой, от которых на щеках играли ямочки. Гибкая, сильная и смертоносная, как и темный булатный клинок в ее руке.

Сам же человек был в обычной черной кожаной куртке, синих джинсах и офицерских берцах. Он не казался опасным, скорее наоборот — от него веяло спокойствием и миролюбием.

— Меня зовут товарищ Маузер. Мою спутницу — товарищ Люгер. Мы муж и жена.

Человек выждал паузу, но ни слова в ответ не услышал.

— Суть в другом, — продолжил он, остановившись в десяти метрах перед частоколом стволов. — Когда-то, давным-давно, я пообещал своей будущей жене, что она сможет убить одного человека. Сам же я возьму его голову, чтобы сделать из нее пепельницу. Через много-много лет я буду сидеть в кресле, смотреть на звездное небо, курить, и стряхивать в неё пепел, а вокруг будут бегать наши внуки, и иногда мы будем им рассказывать о том, что произойдет сегодня.

— Огонь, — скомандовал Семейкин одними губами.

Гром выстрелов оглушительным эхом загулял по стенам. Бойцы быстро меняли магазины и обоймы, град пуль не останавливался ни на секунду. Они застревали в невидимой преграде, как будто попадали в кисель, а потом медленно опускались на пол, словно попадали в воду, и в конечном итоге образуя собой небольшой, вытянутый в полоску холмик.

Человек в берцах снисходительно и совершенно беззлобно улыбался. А вот девушка за его спиной перестала улыбаться, и недовольно нахмурилась.

Полковник почувствовал, что пистолет стал тяжелым. Необыкновенно тяжелым. Да он целую тонну стал весить! Оружие упало из рук на пол, Семейкин попытался его поднять. Бесполезно. Даже не смог его с места сдвинуть. Да это что такое...

Наконец треск выстрелов утих. Все оружие лежало на полу. Кто-то тщетно пытался хотя

бы приподнять свой автомат или пистолет, но безрезультатно.

— Голова, которую мы заберем отсюда, находится на плечах вон того человека, — Маузер поднял руку и указал пальцем за спину полковника. Охранники непроизвольно сдвинулись, прикрывая тех, кого они сопровождали. Человек в форме штурмовика пожал плечами:

— Нет, который в костюмчике нам не нужен. Нам нужен тот, который в юбке, шляпке и на каблуках. Двойник тоже умрет, он не важен, даже если вы вздумаете нам его выдать.

— Кому «вам»? — раздался уверенный, хорошо поставленный голос. Майор Бродский, признанный мастер переговоров, вышел вперед, и оглянулся на командира. Семейкин утвердительно кивнул.

— Что вам вообще нужно? — уверенно продолжал Бродский. — Я уверен что мы все разумные люди, и обязательно договоримся.

Тот, кто назвал себя Маузером, некоторое время смотрел на собеседника.

— Вы — нет, — сказал он наконец. — Вы здесь просто как статисты. Знаете, майор, как в фильмах. Есть главный герой, есть главный злодей, и куча легко умирающих статистов. Вот я и Люгер — мы тут главные герои. Или главные злодеи. Неважно. Есть еще одно главное лицо, оно стоит за вами в женской одежде, и мечтает уже сегодня оказаться в Германии. А вас тут, здоровенных, крутых и классных парней — ровно сорок семь. Столько, сколько надо. Как в древней легенде о сорока семи ронинах. Знаете такую, господин Бродский?

Майор при звуках своей фамилии непроизвольно дернулся, как от удара. Откуда?

— Спокойно, — продолжал меж тем Маузер. — Когда мы разобрались с целями, задачами и вкратце ознакомились со сценарием, переходим к частностям. Как вы все уже поняли, огнестрельное оружие сегодня в разборках не участвует. Вы умрете честно, как мужчины, от холодной стали, и даже этот позорный карлик в юбке... тоже умрет как мужчина. Время у нас есть, но не так много. Поэтому я рекомендую вам всем не надеяться на собственные руки или даже ножи, а выбрать себе вооружение по вкусу. Оно вон там.

Маузер указал на стеллажи и стойки вдоль стены.

— Я вам обещаю, что там настоящие оригинальные образцы самого лучшего холодного оружия и доспехов, когда либо созданных человечеством. Некоторые из них достать было не легко, уж поверьте. Сейчас у вас будет несколько минут, чтобы вооружиться по вкусу и предпочтению. Разминайтесь, попробуйте выработать тактику боя. С нашей стороны никаких подвохов не будет, мы с женой до конца останемся вдвоем, без всякой помощи, и только с тем оружием, которое у нас есть...

В руке Маузера появилась самая настоящая секира, на длинной ручке, с широким полукруглым лезвием.

— Вы так и не сказали нам, что вы хотите, — начал было Бродский.

— Я сказал достаточно, чтобы меня поняли, — отозвался Маузер, и совершенно не опасаясь пошел в свой конец залы.

— Черников, Лебедев! — скомандовал Семейкин, сверля взглядом спину Маузера. — Посмотрите что там, на этих... стеллажах.

— Командир, тут целый склад...

Лебедев подбежал к полковнику. В руках у него была самая настоящая японская катана. Семейкин хоть и не был любителем таких вещей, но опытным глазом понял — Маузер не врал. Это было настоящее боевое оружие. Щелкни по лезвию — загудит. Такой можно

вместо колуна дрова колоть — ничего ей не сделается.

— Брось, — сказал полковник оторопевшему юноше, и сам поспешил к стойкам с оружием. Все таки без пистолета он чувствовал себя почти голым.

— У кого стволы при себе остались? — спросил он неразборчивым бурчанием. — Нет? Плохо... Вот черти...

Полковник еще раз прошел взглядом по будущим соперникам. Маузер выглядел щуплым недоростком. Нет, плечи у него... конечно есть, да и мускулы тоже, и гибкости не занимать. Но это всё бред по сравнению с плечами, мускулами и гибкостью любого из бойцов ближнего круга охраны президента. Люгер выглядела красиво и опасно. Но выглядеть опасно, и быть опасным — две совершенно разные вещи.

Да это просто мелкий пожилой пердун и сопливая девка! Вот только позади огонь, а впереди стена, абсолютно прозрачная, непробиваемая даже для сверхскоростных бронебойных пуль. Или какое-то поле. И это — огонь и стена — очень плохо. Сражаться с непонятными противниками, которые каким-то образом умеют управлять огнем и невообразимыми полями (полковник даже не смог предположить, какую природу эта «стена» имеет) — это вдвойне плохо.

— Брось, — мрачно повторил Семейкин Лебедеву. — Смотри на них. Эти двое очень ловкие ребята. Никакой рубки, никаких богатырских замахов. Только мешать друг другу будете. Шпага, тонкая сабля. Посмотрите копыя. У нас у всех руки длинней, поэтому никаких двойных хватов. Работаем тычком, прямыми точными ударами, причем все вместе. Никакого благородства. Коли, вытаскивай, еще раз коли.

— Есть копыя, — раздалась возгласы.

— Десятка с короткими копыями и короткими мечами вперед, — уже выстраивал тактику боя и построения полковник. — Второй десяток с копыями подлинней встает за ними. Остальные полукругом вокруг ударных десятков. Прикрываем президента, сами первыми не атакуем. Колем все вместе, никакого геройства мне не надо. Щиты есть? Прекрасно, копыеносцы берут овальные щиты. Кто умеет работать со щитом — берет круглые щиты. Разобрались!

Нет, все таки хорошо, когда командуешь настоящими профессионалами. Никаких глупых вопросов, никакой суеты, сказано-сделано.

— Доспехи? — задал кто-то вопрос.

— Нет, не надо, тут пойдет спор — кто кого «переловчит»... Всем снять лишнее! Построится в боевой порядок!

Марат и Юта подошли поближе, с интересом разглядывая как действуют профессионалы своего дела. Да, такая полурота спокойно батальон десанта уложит, и даже не поперхнется. Тут даже не краповые береты. Тут вообще что-то невообразимое.

— Ну, сегодня прощаться не будем, — с улыбкой сказал Марат.

— Иди ко мне, котик мой ласковый, — промурлыкала Юта.

Они слились в поцелуе, наслаждаясь каждым мгновением.

— Эй вы, голубки! — раздался с той стороны грубый голос. — Слышь, ты, Маузер, она тебя в очко трахает?

Юта оторвалась от Марата, безмятежно улыбаясь.

— Мр-р, они хотят нас из равновесия вывести, котик.

— Да я знаю, котёнка, — отозвался муж. — Снимай барьер.

Они встали, теперь спина к спине.

— Ну что, жертвы подвального промискуитета! — почти пропела Люгер. — Пришло время умира-а-ать! Три... два...

...один! — при этом слове Семейкин в одно движение метнул навстречу сумасшедшей парочке треугольную, остро заточенную пластину, лежавшую у него в нагрудном кармане пиджака. Потрясенный полковник увидел, как Маузер отмахнулся от его оружия, словно от мухи. Люгер, проскользнув между копьями, ударила первого бойца. Лезвие ее меча на краткий миг показалось из спины несчастного, потом исчезло, и появилось у другого — также между лопаток. Маузер куцыми движениями, используя все плоскости своей секиры как щит, отметал от нее все что можно, только иногда отвлекаясь, чтобы обратным движением чуть ли не располовинить очередного зазевавшегося. Хотя какие там зазевавшиеся... Звон железа и хриплое дыхание заполнили все пространство. Опытные бойцы умирали без единого стога. Не прошло и десяти секунд, как на полу валялся десяток трупов.

— Навались! — во все горло взревел полковник. — На прорыв!!!

Наплевать на потери... Главное — убрать отсюда "объект номер один". Десяток бойцов, взяв в кольцо президента Тарасова, как единая и стремительная черная капля, все ускоряясь — рванули к противоположному концу зала. Но все напрасно, полковник почувствовал как сжимается горло... прохода не было. Ни с какой стороны. Везде сплошная голая стена.

— Выхода! — прорезал звук боя звонкий девичий голос. — Здесь! Нет!

...после каждого крика Люгер на мраморный пол валилось тело...

— Победа! Или! Смерть!

— Твари! — после этого ее возгласа упали сразу двое.

Маузер тремя взмахами отправил на небеса последних из десятки прорыва. Два человека, мужчина и женщина, забрызганные кровью с ног до головы, снова стояли спина к спине, внимательно и уже без улыбок наблюдая за последней дюжиной врагов.

Без каких либо слов они двинулись к обречённым, и через двадцать секунд на ногах остались стоять только полковник, и "объект номер один".

Президента отшвырнули к ближайшей стене пинком, как щенка, путающегося под ногами.

Люгер и Маузер наконец разделились. Юта встала за спиной командира телохранителей, а Марат — лицом к лицу. А потом они пошли вокруг него, по широкому кругу, мягко и не спеша перешагивая через лежащие тут и там тела.

Полковник, хотя не имел ни единой царапины, вдруг почувствовал себя раненным загнанным зверем, вокруг которого не спеша кружат два саблезубых тигра. Каждый из них — сильнее жертвы многократно, просто им вздумалось поиграть. Кошки, даже очень большие, любят поиграть.

Семейкин, выставив вперёд свою шпагу, во все глаза следил за Маузером. Ему казалось, что эти нелюди (люди не умеют так убивать) — они договорились, что его убьет именно Маузер, как мужчину — мужчину, просто по правилам чести. Ещё полковник, хотя и понимал полную безысходность своего положения — не чувствовал страха. Амурские тигры не знают что такое страх. Они — самые сильные звери в своем лесу, где нет ни слонов, ни носорогов и крокодилов. Тигру некого бояться, любой шорох в кустах — это просто добыча. Полковник знал это, потому что сам родился и вырос в уссурийских лесах...

Он, чуть ослабив хват, сделал изящный выпад, просто проверить защиту противника. Лезвие беспомощно звякнуло о топориче.

— Ну-ну-ну, — сказал за спиной недовольный женский голос.

— Не нукай, сука, не в конюшне, — внятно и громко произнес невольный мушкетёр, и сразу почувствовал как горячее лезвие сзади в два касания перерезало ему коленные сухожилия. Кровь потекла по икрам, и теперь полковник не мог и шагу ступить. Он изо всех сил напряг мышцы ног, гордо вскинул голову, и остался стоять, чуть наклонившись вперед. Нечего и пытаться обмануть этих... глупо, лучше уж... Эх, жаль, гранаты нет...

— По легенде, — вдруг заговорил Маузер. — Один из ронинов остался в живых. Самый молодой. Он должен был стать гонцом, и возвестить, что месть свершилась. Но, — Марат опустил секиру. — Мы не в легенде. И мы не мстим. Просто мы знаем, что охранять вот этого, — он указал рукой на президента. — Ваша работа. И ваш долг перед государством и Родиной. Если просто убить его одного, мы бы оскорбили вас, как охранников — дважды. А учитывая то, что каждый из вас по окончании срока службы получает выполнение любого желания, то даже трижды. Да, это нигде не записано, но каждый из телохранителей ближнего круга знает, что придет время, и его наградят, выполнив абсолютно любую просьбу. Хочешь стать губернатором? Пожалуйста. Хочешь миллиард долларов? Конечно. Замок во Франции? Мисс Вселенную? Собственное министерство? Без проблем. Так уж завелось у нас в России...

Маузер чуть помолчал и продолжил дальше:

— Вот поэтому всё и произошло. Мы не могли оставить вас в живых. Вы все — очень серьезные, умные, сильные ребята. Со связями. И тут такое... Вы бы остаток жизни посвятили думам — как бы отомстить? И несомненно придумали бы. Это не входит ни в чьи планы. Вы оказались никому не нужны — со своими навыками, серьезностью, умом, связями, мечтами и желаниями. Так вот получилось...

— Кто вы? — проскрипел полковник.

— Мы? Мы просто коммунисты...

Внезапно президент Тарасов со слабым возгласом отделился от стены, и, путаясь в юбке, смешно семеня ногами — попытался подобранным с пола кинжалом ударить Люгер в спину. Семейкин повернул на эти звуки голову, и увидел, как девушка очень изящным и легким движением всего тела увернулась от лезвия, шагнула вперед, и, глядя полковнику прямо в глаза, ни капли не поворачиваясь — просто отмахнулась, великолепным внутренне-круговым движением своего клинка. Потом она шагнула, но уже назад, резко опустилась на одно колено, и свободной рукой (также не оборачиваясь) — поймала в ладонь отрубленную лысую голову.

Полковник повернулся опять к Маузеру.

— Давай, — сказал он, и отсалютовал шпагой.

Марат с тяжелым вздохом поднял свое оружие...

* * *

Они ещё некоторое время оставались в зале, среди трупов и крови. Марат собрал все разбросанное оружие, а Юта вышла на середину зала. Там оставался маленький пятючок пространства, абсолютно чистый, никак не затронутый разыгравшимся боем.

Она присела на корточки, и протянула руку, ожидая. На раскрытую ладонь вдруг упала капля. Обычная капля воды, чистая и прозрачная. Девушка поднесла ладонь к своему лицу, разглядывая каплю как самое настоящее сокровище. Честно говоря, Юта сильно сомневалась, что вода, да ещё в таком малом количестве, способна создать невидимый барьер и удержать собой полсотни здоровенных мужиков, а уж тем более — тысячи пуль из

их стволов. Но слеза Соляриса была способна и не на такие чудеса.

— Все, налюбовалась? — спросил подошедший Марат.

— Да, — сказала Юта со вздохом. — Пошли к нашим? Командовать отбой?

— Да, вот теперь можно командовать отбой, товарищ Люгер, — вздохнул Марат. —

Теперь начнется самое трудное...

Они взялись за руки, как первоклассники, и никуда не исчезая, никак не торопясь — пошли к выходу. Как только они исчезли за поворотом тоннеля, свет в зале стал затухать, пока не осталась одна старая и ржавая лампа, под потолком. Да и сам потолок, вместе со стенами и полом потерял свою белизну, становился все ниже и ниже, и уже видно, что никакой это не мрамор, а простой серый бетон. Зала сжималась на глазах, проглатывая внутрь себя павших.

Уже через пять минут этот участок тоннеля ничем не отличался от других.

Конец третьего тома.

Больше книг на сайте - Knigoed.net